

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1981

Новое в археологии Забайкалья.— Новосибирск: Наука, 1981.

Сборник содержит новые археологические данные о территории Забайкалья. Приводится описание ряда памятников, датированных от верхнего палеолита до развитого средневековья. Среди них привлекает внимание тщательно стратифицированный богатый по инструментарию памятник забайкальского палеолита — древнее поселение возле с. Куналей БурАССР. Комплексный подход к изучению памятников археологии дает возможность глубже изучать как новые, так и открытые ранее объекты.

Книга рассчитана на широкий круг специалистов в области археологии и истории.

Ответственный редактор канд. ист. наук *П. Б. Коновалов*

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Ответственный редактор
Прокопий Батюрович Коновалов

Утверждено к печати
Бурятским институтом общественных наук
Бурятского филиала СО АН СССР

Редакторы издательства *Я. М. Мочалов, Т. М. Назарянц*
Художественный редактор *С. М. Кудрявцев*
Художник *А. И. Смирнов*
Технический редактор *Ф. Ф. Орлова*
Корректоры *Г. Д. Смоляк, А. В. Пименов*

ИБ № 10300

Сдано в набор 07.03.80. Подписано к печати 30.03.81. МН-05228.
Формат 84×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,8. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 1350 экз. Заказ № 76. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со дня организации академического научного учреждения в г. Улан-Удэ (1958 г.) и после выхода в свет первого выпуска «Археологического сборника» (1959 г.) материалы по археологии Бурятии публиковались в самых различных местных и иногородних научных изданиях таких, как «Краткие сообщения», «Труды», «Этнографические сборники» Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР, сборники республиканского и Кяхтинского краеведческих музеев и отделений Географического общества, а также «Труды» Иркутского государственного университета и Якутского филиала СО АН СССР.

В настоящее время археологические исследования на территории Бурятии и смежных с ней областей осуществляются нарастающими темпами и проводятся не только коллективом бурятских археологов, но и, в значительной степени, специалистами других научных учреждений страны — прежде всего Читы, Иркутска, Новосибирска, Ленинграда и Москвы.

Предлагаемый сборник был задуман как публикация новейших археологических данных по территории Западного и Восточного Забайкалья и Прибайкалья и является результатом творческих контактов и взаимных усилий археологов по координации своих исследований.

Знаменательным для археологии Забайкалья, включая Прибайкалье, стало развертывание плодотворных региональных исследований, когда тот или иной исследователь сосредоточивает свое внимание на систематическом и сплошном изучении памятников определенного региона. Это дает возможность охватить исследованием совершенно новые, нетронутые археологами уголки края или глубже изучить памятники, открытые ранее, но недостаточно исследованные.

Так, за последнее десятилетие целенаправленное обследование читинскими археологами долины рек Хилок и Чикой завершилось открытием целого ряда новых памятников, датируемых в широком диапазоне времени — от верхнего палеолита до развитого средневековья. Настоящий сборник открывает публикацией материалов одного из значительных памятников этого региона — древнего поселения возле села Куналей на территории Бурятской АССР. Очень важно, что его исследователь М. В. Константинов привлек к изучению новой стоянки геологов и геоморфологов, паликологов и палеонтологов, проведено тщательное стратиграфическое обследование. На сегодняшний день стоянка Куналей один из немногих стратифицированных многослойных памятников, чьи ранние комплексы относятся к верхнему палеолиту, а поздние — к неолиту. Стоянка характеризуется к тому же богатством выразительного инвентаря, что делает ее одним из важнейших памятников забайкальского палеолита.

Другому памятнику с р. Хилок — неолитическому поселению Черемушки посвящена публикация Л. В. Семиной. Автор датирует стоянку концом III — началом II тыс. до н. э. и в качестве аналогичных называет целый ряд памятников на территории как Восточного, так и Западного Забайкалья.

Следующим районом Забайкалья, где проводится сплошное планомерное археологическое обследование, является бассейн р. Витим в ее верхнем и среднем течении по границе Бурятской АССР и Читинской области. Началом этим исследованиям было положено в 1974 г. благодаря доброму начинанию коллег-иркутян, и с тех пор работы ведутся там ежегодно совместными усилиями иркутских и бурятских археологов. В сборнике публикуются материалы предварительного обследования комплекса древних стоянок в устье р. Каренга — правого притока р. Витим (см. статью В. М. Ветрова).

Здесь, так же как на юге Бурятии, сделана В. М. Ветровым очень важная стратиграфическая документация основных местонахождений, позволяющая принять их на данном этапе исследований в качестве ключевых пунктов в культурно-хронологической интерпретации ряда других раскопок, проведенных к настоящему времени в долине верхнего и среднего Витима. В целом материал многослойных стоянок Усть-Каренга укладывается в широкие хронологические рамки от мезолита до железного века.

Третьим регионом, где за последнее десятилетие проводились планомерные исследования, был Еравнинский район Бурятской АССР, точнее берега целой группы еравнинских озер на водоразделе рек Уда и Витим. Собранный из этих мест богатый материал уже вошел в монографию Л. Г. Ивашиной «Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии» (Новосибирск, Наука, 1979) и в ряд других ее публикаций. В настоящей статье автор более подробно останавливается на культурно-исторической интерпретации ранних погребений могильника Бухусан. Датируя этот погребальный комплекс концом III — началом II тыс. до н.э., автор анализирует материал на широком фоне синхронных памятников Прибайкалья и Приамурья, Якутии и Монголии, выявляет явные и вероятные культурно-исторические связи Забайкалья в эпоху позднего неолита.

В изучении каменного века Юго-Восточного Забайкалья достигнуты значительные успехи (см.: Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, Наука, 1980). В статье И. И. Кириллова, много лет работающего над этими проблемами, подводятся некоторые итоги исследования неолита. В частности, внимание уделяется оценке одной из важных особенностей неолита Юго-Восточного Забайкалья — возникновению здесь примитивного земледелия, ставшего, наряду с приручением скота, одной из основ хозяйственной деятельности населения степного Забайкалья к концу каменного века. В этом вопросе автор развивает идею, выдвинутую академиком А. П. Окладниковым в работе «О начале земледелия за Байкалом и в Монголии» (1962 г.) и поддержанную другими советскими и монгольскими археологами (А. П. Деревянко, Д. Дорж), исследовавшими неолитические памятники на территории Монгольской Народной Республики. Свои выводы И. И. Кириллов удачно согласует с данными палеоклиматологии и новыми результатами споропыльцевых анализов из исследуемого района.

Нескольким находкам и местонахождениям с культурными остатками разных эпох, обна-

руженным геологами и археологами в южных районах Забайкалья, посвящена публикация Ю. С. Гришина.

В статье Е. А. Хамзиной «Клад бронзовых изделий из Закампы» описан набор предметов производственного назначения — ножи, кельты, шилья, сбруйные принадлежности и др. Сравнительно-типологическим методом определены их датировка карасукско-тагарским временем бронзового века Прибайкалья. В Забайкалье такой клад бронзовых вещей найден впервые.

Коллекция прибайкальских бронз пополнилась также благодаря новейшим исследованиям Северо-Байкальского отряда Иркутского государственного университета (см. статью П. Е. Шмыгуна, Н. Ф. Сергеевой и Ю. П. Лыхина). На этот раз на побережье Байкала обнаружены и раскопаны интересные погребения с бронзовым инвентарем. Последний по аналогии с южно- и восточно-сибирскими бронзовыми изделиями уверенно датируется авторами скифо-тагарским временем и, по данным спектрального анализа, тяготеет больше к забайкальскому очагу бронзовой металлургии. Значение этих находок в свете нерешенных проблем раннеметаллических культур Восточной Сибири трудно переоценить.

Попытку глубже исследовать наскальные рисунки Забайкалья предпринял в своей статье А. В. Тиваненко. Тема эта издавна пользуется вниманием крупнейших исследователей и получила монографическую разработку прежде всего в трудах А. П. Окладникова и В. Д. Занорожской (см. книгу «Петроглифы Забайкалья» в двух томах). Поиски А. В. Тиваненко новых петроглифов за последнее время позволили собрать немало дополнительного материала и любопытных наблюдений, систематизации которых и посвящена представленная в сборнике статья этого автора. Изложенный в ней материал, подтверждая прежнюю датировку петроглифов Забайкалья, не может, однако, противоречить той расширительной хронологии, разработанной в трудах Н. Н. Дикова и А. П. Окладникова, согласно которой красочные рисунки на скалах Забайкалья существовали на протяжении довольно длительного времени — карасукско-тагарского, по южносибирской классификации. Хотя А. В. Тиваненко и не ставит задачу пересмотра существующей датировки, но его возврат к точке зрения сужения хронологии рассматриваемых петроглифов рамками заключительного этапа бронзового века лишает самого автора хронологической ретроспективы в изучении этого бесспорно автохтонного для Забайкалья и Восточной Монголии искусства. Нечеткость позиции А. В. Тиваненко выражается и в том, что хронологичес-

кую грань между «селенгинскими» и «кяхтинскими» писаницами он проводит то тагарским временем (слишком широкий диапазон!), то первыми веками нашей эры. Тем не менее, вряд ли кто возразит против идеи автора о существовании и культурной преемственности этих разновидностей наскальных рисунков забайкальских племен.

Статьи, посвященные материалам раннеметаллической эпохи, завершаются историографической работой А. Д. Цыбиктарова «Бронзовый век Западного Забайкалья», где освещена история исследования, подведены итоги изучения и сформулирован круг вопросов, требующих дальнейших разработок.

Наконец, две работы в сборнике посвящены средневековью. В ходе целенаправленного изучения памятников I тыс. н. э. в Восточном Забайкалье Е. В. Ковычевым раскопан ряд захоронений, относящихся к началу II тыс. н. э. На основе полученных материалов автор выявляет основные черты погребального обряда и инвентаря этого, пока еще небольшого, археологического комплекса. Благодаря удачным находкам монет из погребений Е. В. Ковычеву удалось, пожалуй, впервые обоснованно датировать такого рода погребения, которые получили в литературе название «монгольских».

Судя по всему, совершенно синхронный материал получен за последние годы в Западном Забайкалье (см. статью П. Б. Коновалова и С. В. Данилова). На вновь открытом смешанном (т. е. разновременном) могильнике вблизи дер. Кибалино на р. Ссленге раскопана наиболее поздняя группа могил. Материал из них составляет ярко выраженный однокультурный погребальный комплекс и оказался, если не целиком, то в основных чертах, идентичным материалу так называемых монгольских захоронений, известных на территории Бурятии еще со времен исследований Ю. Д. Талько-Гринцевича, Г. Ф. Дебеца, Г. П. Сосновского и др. Читатели смогут убедиться также в родстве этих материалов с упомянутыми выше восточно-забайкальскими (по статье Е. В. Ковычева).

Таким образом, сборник по преимуществу содержит новые материалы по археологии Забайкалья и, частично, Предбайкалья. Авторы обращаются к малоизученным или вовсе неизученным регионам этой сложной в историко-археологическом отношении области. В их работах, наряду с возможной на сегодняшний день научной интерпретацией и оценкой своего материала, видна нацеленность на дальнейшее расширение и углубление исследований.

П. Б. Коновалов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БМНИИК	— Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры.	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ВСОРГО	— Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества.	ОИПК	— Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
ВДИ	— Вестник древней истории.	ПИМЪ	— Проблемы истории материальной культуры.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.	СА	— Советская археология.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии.	САИ	— Свод археологических источников.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.	СЭ	— Советская этнография.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии.	ТКОРГО	— Троицкосавско-Кяхтинское отделение Русского географического общества.

М. В. КОНСТАНТИНОВ, Д. Б. БАЗАРОВ, А. Б. ИМЕТХЕНОВ,
Л. Д. БАЗАРОВА, Л. В. СЕМИНА, В. В. САВИНОВА

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ КУНАЛЕЙ

В Западном Забайкалье известно несколько десятков стоянок каменного века, но почти все они разрушены. От них остались только россыпи каменных изделий на дне песчаных котловин выдувания. Те же памятники, что дошли до нашего времени в непогрязенном состоянии и раскопаны на более или менее значительной площади (Опурково, Нижняя Березовка, Посольское и др.), в печати не освещались. Это обстоятельство значительно затрудняет использование западнозабайкальских материалов при подготовке обобщающих трудов по древней истории нашей страны. Так в «Истории Сибири» каменному веку Западного Забайкалья посвящено три неполные страницы (т.1, с.61,65,116), тогда как каменный век соседних районов представлен значительно полнее¹.

Данная статья знакомит с результатами изучения древнего поселения, расположенного близ с. Малый Куналей Бичурского района Бурятской АССР на р. Хилок. Оно проводилось в 1971—1977 гг. археологическим отрядом Читинского пединститута под руководством М. В. Константинова и Л. В. Семиной². В раскопках поселения участвовали сотрудники Института геологии БФ СО АН СССР Д. Б. Базаров, Л. Д. Базарова, А. Б. Иметхенов. Спорыльцевые анализы выполнены В. В. Савиновой (Институт геологии БФ СО АН СССР). Фау-

нистический материал определен Н. Д. Оводовым (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР). Наиболее выразительная часть коллекции каменных изделий изучена трассологом В. Е. Щелинским (Ленинградское отделение Института археологии АН СССР). Минералогическое определение образцов орудий принадлежит С. П. Смеловскому (Читинский пединститут).

Поселение Куналей, как памятник древности, обладает рядом существенных достоинств. Прежде всего, следует отметить, что оно является трехслойным. При этом культурные слои заключены в четкие по структуре напластования и явно разновременны. Нижний слой (3) относится к концу позднего палеолита, средний (2) — к мезолиту, верхний (1) — к позднему неолиту — бронзе. Не менее важно и то, что все три слоя дают выразительный археологический материал. Особенно интересна «связка» палеолитического и мезолитического слоев. Она раскрывает характер изменений в материальной культуре на рубеже плейстоцена и голоцена.

В районе расположения древнего памятника (рис. 1, 2) долина р. Хилок врезана в низкогорную перемычку, находящуюся между собственно Хилокской и Буйско-Зардаминской впадинами, и образует долину прорыва. Низкогорная перемычка на юге соединяется с отрогами Малханского хребта, на севере — с продольной грядой, отделяющей Хилокские впадины от Шибертуйского ответвления. При выходе из сужения в Хилокской впадине развит комплекс аккумулятивных уровней (в м): низкая пойма — 1,5—2,0; высокая пойма — 2,5—4,0; I терраса — 5—7; II терраса — 8—12; III терраса — 18—22; IV терраса — 35—40; V терраса — 60—80.

Выявлен также скульптурный террасовидный уровень высотой 125—140 м, сложенный легко размываемыми эффузивными породами (рис. 3), причем террасовидный комплекс лучше и полнее представлен по левой стороне

¹ История Сибири. Т. 1. Л., 1968.

² Кириллов И. И., Константинов М. В. Работы в Читинской области.— В кн.: Археологические открытия 1971 г. М., 1972; Они же. Исследования в Восточном Забайкалье.— В кн.: Археологические открытия 1973 г. М., 1974; Они же. Палеолит Восточного Забайкалья в свете новых археологических исследований.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1975; Константинов М. В. Палеолитические памятники р. Хилок (по разведке 1971 г.).— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975; Он же. Новые данные о каменном веке Западного Забайкалья (палеолит).— В кн.: Сибирь в древности. Новосибирск, 1979, с. 11—16; Konstantinov M. V. Kunalay.— The early man news. Tubingen, 1976, N 1—2.

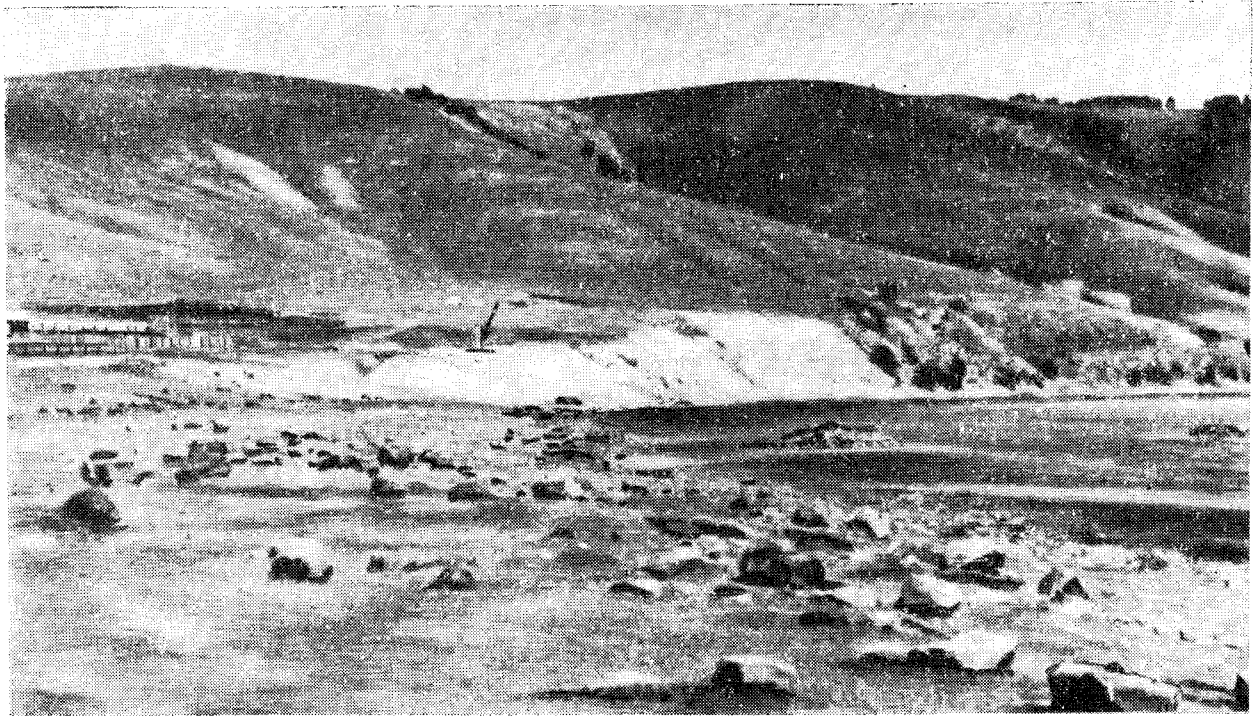

Рис. 1. Древнее поселение Куналей. Район расположения. Стрелкой указано местоположение памятника.

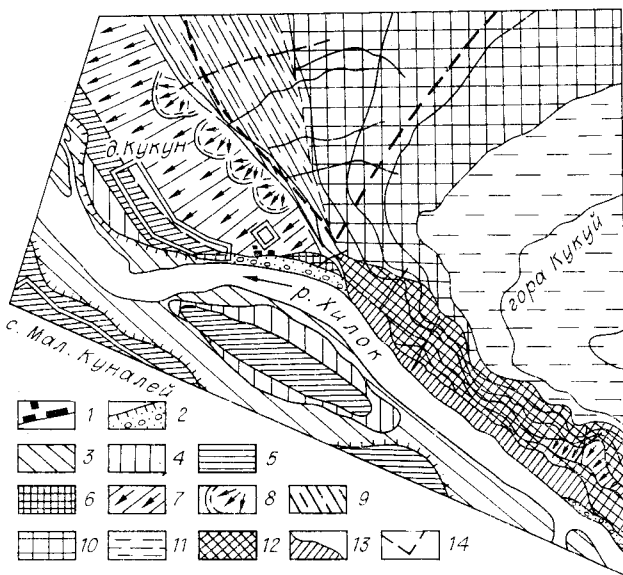

Рис. 2. Геоморфологическая схема участка расположения древнего поселения Куналей.

1 — археологические раскопы, шурфы; 2 — бечевник; 3 — низкая пойма р. Хилок; 4 — высокая пойма р. Хилок; 5 — первая надпойменная терраса р. Хилок; 6 — вторая надпойменная терраса р. Хилок; 7 — слабонаклонный делювиально-пролювиальный шлейф; 8 — конус выноса; 9 — пологий склон делювиального накопления; 10 — пологий склон делювиального сноса; 11 — уплотненная высокая поверхность делювиального генезиса; 12 — крутой склон гравитационного сноса; 13 — обрывистый подмытый склон; 14 — граница распространения мощной толщи песков кривоарской свиты.

р. Хилок, а справа от реки, вдоль склона горы Кукуй, в районе дер. Кукуй, прослеживается слабонаклонный делювиально-пролювиальный шлейф, который сочленяется с низким комплексом террас. Тыловая часть шлейфа закрыта молодыми голоценовыми конусами выноса.

Высокие аккумулятивные уровни (террасы IV, V) сложены в основном мелко- и среднезернистыми песками с крупными линзами и прослоями гравия и галечников, получившими название кривоарской свиты³. Высокие террасы покрыты золовыми пылеватыми песками с несколькими горизонтами погребенных почв разной мощности (от 0,1 до 0,5 м).

Третья терраса представлена разнозернистыми слоистыми песками с прослоями илистых песков. На песках залегают сильно карбонатизированная супесь мощностью 3—4 м. Средняя часть супеси сильно подвержена криогенным нарушениям и солифлюкционным смещениям. На конусе оврага, прорезающего уступ террасы, найдены довольно многочисленные остатки плейстоценовой фауны: лопатка и череп носорога, разрушенный бивень мамонта, челюсть северного оленя (определения Н. Д. Оводова).

³ Базаров Д. Б. Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского среднегорья. Улан-Удэ, 1968, с. 166.

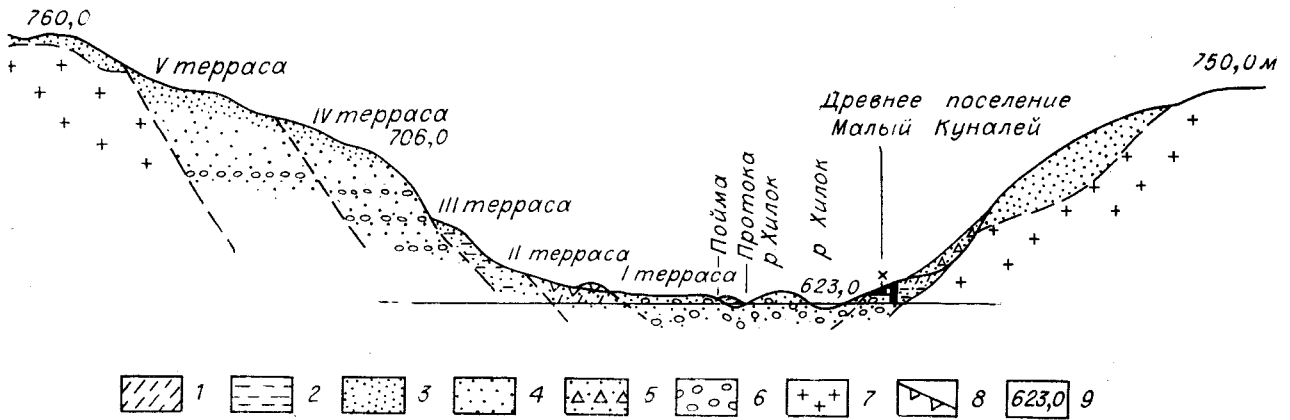

Рис. 3. Геолого-геоморфологический профиль через долину р. Хилок в районе древнего поселения Куналей.
1 — супесь; 2 — иловатый песок; 3 — лессовидный песок; 4 — слоистые пески кривоарской свиты; 5 — дресва и щебень; 6 — галька и валун; 7 — коренные породы (эффузивы); 8 — овраг; 9 — отметки высот.

Вторая терраса представлена светло-серым, желтым, тонко- и мелкозернистым, хорошо отмытым слюдястым песком. В разрезе выражены пятна и линзы ожелезнения. Слоистость ровная, горизонтальная.

Культурные слои древнего поселения Куналей связаны с пойменным аллювием I террасы и делювиальными отложениями слабонаклонного шлейфа. Высота бровки шлейфа на месте расположения поселения равна 8—10 м. В сторону горы Кукуй высота шлейфа увеличивается до 20 м. На месте поселения было заложено два раскопа и ряд шурфов общей площадью 240 м². На стенке основного раскопа наблюдалась следующая система слоев (сверху вниз, рис. 4):

1. Почва темная, черная, граница с нижележащей погребенной почвой четко выраженная неровная. Слой частично разрушен копытцами баранов. Культурный слой 1 (поздний неолит — бронза)	Мощность, м	0,1—0,15
2. Почва погребенная, темно-бурая, супесчаная, лессовидная, с пятнами карбонатизации и единичными валунами. Нижняя граница неровная	0,5—0,6	0,3—0,35
3. Супесь палевая, тонкая		
4. Супесь палевая, местами светло-серая, тонкая, пылеватая, сильно карбонатизированная. Карбонатизация выражена в виде причудливых очертаний пятен, линз, и полого-наклонных клиньев — инволюций мерзлотного происхождения. Она приурочена к более тонкой супеси, внедряющейся снизу. На боковой стенке эти слои имеют вид солифлюкционных натечков и языков, вытянутых вверх и в сторону понижения шлейфа. Некарбонатизированные супеси в нижней части, особенно в карманах, переходят в разнородный, неотсортированный, серый песок. С нижней частью слоя, мощностью 0,5 м. связан культурный слой 2 (мезолит)	1,6	
5. Песок бурый, палево-бурый, тонко- и мелкозернистый, алевролитистый, довольно плотный. В процессе раскопок легко		

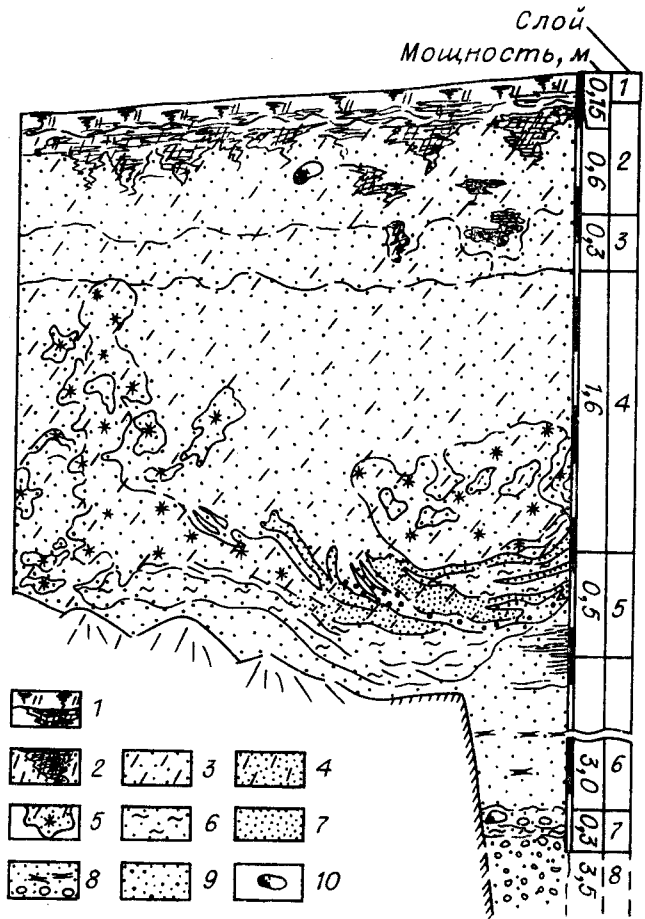

Рис. 4. Поселение Куналей. Стратиграфическая колонка.

1 — почва темная; 2 — почва погребенная, темно-бурая, супесчаная, лессовидная; 3 — супесь палевая, тонкая; 4 — супесь палевая, местами светло-серая, тонкая, пылеватая; 5 — супесь палевая, светлого-серая, пылеватая, тонкая, сильно карбонатизированная, деформированная; 6 — суглинок темно-бурый, остатки разрушенной почвы; 7 — песок бурый, палево-бурый, тонко- и мелкозернистый, алевролитистый, довольно плотный; 8 — песок желтовато-бурый, палево-бурый, тонкозернистый, плотный, слегка ожелезненный с прослоями иловатых песков и отдельных галек; 9 — песок разнородный, преимущественно мелкозернистый; 10 — валун.

отделяется от вышележащего. Слои сильно деформированы криогенными процессами. По клиньям сверху внедряются палево-бурые супеси и разнозернистые пески из слоя 4. В нижней части слоя отмечаются темно-бурые пятна и топки прослойки гумуса, представляющие, по-видимому, остатки разрушенной солифлюкционной почвы. В этом слое наблюдается линза темно-бурого суглинка. Археологический материал встречается по всей мощности слоя. Стерильных прослоек внутри его нет. Культурный слой 3 (поздний палеолит)

6. Песок желтовато-бурый, палево-бурый, тонкозернистый, глинистый, плотный. В верхней части прослеживаются прослойки иловатых песков мощностью от 3—6 до 10—20 см, в нижней части встречается редкая, хорошо окатанная галька, а также пятна и вкрапления ожелезнения. Слоистость горизонтальная и слабо выраженная из-за деформации . . . . . 0,5—0,7

7. Валуну средних и крупных размеров, средней окатанности. Встречаются сильно выветрелые, разрушенные, каолинизированные отложения пестрого состава и цвета. Многие валуны превращены в песок и глину. Заполнителем является мелкозернистый песок и галька . . . . . 2,8—3,0

8. Галечник и разнозернистый песок. Окатанность их хорошая. Слоистость горизонтальная 0,3

Видимая
мощность
3,5 м

В разрезе раскопа и расчисток выделяются три толщи.

1. Два почвенных горизонта, развитых на эоловых супесях (слои 1—3).

2. Супесчано-песчаная, карбонатизированная, деформированная делювиального характера (слой 4).

3. Аллювиальная, состоящая в свою очередь из двух разновозрастных и разнохарактерных слоев. Верхняя часть (слои 5—6) представляет собой пойменную фацию первой террасы высотой 6 м: иловатые и алевроитистые, тонко- и мелкозернистые пески, затронутые сверху сингенетической мерзлотной деформацией. В гранулометрическом составе их преобладает в основном фракция до 0,05 (63—69%). Окатанность плохая и средняя. Песок довольно однородный и хорошо отсортированный. По минералогическому составу — полимиктовые. Ведущее значение имеют измененные полевые шпаты (46—56,5%), полевой шпат (28—32%) и кварц (13,5—16%). В качестве примесей повсеместно встречаются глинисто-слюдистые массы. В тяжелой фракции подавляющее значение имеют неустойчивые минералы (амфиболы, эпидот, сфен, анатит, магнетит и др.). Присутствие устойчивых минералов незначительно. Преобладание неустойчивых минералов, как правило, характерно для отложений, сформировавшихся в верхнеплейстоценовое время.

Нижние, валунно-галечные отложения (слои 7—8), представляющие собой русловую фацию, по всей вероятности, не являются отложениями первой террасы. Об этом может свидетельствовать следующее. Во-первых, эти отложения сверху состоят из сильно выветрелых, разрушенных галек и валунов довольно пестрого состава и цвета. Местами валунно-галечниковый материал разрушен до песков каолинизированных глин. Во-вторых, эти галечные отложения в устьевой части оврага, расположенного ближе к склону горы Кукуй, обнажаются в цоколе более высокой террасы — второй. Выше галечных отложений этой террасы залегало три толщи, примерно одинаковой мощности (до 4 м каждая). Нижняя толща представлена часто переслаивающимися мелко-, средне- и тонкозернистыми светло-серыми, бурыми иловатыми песками с прослойками гравия, мелких галек и бурых вязких илов мощностью 25—30 см. Эти осадки по облику представляют собой пойменно-старичные отложения. Выше располагается карбонатизированный горизонт делювиального характера, соответствующий второй толще археологического раскопа. Иной характер, чем в раскопе, носит в этом разрезе верхняя толща. Она состоит из отчетливо выраженных отложений конуса выноса, представленных щебнем и дрсевой, заключенных в супеси черно-серого и черного цвета.

Таким образом, валунно-галечные отложения подстилают осадки, относящиеся к разным террасам и сформировавшиеся в разной фациальной обстановке. Сильная выветрелость верхних слоев галечников может быть обусловлена их более древним возрастом или переотложением из древнего дочетвертичного аллювия.

При спорово-пыльцевом анализе образцов, взятых из отложений основного раскопа и шурфа, расположенного рядом с раскопом, установлен спектр, отражающий несколько фаз растительности (рис. 5).

В нижнем переотложенном песчано-галечном слое (слой 8) встречены пыльца и споры, указывающие на преобладание травянистых растений (62,5%): злаковые, гречишные, пестроцветные, бобовые, полыни и сложноцветные, из древесных — береза (18,5%). Споры растений не имеют существенного значения. Преобладание в спектре лугово-степных трав с небольшим содержанием березовых колодок могло бы свидетельствовать об умеренно влажном климате (проба 1).

Выше по разрезу в слое песков (слой 6) наблюдается уже одинаковое соотношение древесных и недревесных растений. Из основной массы пыльцы трав следует выделить злаковые, пестроцветные, полыни, гвоздичные и т.д. Древесные растения представлены сосной обыкновенной.

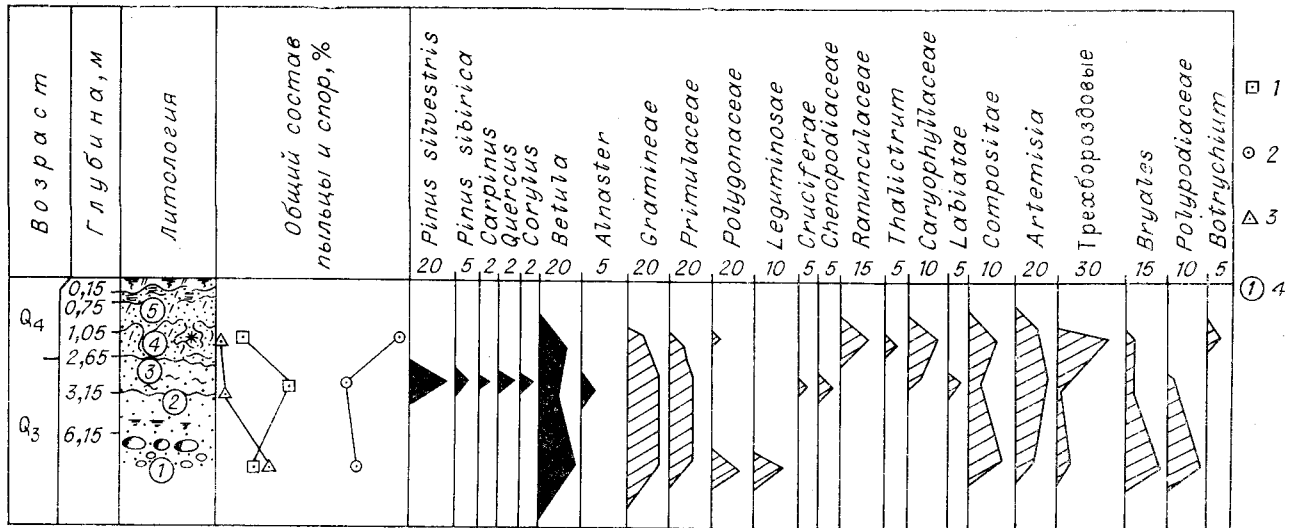

Рис. 5. Спорво-пыльцевая диаграмма отложений поселения Куналей.
1 -- пыльца древесных пород; 2 -- пыльца травянистых растений; 3 -- споры; 4 -- место отбора проб.

новенной и кедровой, березой и ольховником. Выделяются также единичные зерна пыльцы теплолюбивых форм растений (граб, дуб, лещина), по-видимому, переотложенные. Наличие сравнительно большого числа древесных форм указывает на существование умеренно теплого, увлажненного климата, по-видимому, соответствующего концу каргинского межледникового (проба 2).

С алевритистого песка (слой 5), содержащего палеолитический материал, получен бедный спорво-пыльцевой комплекс. Подавляющее значение имеет пыльца степных трав (85,2%): злаки, пестроцветные, лютиковые, полыни, гвоздичные, гречишные и сложноцветные. Древесные формы представлены пыльцой березы (11,9%). Преобладание в спектре пыльцы степных форм растений с небольшими островками леса на склонах гор говорит об умеренно холодном и относительно сухом климате. Это положение, в целом, согласуется с наличием разрушенной погребенной почвы. Эта почва, очевидно, сформировалась в период одного из интерстадиалов сартанской эпохи. Ее разрушение солифлюкцией произошло в связи с дальнейшим похолоданием. Во время последующего нарастания похолодания весь слой алевритистого песка был деформирован морозно-мерзлотным процессом (проба 3). Пробы 4 и 5, взятые из вышележащих слоев, результата не дали.

Определенный фаунистический материал обнаружен в литологических слоях 5 (палеолитический слой) и 4 (мезолитический слой). В слое 5 содержатся ископаемые остатки плейстоценового комплекса — кости лошади (*Eguus caballus*), носорога (*Coelodonta* sp.), и, предполо-

жительно, сайги (*Saiga tatarica*), бизона (*Bison*), оленя (*Cervus* sp.), а также кости суслика и полевок, происходящие, очевидно, из более поздних кротовин⁴.

По образцам 1977 г. из этого же слоя, а также из слоя 4, М. А. Ербаевой выделена полевка Бранта прогрессивного облика (*Sasipodomys Brandi* Radde), имеющая большое сходство по структуре жевательных зубов с позднплейстоценовыми и голоценовыми формами.

Наиболее значительный археологический материал выявлен в палеолитическом слое (третий культурный слой или пятый литологический). Всего найдено 2193 каменных изделия. В качестве исходного материала употреблялись ороговикованный фельзит-порфир, липарит-порфир, щелочный липарит, фельзит, кремль, пелитовый и глинистый туф в виде речной гальки. Ее собирали здесь же, на берегу р. Хилок, под уступом террасы. Изредка использовались также желваки, которые находили близ поселения на склоне горы Кукуй. Большое место в коллекции занимали отщепы — 1795 экз. Среди них есть крупные подтреугольные, подтрапециевидные или бесформенные, и мелкие, вплоть до чешуек.

Значительной серией представлены нуклеусы крупных и средних размеров (75 экз.)⁵, ти-

⁴ Оводов Н. Д. Фауна палеолитических стоянок Сибири и проблема хронологических и палеогеографических толкований. — В кн.: Соотношение древних культур Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 39.

⁵ Процентное содержание нуклеусов подсчитывалось от общего их числа.

пичной чертой которых являлось отсутствие специально подправленных ударных площадок, боковых и концевых подправок, предварительного оформления поверхностей скалывания. Это куски породы с частично сохранившейся галечной коркой, с различных плоскостей которых в различном направлении сбивались отщепы разной величины, но нередко, судя по фасеткам, сравнительно тонкого сечения и правильной формы. Ударными площадками у нуклеусов служили естественные поверхности или соседние поверхности скалывания. Площадки располагались под небольшим углом. По форме некоторые нуклеусы напоминают кубовидные, грубопризматические или диско-видные, но в целом формы их в начальной стадии определялись формой гальки, а затем, по мере срабатываемости, существенно видоизменялись. Такие нуклеусы авторы назвали **ортогональными**, т. е. нуклеусами без преимущественной ориентации в пространстве при снятии заготовок (рис. 6, 1).

Помимо ортогональных нуклеусов найдены микронуклеусы (5 экз., 6%). Они относятся к торцовым клиновидным. Два нуклеуса по пропорциям можно назвать гобийскими. Для них характерны вытянутое в ширину тело, несколько микроснятий, совершенных с торца и некоторые наметки клина. В целом эти нуклеусы невыразительны (рис. 6, 3). Два обычных торцовых клиновидных микронуклеуса имели подтреугольно-сегментовидную форму с дву-

сторонней затеской бокового клина, на рабочем торце у них по две фасетки от снятых микропластинок (рис. 6, 2).

Еще один нуклеус имел подпрямоугольную форму. Узкая рабочая поверхность у него обломана. На ней едва заметны две фасетки. Клин у нуклеуса создан в нижней части одно-сторонней подтеской. Плоские широкие поверхности оббиты (рис. 6, 4). Кроме того, найдено пять весьма невыразительных экземпляров небольших оббитых желваков (6%), в которых можно увидеть заготовки микронуклеусов. Столь слабо представленной серии микронуклеусов в полной мере соответствовало то, что в слое найдено всего пять невыразительных и спорных обломков микропластинок. В целом техника микронуклеуса в виде микропластинок явно не получила серьезного развития.

Из подъемного материала, но, очевидно, первоначально связанного с палеолитическим слоем, происходит леваллуазский нуклеус с четкими боковыми и концевыми подправками, нанесенными с обеих поверхностей, и одним пластинчатым снятием, прошедшим через по-ловину фронта.

В полном соответствии с характером и соотношением различных типов нуклеусов для изготовления орудий использовались преимущественно отщепы (208 экз., 72%) и значительно реже — пластины (25 экз., 9%). Часть орудий изготовлена из целых галек (52 экз., 18%). Среди орудий самое заметное место занимали **скребла** (79 экз., 32%). Они не однотипны. Различия между скреблами определялись формой рабочей части, характером основы и ретуши, размерами орудий (рис. 7, 1—6). Классификационные признаки являлись взаимно пересекающимися. Изготовлены скребла преимущественно из отщепов (рис. 7, 2—6) и только 3 экземпляра — из галек, преимущественно плоских (рис. 7, 1). Рабочий край скребел обработаны краевой ретушью, как правило, со спинки. Три скребла имели противоположную ретушь. Ретушь на массивных основах чаще всего крутая, тщательная, охватывающая 1—2 см вдоль края (рис. 7, 1, 3). На скреблах из отщепов с более тонким сечением ретушь преимущественно мелкая, однорядовая. Судя по углу заострения между плоскостями, они могли быть и скреблами, и ножами. Длина скребел этой группы в среднем на 2—3 см меньше, чем у вышеописанной (рис. 7, 2, 4—6). Рабочий край скребел обеих групп располагался на продольном или поперечном краю отщепы. В трех случаях рабочий край был замкнутым по периметру. Для одного изделия это подтверждено трассологическим анализом (Шелинский В. Е.). В двух случаях можно гово-

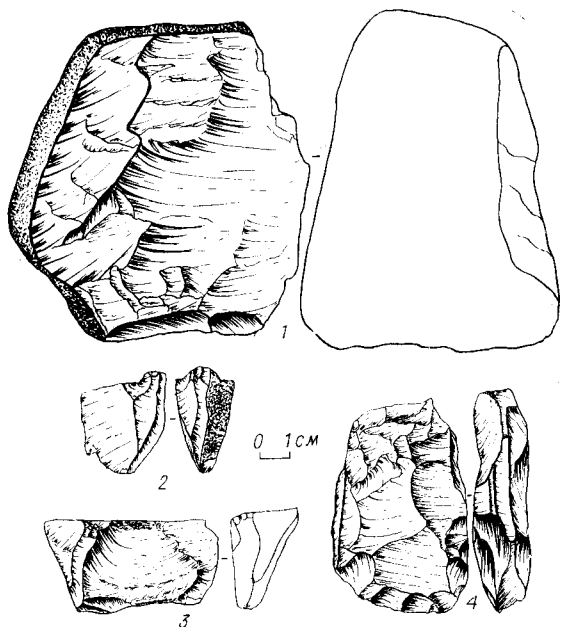

Рис. 6. Куналей. Культурный слой 3. Палеолитические каменные изделия.

1 — ортогональный нуклеус; 2, 4 — торцовые клиновидные нуклеусы; 3 — гобийский нуклеус.

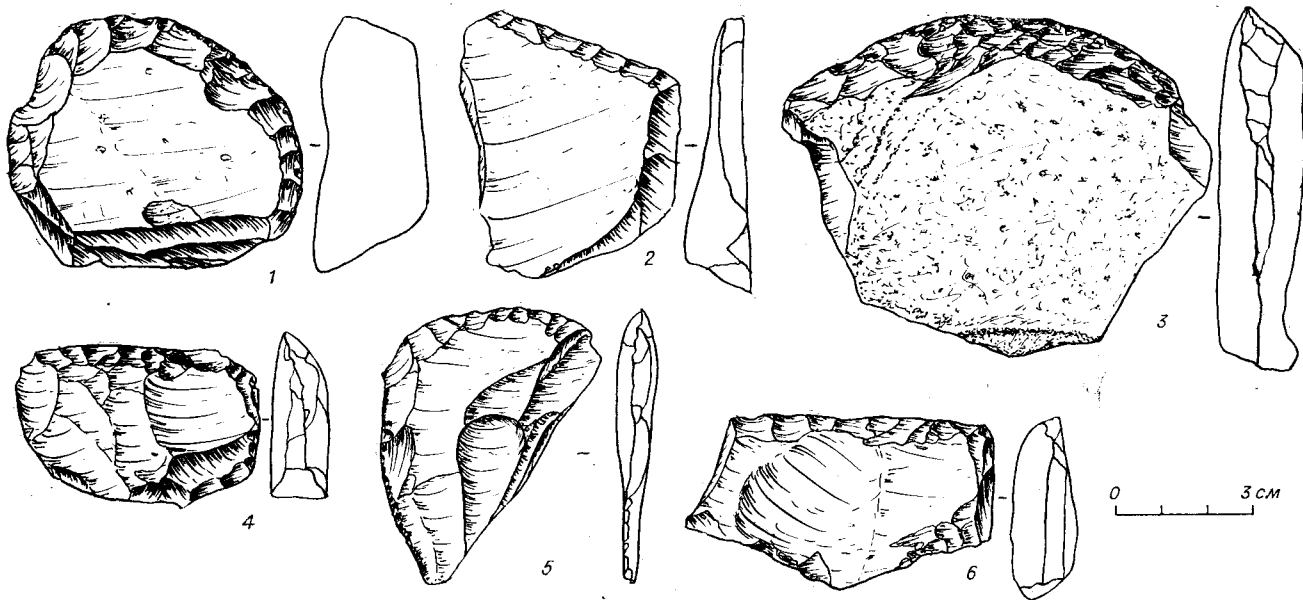

Рис. 7. Куналей. Культурный слой 3. Палеолитические каменные изделия.
1 — скребло из гальки; 2—6 — скребла из отщепов.

речь о намеренном ретушировании всей спинки, в основном же спинка не видоизменялась, сохраняя корку или следы первоначальных снятий. Отдельно отметим скребла (рис. 7, 6), у которых рабочими являлись два смежных края, располагающиеся под прямым, острым или тупым углом друг к другу. У одного орудия — три рабочих края. Длина рабочего края чаще всего превышала ширину изделия примерно в два раза, но у 18 экземпляров эти параметры равны. У двух орудий намеренно сбит ударный бугорок.

Отметим, что характер скребел во многом определяется первоначальной формой отщепа. В особую серию выделены **концевые скребки** (12 экз., 4,2%). Они изготовлены на продолговатых основах, семь из которых являлись отщепами, три — пластинами, одна — плоской плиткой. Обработка заключалась в ретушировании нижнего конца и боковых краев ретушью со спинки. Спинка обычно высокая (рис. 8, 1—4). У одного из орудий ретушь, оформляющая боковые края, начиналась почти от средней продольной линии, благодаря чему обработка становилась близкой к унифациальной. Это орудие изготовлено на правильной удлиненной пластине (рис. 8, 4). Для двух изделий (скребла с выпуклым продольным рабочим краем и концевой скребка) установлено, что они употреблялись как скребки для

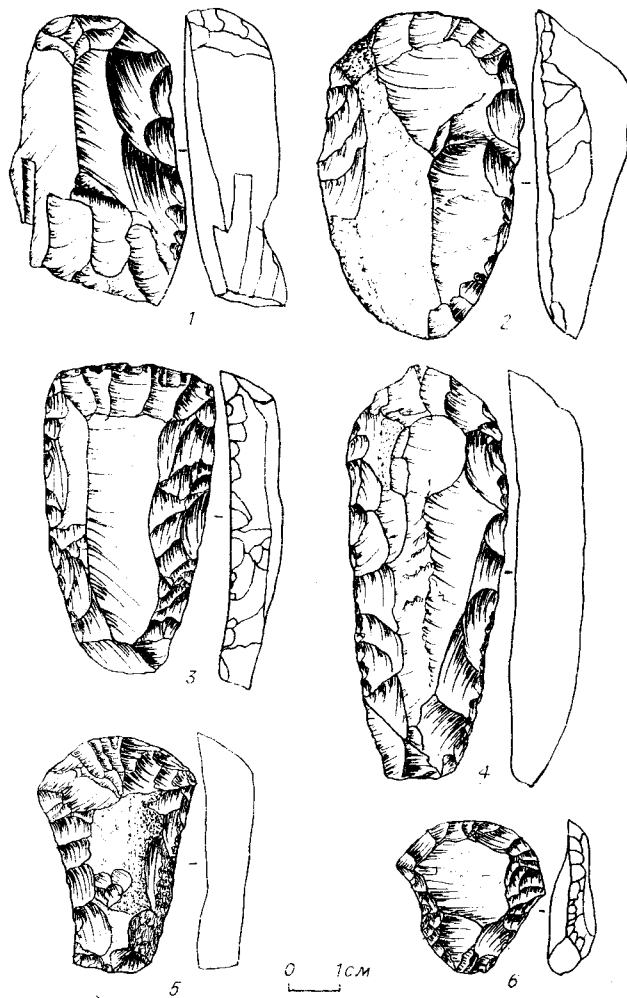

Рис. 8. Куналей. Культурный слой 3. Палеолитические каменные изделия.

1—4 — концевые скребки; 5, 6 — концевые скребки с плечиками.

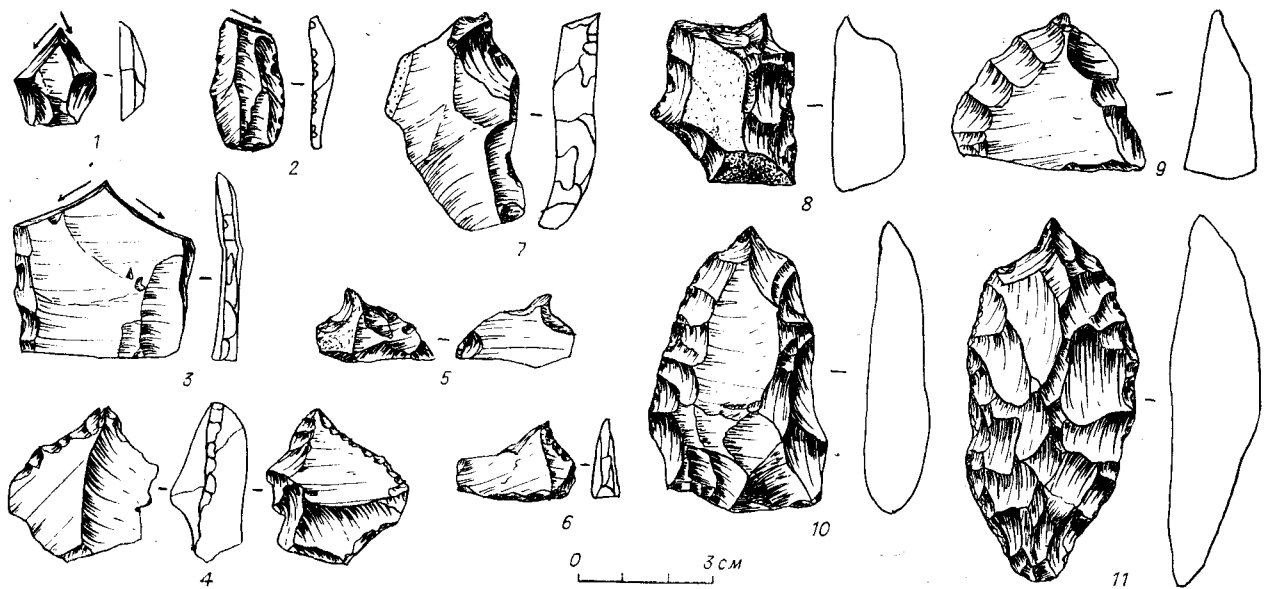

Рис. 9. Купалей. Культурный слой 3. Палеолитические каменные изделия.
1—3 — изделия, близкие по форме к резцам; 4—11 — проколки.

скобления (обработки) шкур (В. Е. Щелинский).

Устойчивую в типологическом отношении серию образовали **концевые скребки с плечиками** (34 экз., 12,3%). Они изготовлены из отщепов. За счет формирующей ретуши им придавалась продолговатая форма. Ретушь наносилась на *рабочий край со спинки*. Им служил нижний конец отщепов. Кроме того, ретушировались боковые края, при этом они приобретали вогнутые очертания, а в месте сочленения обушка с рабочей частью выделялись плечики, определяя одну из ярких особенностей этих орудий (рис. 8, 5, 6). По заключению В. Е. Щелинского, эти скребки (изучено 15 экз.) использовались для обработки шкур. В процессе работы лезвия скребков неоднократно подправлялись, в результате чего линейные следы частично уничтожены. Следы изношенности на боковых лезвиях выражались в заглаженности, стертости, заполированности, лицевые следы отсутствовали. Износ постепенно затухал от вершины обушка к плечикам. Плечики, как особые части орудия (предназначенные, например, для резания) не использовались. Это, как и само наличие плечиков, позволяет предположить, что скребки применялись в рукоятках.

Резцы типологически неоднородны и в большинстве своем маловыразительны (9 экз., 4,5%). Наиболее четкую морфологию имеют два срединных и один угловой резцы. Первый срединный резец изготовлен из продолговатого первичного отщепов. Один длинный край его покрыт крутой притупляющей ретушью со

спинки. Противоположный край устранен торцовым сколом. Рабочая часть оформлена двумя резцовыми сколами, идущими от центра к краю. Второй срединный резец близок к первому по пропорциям, но изготовлен из неправильной пластинки. Рабочая часть у него оформлена одним наклонным сколом, другим *сколом снят боковой край по всей его длине*. Противоположный край ретуширован со спинки. Резцовые сколы на остальных резцах (?) из небольших отщепов могут иметь случайное происхождение (рис. 9, 1—3).

Из **проколок** (14 экз., 5,4%) наибольший интерес представляют четыре экземпляра. Они изготовлены из небольших отщепов сложных очертаний с устойчивыми приемами обработки рабочих шипов — узких подтреугольных выступов: по одной кромке выступа и прилегающему краю ретушь ведется со спинки, по другой — с брюшка. В. Е. Щелинским эти изделия определены как *провертки (сверла?)* для работы на толстых шкурах, а также, возможно, по дереву, т. е. на материалах грубых и плотных. В процессе работы рабочие шипы неоднократно переоформлялись (рис. 9, 4—6). У семи проколок жальце обработано ретушью только со спинки, при этом в четырех случаях оно расположено на стыке бокового края и нижнего конца (рис. 9, 7), а в трех — на нижнем конце симметрично длинной оси основы (рис. 9, 9). Основами этих проколок являлись отщепы. По массивности они различны.

Отдельно опишем три проколки. Первая из них, изготовленная из отщепов, имела два четко выраженных жальца-шипа, оформленных

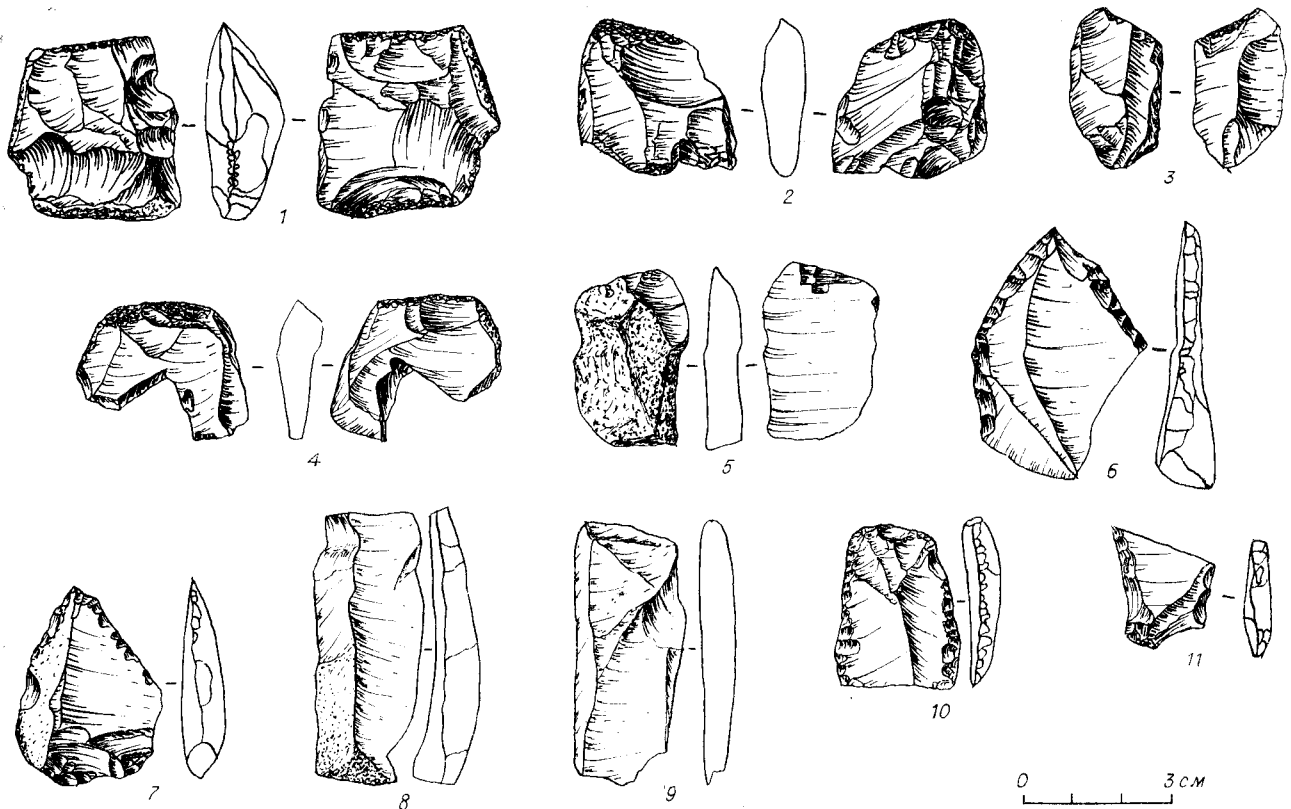

Рис. 10. Куналей. Культурный слой 3. Палеолитические каменные изделия.

1—5 — долотовидные орудия; 6, 7 — остроконечники; 8, 9 — пластинки; 10, 11 — фрагменты пластинок с ретушью.

ретушью со спинки (рис. 9, 8). Вторая — из пластины подтреугольной формы с жалцем на нижнем конце и крутой ретушью по длинным боковым краям со спинки (рис 9, 10). Третья имела такое же, как у предыдущей, жалце, но, в отличие от нее, — не краевую, а бифациальную обработку поверхностей. Это — единственное орудие с такого рода обработкой в палеолитическом слое (рис. 9, 11).

Долотовидные орудия изготовлены из отщепов (6 экз., 2,1%). Пять орудий — из подквадратных и подпрямоугольных отщепов небольших размеров с чешуйчатой подтеской одного или двух краев (рис. 10, 1—5). Одно орудие сделано из более крупного отщепка. По форме оно походит на скребло с крутой ретушью по двум продольным краям, но имеет также двустороннюю чешуйчатую подтеску нижнего поперечного конца. Зауженный обухок несет следы раковистого излома с брюшка.

Остроконечники единичны (2 экз., 0,7%). Для них характерны симметричные формы. Рабочее острие оформлялось на нижнем конце отщепка, ретушь наносилась по краям со спинки (рис. 10, 6, 7).

Широкая и длинная пластина леваллуазского типа найдена только одна (0,35%). Она

имела прямоугольную форму и тщательную приостряющую ретушь по обоим краям со спинки. Спинка отмечена тремя гранями. Еще одна правильная, достаточно крупная пластина, кроме ретуши по краям, отмечена легкой подтеской нижнего конца со спинки (0,35%). Остальные пластины — 20 полных и 17 фрагментов — средние по размерам, с приблизительно параллельными боковыми краями, нестандартные (рис. 10, 8, 9). В большинстве своем они могли быть сбиты с тех же ортогональных нуклеусов. Фрагменты пластин в данном случае также определены условно, они могли быть обломками сравнительно правильных отщепов. У нескольких пластинок (16 экз., 6,75%) ретушь прослеживается по обоим краям со спинки (5 экз.), по одному со спинки (5 экз.), по одному с брюшка (4 экз.), противоположащая ретушь — на 2 экз. (рис. 10, 10, 11).

Котжимникам отнесены два изделия (0,7%), имевшие сильно стертый, закругленный в сечении рабочий край. Первый котжимник изготовлен из пластины с высокой спинкой и круто затесанными боковыми краями, второй — из отщепка средних размеров.

Классификация чопперов (25 экз., 10,1%) построена с учетом критериев, выработанных

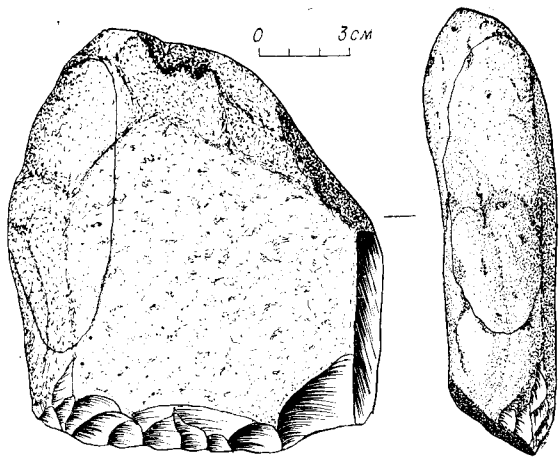

Рис. 11. Куналей. Культурный слой 3. Палеолитический чоппер.

З. А. Абрамовой. Они касаются формы рабочего края, выражающейся с помощью условной шкалы кривизны (КРК — кривизна рабочего края) и угла заострения (УЗ), под которым понимается «величина угла», образованного плоской галечной поверхностью и обработанной скошенной площадкой⁶. Большинство орудий этой серии подходит под определение чопперов. Классическим изделием такого типа является массивная плоская галька, трапециевидная, оббитая по одному краю. Оббивка проведена с одной поверхности. Она захватывает 2—4 см вдоль рабочего края, КРК — меньше 1, лезвие слегка волнистое, УЗ — 60°. Второе изделие отличается от первого тем, что у него нерабочая поверхность в зоне рабочего края естественно скошена. Это изделие имеет УЗ 60°, КРК — больше +1 (рис. 11). Еще одно изделие обработано по двум краям, расположенным под прямым углом друг к другу. Ретушь односторонняя, крутая, ступенчатая, с заломами, что определяется, вероятно, характером материала. Один край после обработки стал дугообразно-выпуклым (+3), другой — вогнутым (-1), УЗ — 65°. Орудие могло использоваться как чоппер и скобель. Но первоначально плитка служила, вероятно, в качестве наковаленки. Об этом свидетельствуют глубокие вмятины и насечки на нижней и отчасти верхней плоскостях. Основная масса чопперов (18 экз.) имеет различные варианты оформления лезвия, иногда в сочетании с частичной оббивкой остальной части изделия. Преимущественные УЗ — 55—65°, КРК — 0, +1. У двух изделий при КРК +2, УЗ — 65 и 75°. Для двух чопперов заготовками послужили гальки,

⁶ Абрамова З. А. Галечные орудия в палеолите Енисея (опыт типологии). — В кн.: Палеолит и неолит СССР, вып. 7. М., 1972.

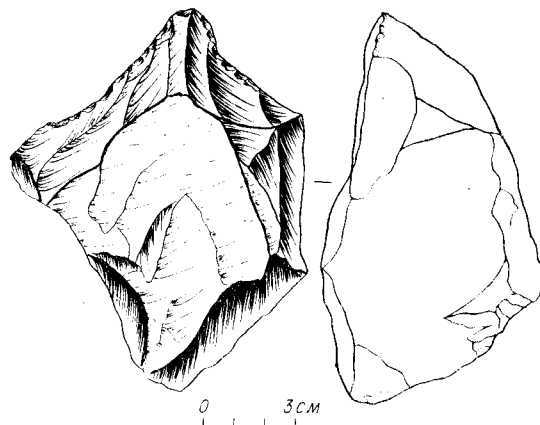

Рис. 12. Куналей. Культурный слой 3. Палеолитическое рубящее изделие с носиком.

использовавшиеся сначала как пуклеусы. В связи с этим «рукоятки» орудий покрыты фасетками от отщепов и только частично сохраняют корку. Рабочие края орудий дополнительно подправлены ретушью. КРК — около +1, УЗ — 50—66°. У одного из этих орудий (рис. 12) имел место четкий клювовидный выступ, оформленный выемками с двух сторон (рубящее изделие с носиком). Два орудия по характеру обработки и форме, оставаясь «галечными рубящими», к чопперам имели лишь приблизительное отношение. Они скорее похожи на рубила. Их можно сравнить также с орудиями, определенными З. А. Абрамовой как вариант типа Г⁷. Одно из орудий — треугольное в плане. Обе широкие поверхности оббиты почти полностью широкими сколами. Нижний конец имеет дополнительную мелкую подправку. У второго изделия форма примерно такая же, но оббита только одна поверхность. Третье изделие представлено обломком.

В подъемном материале известно изделие, которое может быть названо топором. Оно плоское, ромбовидное по форме, с четко оббитым с двух поверхностей, симметричным в профиле лезвием. Точно также оформлены верхний, более узкий конец и один боковой край, тогда как другой сохранял галечную корку.

Кроме того, выделены скобель, массивная галька с выемкой по краю, оформленной несколькими ударами (1 экз., 0,35%), наковаленки-плитки со следами «меток» на поверхностях (3 экз., 1,05%), отбойники — речные гальки с забитостями на узких концах (6 экз., 2,1%) и отщепы с мелкой эпизодической ретушью (55 экз., 19,29%).

⁷ Абрамова З. А. Галечные орудия в палеолите Енисея.

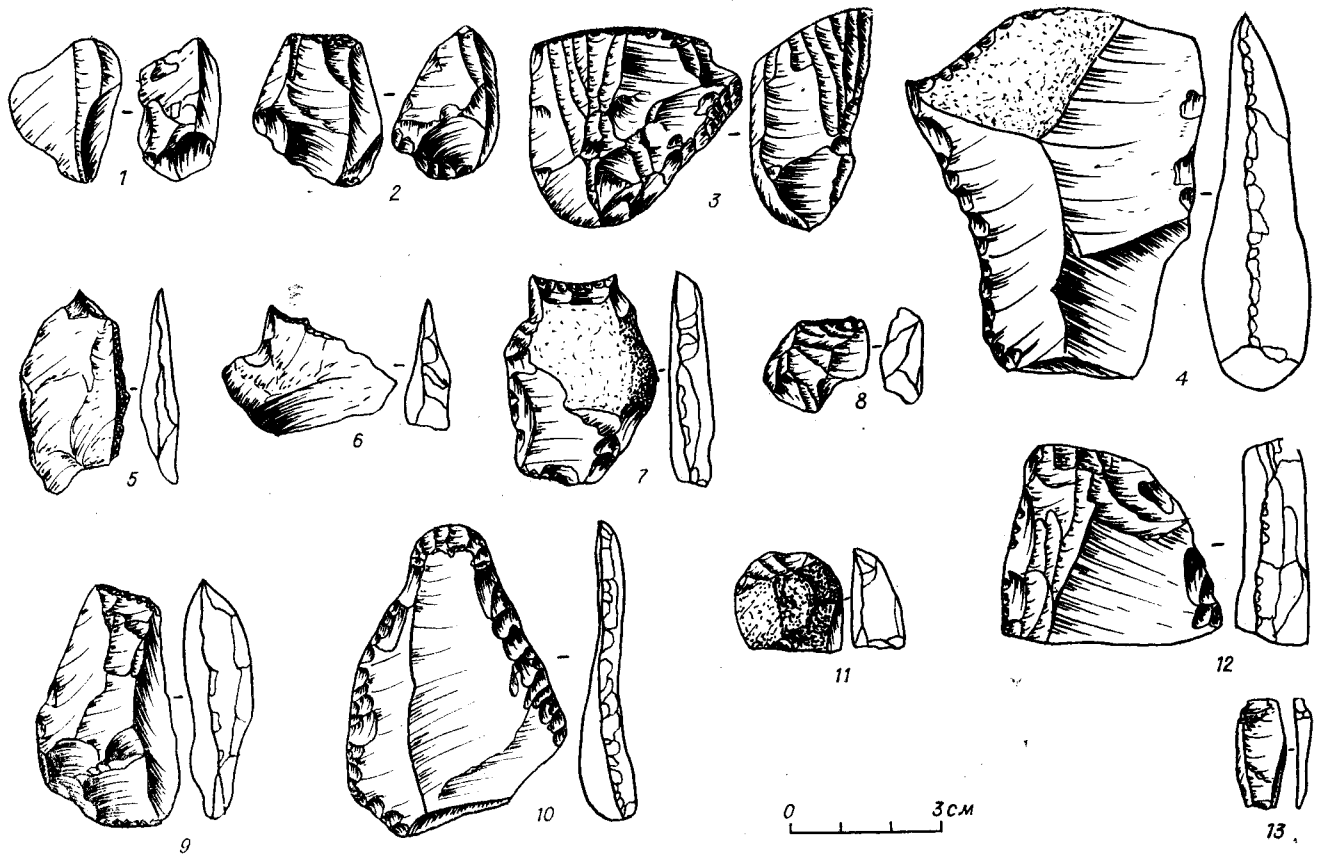

Рис. 13. Куналей. Культурный слой 2. Мезолитические каменные изделия.

1—3 — торцовые клиновидные микронуклеусы; 4—7 — проколки; 8, 9 — долотовидные орудия; 10 — концевой скребок; 11 — микроскребок; 12 — скребло; 13 — обломок микропластинки.

Кроме каменного инвентаря найдены отдельные костяные поделки — три шила из обломков трубчатых костей длиной до 8,5 см и обломок иглы длиной 2,1 см, диаметром 0,2 см.

В слое обнаружен очаг. Он отмечен несколькими крупными гальками, лежащими плашмя. Несколько галек по краю стояло на ребре. Строгой системы камни не образовывали. Заполнения очаг не имел. Но между камнями встречены углисто-золистые примазки. В очаге найден обломок чоппера. Размеры очага — 1,20 × 1,05 м.

В мезолитическом слое (второй культурный или четвертый литологический слой) каменный инвентарь сравнительно немногочислен (257 экз.), из них отщепов — 216 экз. Из основного материала выделены нуклеусы. Они относятся к категории торцовых клиновидных, предназначенных для снятия микропластинок (9 экз.). Имели четкие снятия, расположенные на торце. Длина фасеток до 2,5 см, ширина неустойчива — от 0,3 до 1 см. Клины оформлены сбоку или внизу. Ударные площадки оббиты

(рис. 13, 1—3). Стабильности в формах нуклеусов не ощущается.

Среди орудий (23 экз.) самую выразительную серию составляли проколки (7 экз., 34,3%). Они изготовлены из отщепов. Одна из них крупная, ассиметричная. У нее массивное клювовидное жальце, оформленное в нижней части бокового края ретушью со спинки (рис. 13, 4). Шесть проколок имели основы средних размеров. Две из них являлись плечиковыми. Жальца обработаны ретушью на нижнем конце в одном случае со спинки, в другом — с брюшка (рис. 13, 5, 6). У двух других орудий жальца располагались на боковой стороне, при этом одна кромка жальца оформлена ретушью, другая — резцовым сколом. Большой интерес представляли проколки с двумя жальцами-шипами каждая. Шипы обработаны ретушью со спинки (рис. 13, 7).

Долотовидные орудия (4 экз., 17,3%) имели двустороннюю чешуйчатую подтеску одного края. Два из них изготовлены на пластинчатых отщепах средних размеров (рис. 13, 9), два — на небольших отщепах (рис. 13, 8).

Скребла (2 экз., 8,6%) изготовлены из обломков пластинок (?). Они оформлены крутой тщательной ретушью по обоим краям со спинки (рис. 13, 12). Остальные орудия представлены единичными экземплярами (по 4,2%

каждый, всего 16,8%): **концевой скребок** из подтреугольного отщеп с крутой тщательной ретушью по боковым краям и узкому нижнему концу (рис. 13, 10), **микроскребок** из отщеп с ретушью со спинки, на нижнем конце на участке дугой до 60° (рис. 13, 11), **пластинка с противоположащей ретушью** по краям, **отбойник** небольших размеров с четкой забитостью по кромке. Найдено также 6 **отщепов** с мелкой краевой эпизодической ретушью (21,3%), 9 пластинок неправильных очертаний, одна микропластинка (рис. 13, 13).

Первый культурный слой, связанный спочвой, частично разрушен. Непосредственно в слое, вскрытом на площади 70 м^2 (раскоп и шурфы) найдено 11 очагов. Все они сооружались в специально подготовленных углублениях. Наиболее сложен по характеру очаг 10. Он имел прямоугольную форму, его размеры $1,32 \times 1,0 \text{ м}$. По периметру очага на ребре с внешним наклоном стояли камни. Боковую об-

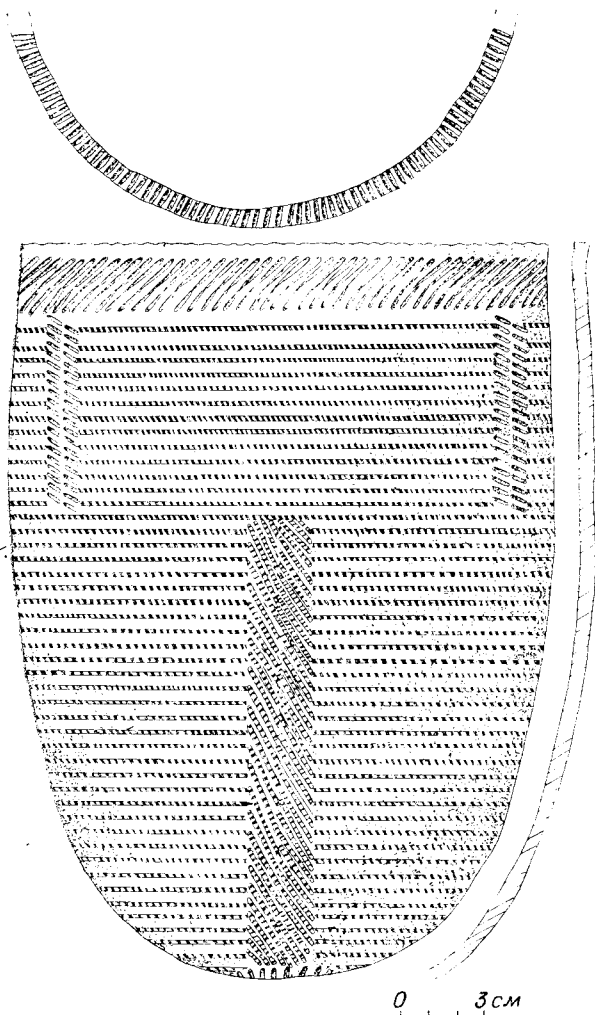

Рис. 14. Кувалей. Культурный слой 1. Реконструкция сосуда.

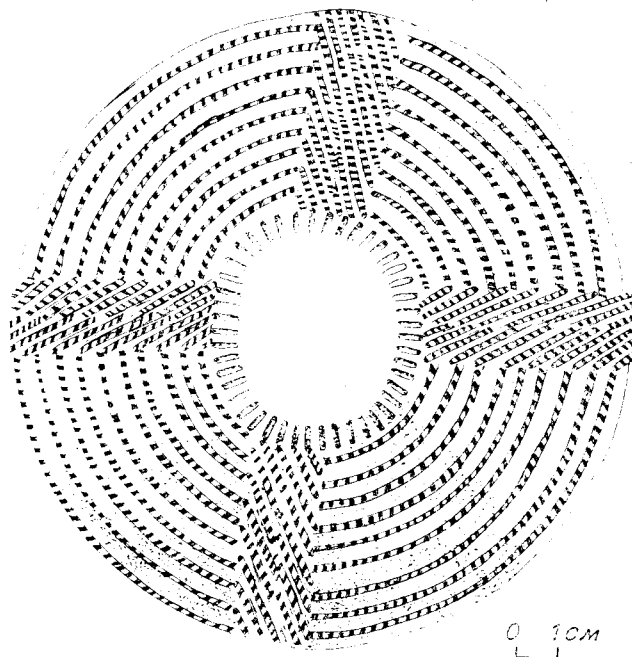

Рис. 15. Кувалей. Культурный слой 1. Реконструкция дна сосуда (развертка).

кладку по мере заполнения очага золой наращивали за счет новых камней. Дно очага двойное. Верхнее — из кусков щебня с плоской или острорреберной верхней поверхностью. Нижнее выложено из плоских плиток, довольно плотно подогнанных друг к другу. Мощность заполнения (сажистая масса) — 10—12 см. Очаг, несомненно, был длительного пользования. Остальные очаги, в основном, округлые. В трех случаях они имели кольцевую обкладку, в семи — выкладку по всей поверхности (от разреженной до очень плотной). Мощность заполнения — до 20 см. Размеры очагов до 1,5 м.

В очаге 5 найден раздавленный сосуд (рис. 14, 15). Его удалось частично реставрировать. Сосуд имел высоту примерно 23—25 см, внутренний диаметр венчика — 17,6 см, внешний — 18,9 см. Орнамент покрывал сосуд от венчика до дна. Верхняя поверхность венчика украшена частыми наклонными насечками прямого штампа. На 0,5 см от внешнего края венчика начинается зона, заполненная частыми оттисками прямого штампа, располагающегося наклонно к венчику и образующего два горизонтальных ряда. Снизу под этой зоной начинаются горизонтальные желобчатые линии. Они идут почти до дна сосуда. Желобки мелкие с ребристым дном. Их ширина — 0,1—0,2 см, интервал между ними — 0,5 см. Желобчатые линии прерываются восемью узкими вертикальными зонами шириной 1,5—2 см.

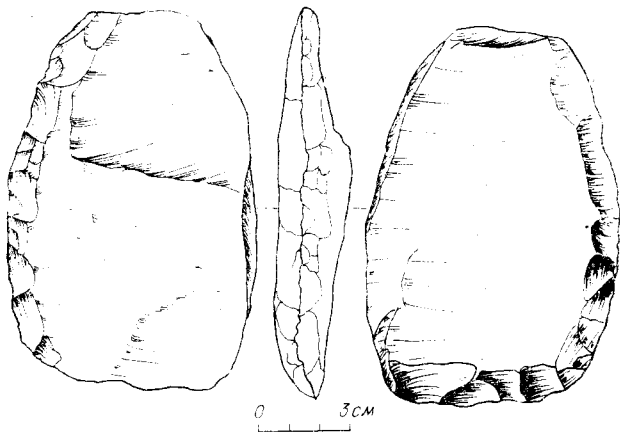

Рис. 16. Куналей. Культурный слой 1. Тесло.

Эти зоны двух видов: верхние и нижние. Верхние вертикальные зоны начинаются на 2,5 см ниже внешнего края венчика и имеют длину 6,5—7 см. Расстояние между ними — четверть окружности сосуда, что составляет 15 см. Зоны заполнены двумя колонками прямых оттисков, располагающихся косой лесенкой. Нижние вертикальные зоны начинаются от зоны дна. Их длина 13—15 см. В отличие от верхних, они выполнены сильно наклонными и очень частыми (через 0,1 см) желобчатыми линиями. Верхние и нижние зоны симметрично чередуются. На днище сосуда нане-

сена окружность, выполненная в форме коротких прямых насечек, похожих на маленькие лучи солнца.

С другими очагами оказались связаны единичные находки: плоское подпрямоугольное тесло с рабочим краем, оформленным односторонней ударной ретушью (рис. 16), неправильный обломок пластинки, два обломка пластинок с мелкой ретушью по краю (у одного со спинки, у другого — с брюшка), обломок микропластинки без обработки, клиновидный микронуклеус с концевой подтеской, заготовка клиновидного микронуклеуса, 20 фрагментов керамики (один из них имеет полудугные вдавления, образующие горизонтальные ряды, второй — прямые вдавления по верхнему срезу венчика), 27 отщепов.

Из подъемного материала выделены 5 крупных заготовок нуклеусов для снятия микропластинок (рис. 17, 1), четыре сильно сработанных торцовых клиновидных микронуклеуса с боковой затеской (рис. 17, 2—4, 6), овально вытянутый в плане пест, подтреугольный, двусторонне-обработанный наконечник стрелы с едва вогнутым основанием (рис. 17, 5), 2 плечиковые проколки из отщепов с жальцами, оформленными ретушью со спинки (рис. 17, 7, 8), долотовидное орудие из отщепа с двусторонней чешуйчатой подтеской края (рис. 17, 9), 8 микроскребок из отщепов (рис. 17, 10, 11), обломок ножа [?] с ретушью по краю с двух поверхностей (рис. 17, 12), угловой резец из

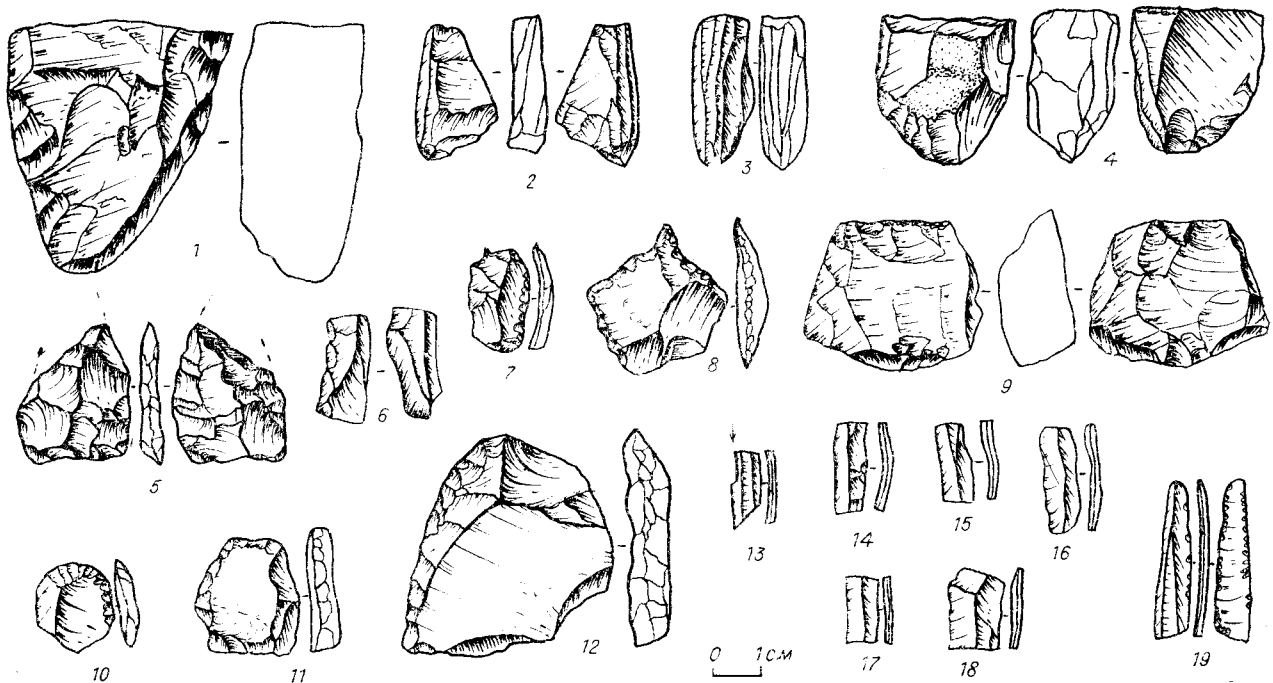

Рис. 17. Куналей. Подъемный материал эпохи позднего неолита — бронзы.

микропластинки (рис. 17, 13), 31 микропластинка (рис. 17, 14—18), микропластинка с ретушью (рис. 17, 19), 433 отщеп.

Итак, поселение Куналей является трехслойным. Третий культурный слой, судя по полученным данным и положению в разрезе (алевроитистые пески, венчающие пойменный аллювий I надпойменной террасы и включающие в себя разрушенную солфлюкцией погребенную почву), может быть датирован временем, соответствующим сарганской эпохе Западной Сибири, скорее — его второй половине (15—12 тыс. лет назад). Этому не противоречат ни типология материала, ни палеонтологические и споро-пыльцевые данные. Насыщенность слоя выразительными каменными изделиями делает его одним из важнейших памятников забайкальского палеолита.

Второй культурный слой связан с супесями, которые по их положению в разрезе являлись голоценовыми. Каменные изделия этого

слоя имели более прогрессивный облик, по сравнению с палеолитическими. Все это позволяет считать этот слой по времени и характеру мезолитическим. Отметим, что мезолит — одна из наименее изученных эпох в Забайкалье. Отчасти это связано с небольшим количеством четко стратифицированных памятников, содержащих мезолитические слои.

Первый слой (связанный со слоем почвы) по облику каменного инвентаря и керамики находит аналогию в забайкальских памятниках позднего неолита — бронзы (Студеное, слой Ia, Ib, Черемушки, слой Ia, Ib)⁸. В связи с тем, что основная часть каменного инвентаря происходит из подъемного материала, датировать слой точнее пока невозможно.

⁸ Константинов М. В., Константинова Н. Н., Семина Л. В. Каменный инвентарь со стоянок позднего неолита — ранней бронзы Юго-Западного Забайкалья. — В кн.: Древние культуры Сибири и тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979.

В. М. ВЕТРОВ

УСТЬ-КАРЕНГСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНОК НА ВИТИМЕ

Планомерные археологические исследования в верхней части долины р. Витим начались в 1974 г. Витимским отрядом комплексной археологической экспедиции Иркутского университета. В 1976 г. к ним присоединился Иркутский областной краеведческий музей, в 1977 г. — Бурятский институт общественных наук БФ СО АН СССР. За четыре полевых сезона обследован 800-километровый участок долины р. Витим от пос. Романовка до дер. Усть-Муя, проведены разведочные, а на ряде памятников начаты стационарные работы. В общей сложности в приустьевых участках притоков верхнего и среднего течения р. Витим открыто и обследовано более 60 местонахождений.

Частично результаты проведенных работ уже отражены в печати¹. В настоящей статье дается предварительное обобщение результатов,

полученных в процессе исследования Усть-Каренгского комплекса местонахождений.

Каренга — правый приток Витима. Это типичная горно-таежная река с большим количеством шивер и перекатов. Берега сильно затежены, в болотистых местах покрыты кустарником. Район, включающий приустьевую часть реки, представляет собой северо-восточную часть Витимского плоскогорья, основными морфологическими элементами которого являются широкие, иногда плосковершинные возвышенности и межгорные котловины². Последние разрезаны сетью речных долин с серией полигенетических террас Витима и его притоков. В устье Каренги прослеживаются три уровня террас с отметками 5—6, 20—25 и 50—70 м.

Археологические памятники приурочены к 20—25-метровой скульптурной террасе, в ряде мест сменяющейся на серию террасовидных уступов и имеющей тенденцию к понижению. Правый берег реки в настоящее время интенсивно разрушается за счет боковой эрозии, обнажающей цоколь террасы. Левый берег пологий, скальные выходы наблюдаются лишь в районе дер. Усть-Каренга.

¹ Аксенов М. П., Ветров В. М., Шмыгуи П. Е. Исследования в долине р. Витим. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975; Ветров В. М., Трифонов А. П. Археологические исследования в верхнем течении долины р. Витим. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 3. Иркутск, 1975; Аксенов М. П., Ветров В. М. Исследования в горно-таежных районах долины р. Витим. — В кн.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977; Ветров В. М., Иешин Е. М. Археологические памятники верхней и средней долины р. Витим. — Тезисы докладов к научно-технической конференции. Иркутск, 1977.

² Ендрихинский А. С. Витимское плоскогорье. — В кн.: Нагорья Прибайкалья и Забайкалья. М., 1974.

фрагменты вафельной керамики с несколькими рядами оттисков косопоставленного зубчатого штампа по шейке сосуда.

Второй культурный горизонт заключен в бурой супеси. Особый интерес представляет концентрация находок на Усть-Каренге XVI, обнаруженная в частично вскрытой овального очертания кладке из целых и раздробленных кварцитовых галек. На месте кладки выявлено три очажных пятна. Находки представлены халцедоновыми отщепами, единичными экземплярами нуклеусов, скребков, призматических пластинок. Дать окончательную и более подробную характеристику данному памятнику позволит лишь вскрытие его по всей площади.

Аналогичный инвентарь характерен для второго горизонта и других местонахождений, хотя в них имеют место и более яркие изделия. На Усть-Каренге VI найден фигурный наконечник стрелы, выполненный в форме «елочки». Он имеет 14 выступов, выемки между которыми образованы мелкой разнофасеточной ретушью (рис. 3, 1). Керамика представлена обломками сосудов гладкостенных и с отпечатками шнура или рубчатой лопатки по внешней поверхности. В верхней части сосуды украшены преимущественно горизонтальными рядами косых вдавлений подпрямоугольного стека или зубчатого штампа (рис. 3, 2).

Инвентарь нижележащих отложений характеризуется поделками, в качестве заготовок которых использовались кремневые гальки. Халцедон встречается довольно редко.

Третий и пятый культурные горизонты, залегающие соответственно в перекрывающих и подстилающих погребенную почву отложениях палевых песков, представлены пока немногочисленными предметами. В основном это отщепы и призматические пластинки. Тесло, найденное в третьем горизонте Усть-Каренги XIV, оформлено путем полной обработки одной из сторон. Вторая сторона обработана частично по краю, большая часть ее площади сохраняет галечную корку (рис. 4, 1).

Материал четвертого культурного горизонта связан с первой погребенной почвой. Здесь обнаружены трансверсальные (в двух случаях с двумя рабочими лезвиями на противоположных концах заготовок) резцы из отщепов и пластинчатых сколов (рис. 4, 1; рис. 6, 4), угловые резцы (рис. 5, 2, 3, 6, 12), призматические и клиновидные нуклеусы (рис. 4, 4; рис. 5, 4, 5; рис. 6, 1—3, 5), обломки долотовидных инструментов из односторонне обколотых галек, скребки из отщепов и пластин (рис. 4, 2; рис. 6, 6), подживляющие сколы (рис. 5, 9), призматические пластинки (рис. 4, 3, 5; рис. 5, 8, 10, 11, 13). Керамика представлена мелкими фрагментами с отпечатками зубчатого штампа.

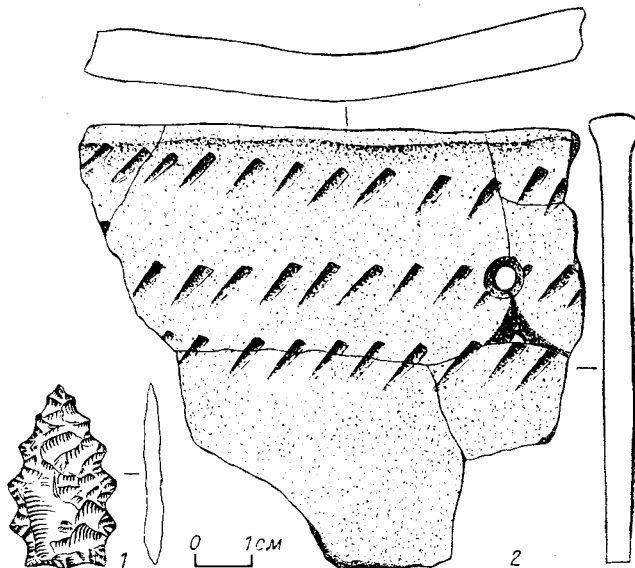

Рис. 3. Верхний комплекс.
1 — наконечник стрелы (Усть-Каренга VI); 2 — керамика (Усть-Каренга XII).

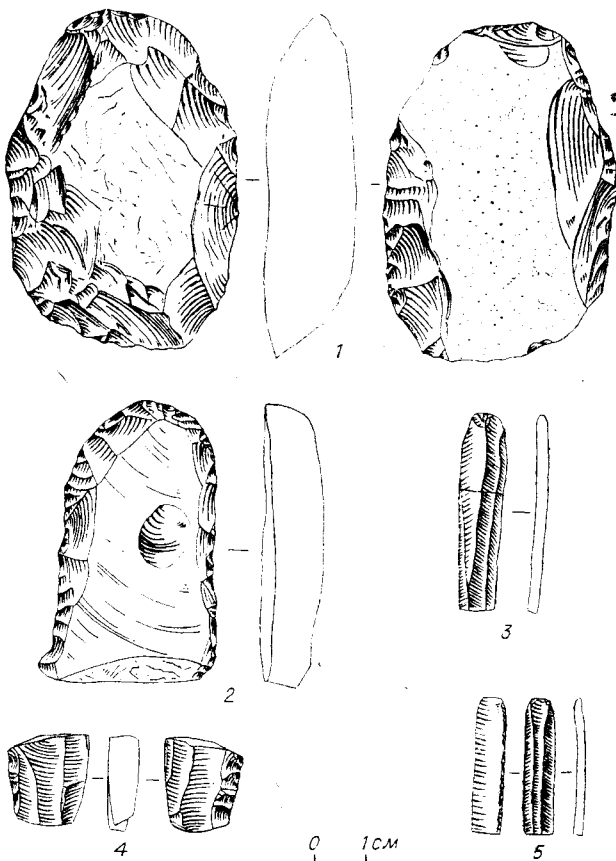

Рис. 4. Нижний комплекс. Каменный инвентарь. Усть-Каренга XIV.
1 — тесло; 2 — скребок; 3, 5 — призматические пластинки; 4 — нуклеус.

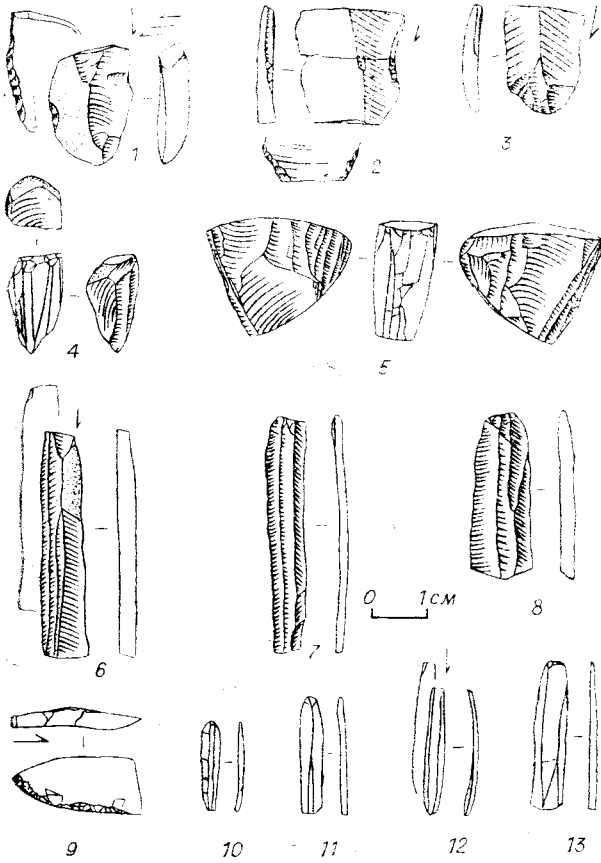

Рис. 5. Нижний комплекс. Каменный инвентарь. Усть-Каренга XIV.
1—3, 6, 12 — резцы; 4, 5 — нуклеусы; 7, 8, 10, 11, 13 — призматические пластинки; 9 — подживляющий скол.

Более выразительна керамика шестого горизонта, заключенного во второй погребенной почве. На Усть-Каренге XIV в нем собрано 84 фрагмента одного сосуда. Внешняя сторона его носит отпечатки рубчатой лопатки, поверх нее нанесены оттиски «шагающей гребенки», составляющие горизонтальные зигзагообразные полосы. Внутренняя сторона сосуда сплошь покрыта четкими отпечатками штрихов затирания. Венчик прямой, кромки среза закруглены. Под

внутренней кромкой нанесен ряд вдавлений ко-сооставленного зубчатого штампа (рис. 7). Здесь же собрана небольшая коллекция отщепов и призматических пластинок.

Седьмой культурный горизонт зафиксирован пока лишь на Усть-Каренге XVI. Это единственное, в настоящее время, местонахождение, где следы обитания человека выявлены в аллювиальных образованиях. Разрез отложений, включающих седьмой горизонт, приводится на рис. 8:

	Мощность, м
1. Тасьянская почва	0,02
2. Бурая супесь, сильно опесчаненная, густо насыщенная растительными остатками	0,10
3. Пески палевые с буроватым оттенком	0,12
4. Пески бурого цвета, первая погребенная почва	0,08
5. Пески палевые с желтоватым оттенком	0,12
6. Палевые зеленоватые пески, линзами прослеживаемые в подошве вышележащего слоя	0,03
7. Горизонтально-слоистые полимиктовые серые (в нижней части слоя чередующиеся с ярко-коричневыми) пески, супеси, илы. В разрезе выявлены две генерации морозобойных трещин, вскрытая мощность	2,76

Материал седьмого культурного горизонта сосредоточен в прослойке аллювиального песка мощностью 1—2 см между двумя генерациями морозобойных трещин (слой 7 разреза). Прослойка вместе с материалом затекает в более мощные трещины нижней генерации и разорвана поздними трещинами.

Залегание подавляющей массы артефактов плашмя (вне трещин), возможность аппликационной реконструкции части предметов (рис. 9, 4, 5; рис. 10, 6) и относительно горизонтальное положение прослойки указывают на незначительное естественное перемещение материала. Последний представлен изделиями из камня и фрагментами керамики (всего 297 предметов). Это бифациально обработанные изделия (рис. 9, 1, 3), пластинчатые сколы, часть которых ретуширована по краю (рис. 9, 2; рис. 10, 1, 3), трансверсальные и угловые резцы (рис. 10, 2, 4, 5),

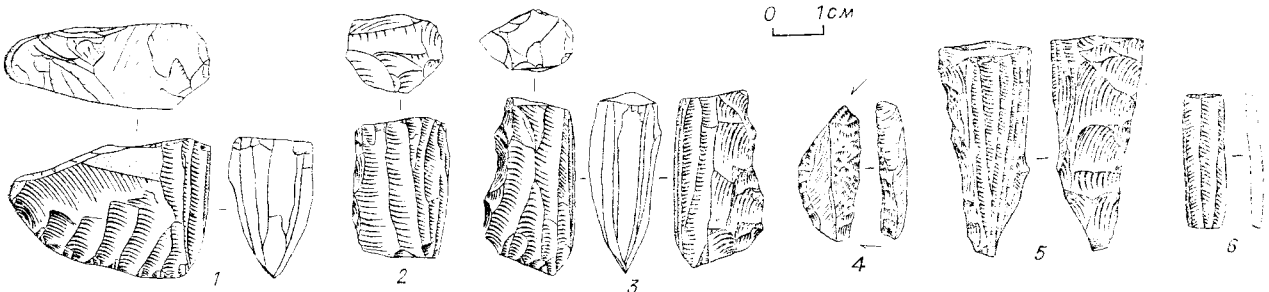

Рис. 6. Нижний комплекс. Каменный инвентарь. Усть-Каренга VII.
1—3, 5 — нуклеусы; 4 — резец; 6 — скребок.

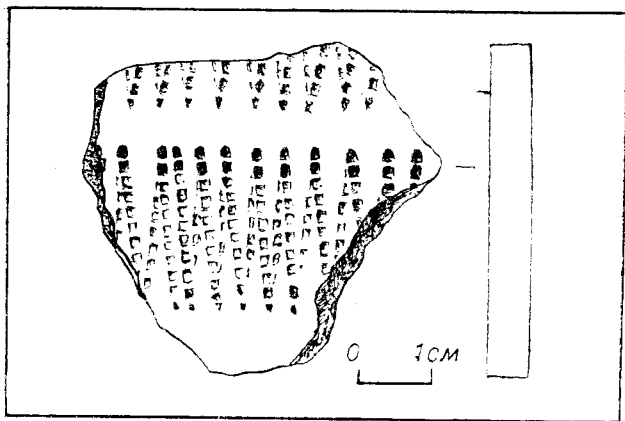

Рис. 7. Нижний комплекс. Керамика. Усть-Каренга XIV.

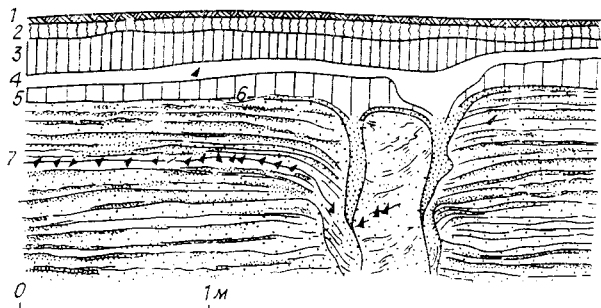

Рис. 8. Усть-Каренга XVI. Стратиграфический разрез.

призматические пластинки (рис. 10, 7—16), призматические и клиновидные нуклеусы (рис. 11), обломки орудий, отщепы, ретушер-отбойник. Керамика представлена фрагментами с оттисками «шагающей гребенки» по внешней стороне и штрихами затирания с внутренней.

Полученные при раскопках данные позволяют разбить археологический материал стоянок Усть-Каренги на два культурно-хронологических комплекса. Материал первого заключен в бурой супеси (первый и второй культурные горизонты), второго — в нижележащих отложениях, которые включают пять культурных горизонтов. Наиболее четко они выделены на местонахождениях Усть-Каренга VII, VIII, X, XIV, XVI, которые можно считать стратотипами в районе приустьевого участка р. Каренга. Ко второму комплексу можно привязать залегающий ниже бурой супеси материал на памятниках, где не была зафиксирована столь четкая стратиграфия. При этом следует отметить, что большинство археологических остатков нижнего комплекса на этих месторождениях залегало в середине палевых песков на уровне первой погребенной почвы.

В раскопках и шурфах Усть-Каренги III, IV, VII, XII на участках со стратиграфически

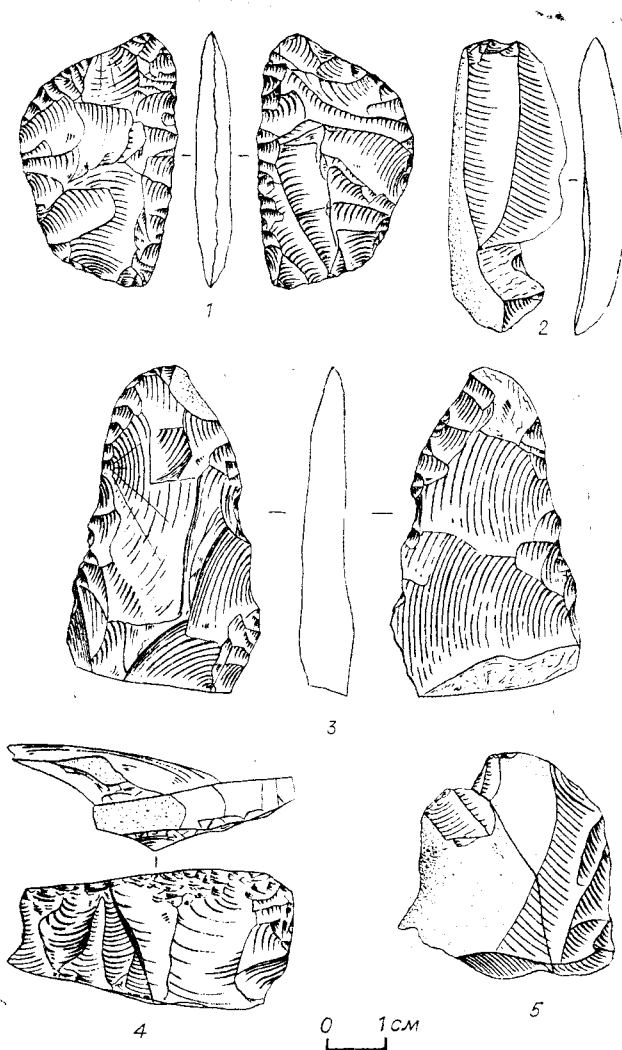

Рис. 9. Нижний комплекс. Каменный инвентарь. Усть-Каренга XVI.

1, 3 — бифасы; 2 — пластинчатый скол; 4, 5 — отщепы.

нерасчлененными слоями, между отложениями бурой супеси и пойменного аллювия собрана довольно многочисленная коллекция каменных изделий: призматические и клиновидные нуклеусы, тесла-унифасы и полубифасы из уплощенных галек, долотовидные инструменты, трансверсальные и угловые резцы, концевые скребки, лыжевидные сколы, бифациально обработанные изделия, призматические пластинки.

Часть нуклеусов получена из целых или частично отесанных галек с последующей специальной обработкой площадок. Если же угол между площадкой и фронтом способствовал процессу снятия пластин и отщепов, то площадка предварительно не обрабатывалась и могла сохранять галечную корку (рис. 12).

Большую группу составляют нуклеусы, контрфронт которых сохраняет следы полной обра-

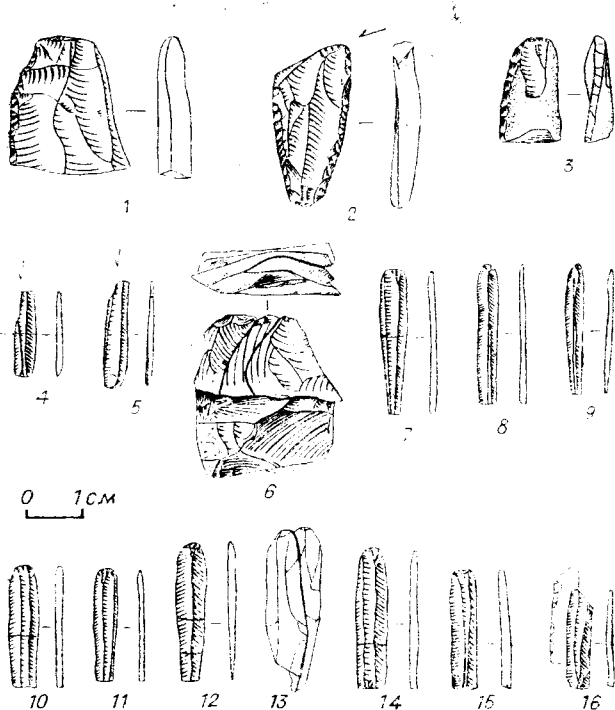

Рис. 10. Нижний комплекс. Каменный инвентарь. Усть-Каренга XVI.

1, 3 — пластинчатые сколы, 2, 4, 5 — резцы, 6 — отщеп; 7—16 — призматические пластинки.

ботки заготовки и в ряде случаев за счет конвергенции обработанных латералей образует ребро. На некоторых нуклеусах снятие пластин заходило на контрфронт, ребро сбивалось и дальнейшее снятие пластин приводило к замкнутости фронта (рис. 13, 1, 2). В коллекции имеются также клиновидные, в том числе и «гобийские» нуклеусы (рис. 13, 3, 4, 5).

Тесла изготовлены из уплощенных галек. Нужная форма (чаще трапециевидная) придавалась обработкой одного, реже двух фасов. Выделяется группа так называемых тесел «с перехватом», которые могли использоваться скорее как долотовидные инструменты (рис. 14). В бифациальной технике выполнены топорик (рис. 15, 1) и нож (рис. 15, 2).

Трансверсальные резцы изготовлены из отщепов, обработанных с дорсальной стороны, хотя единичные экземпляры имеют обработку по краю и с вентрала. Резцовые сколы нанесены справа налево. В ряде случаев трансверсальный скол дополнялся угловым (рис. 15, 3—6). Угловые резцы сделаны из призматических пластинок или пластинчатых отщепов.

Почти все виды изделий, указанные здесь, наличествуют и в многочисленной коллекции подъемного материала.

Проведенные в устье р. Каренга исследования позволяют в общих чертах наметить периодизацию выделенных культурно-хронологи-

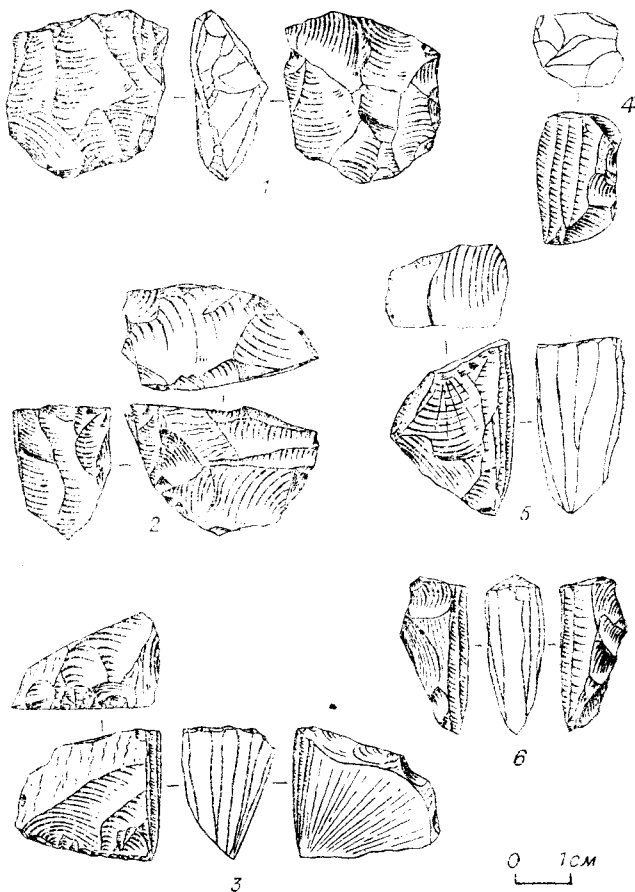

Рис. 11. Нижний комплекс. Нуклеусы. Усть-Каренга XVI.

ческих комплексов. Каменный инвентарь нижнего комплекса в сравнении с археологическими материалами юга Восточной Сибири имеет мезолитический облик. Причем некоторые типы изделий и отдельные признаки позволяют говорить о нем как о поздне-мезолитическом. Так, для позднего мезолита указанного региона характерны комбинированные резцы из отщепов с трансверсальными и угловыми сколами³, тесла «с перехватом» из кристаллических пород⁴, встречающиеся и в ранне-неолитических комплексах⁵, топорик-бифасы⁶, а также «псевдо-

³ Аксенов М. П., Лышя В. А., Шуньков М. В. Комплекс донеолитических месторождений у д. Кистенево на Верхней Лене. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 3. Иркутск, 1975.

⁴ Медведев Г. П., Георгиевский А. М., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л., Савельев Н. А. Памятники мезолита Верхнего Приангарья. — В кн.: Мезолит Верхнего Приангарья, ч. 1. Иркутск, 1971.

⁵ Медведев Г. П., Савельев Н. А. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

⁶ Медведев Г. П., Михнюк Г. Н., Шмыгунов П. Е. Мезолит юга Восточной Сибири. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 3. Иркутск, 1975.

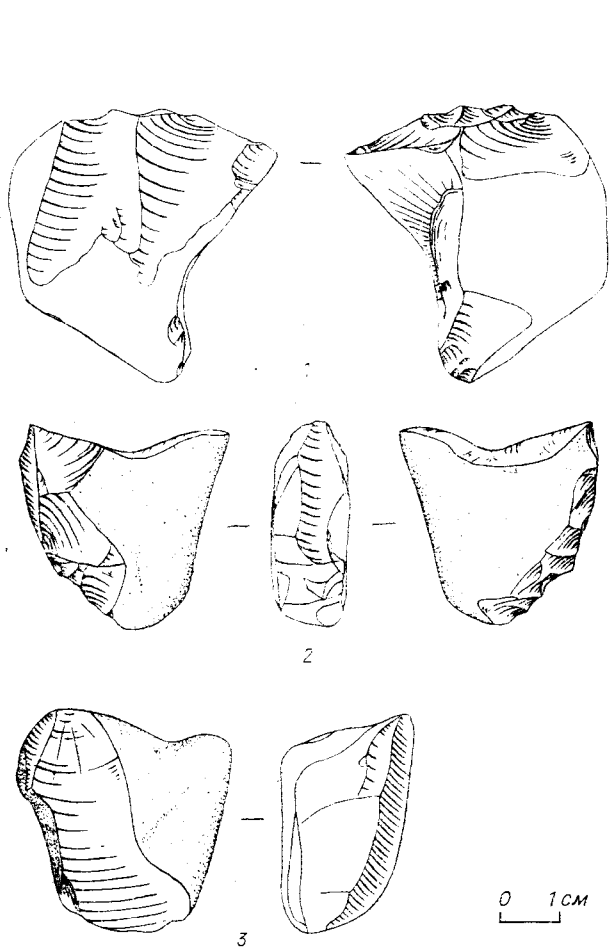

Рис. 12. Нижний комплекс. Нуклеусы.
1, 2 — Усть-Каренга XII; 3 — Усть-Каренга VI.

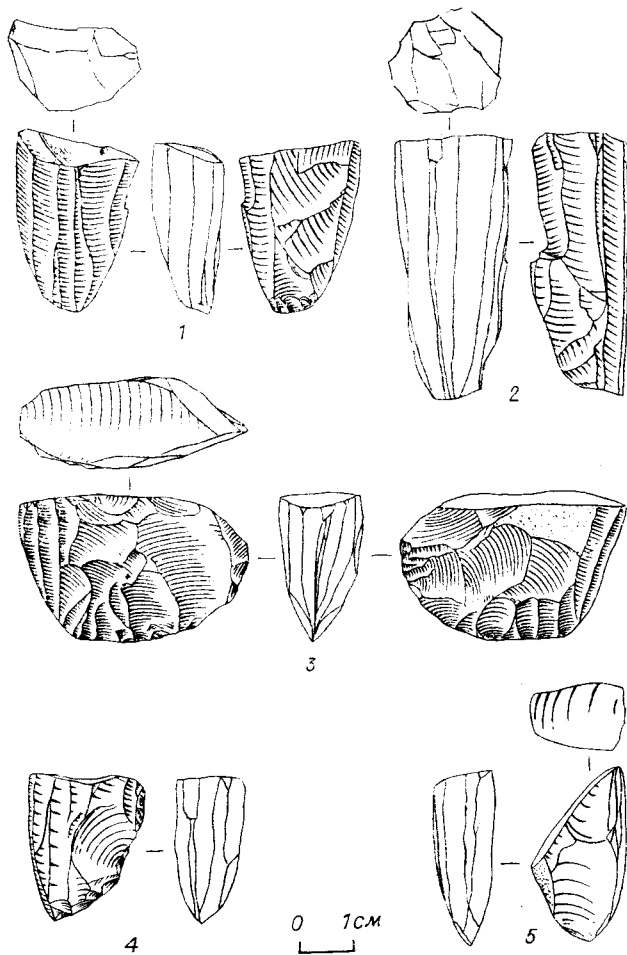

Рис. 13. Нижний комплекс. Нуклеусы.
1, 2 — Усть-Каренга XII; 3, 5 — Усть-Каренга VI; 4 — Усть-Каренга VII.

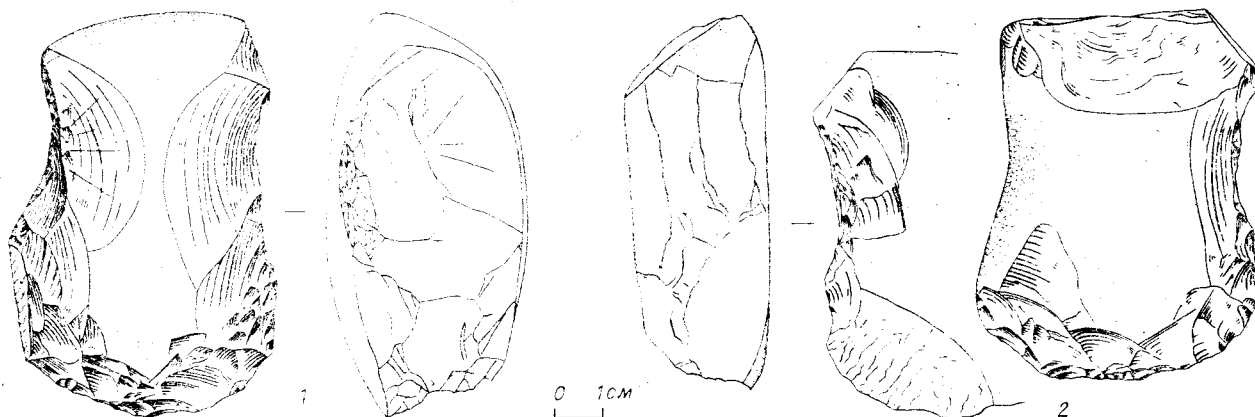

Рис. 14. Нижний комплекс. Тесла «с перехватом».
1 — Усть-Каренга VI; 2 — Усть-Каренга XII.

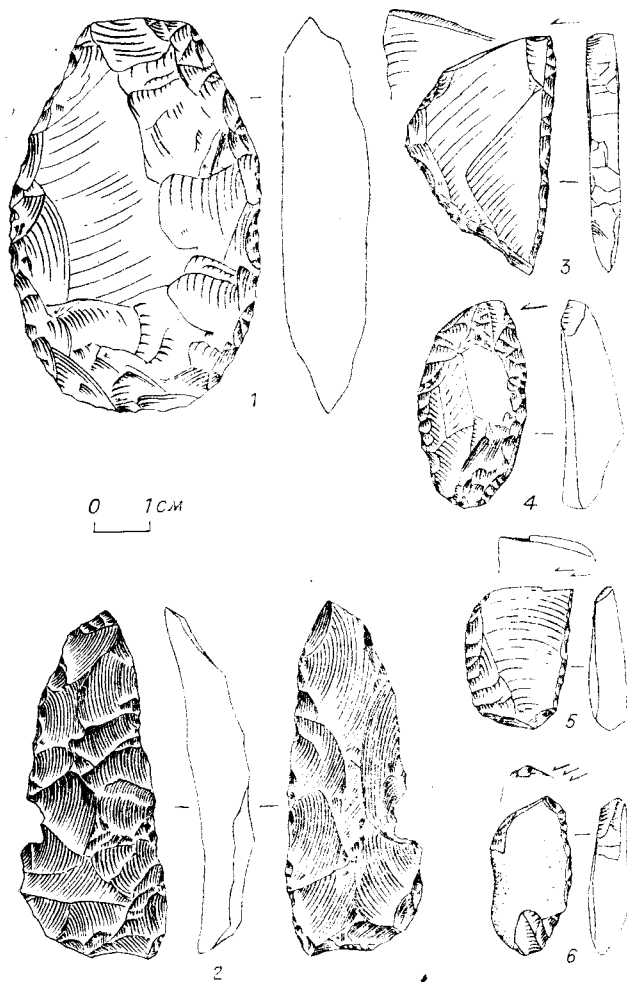

Рис. 15. Нижний комплекс. Каменный инвентарь.
1 — топорик (Усть-Каренга VII); 2 — нож (Усть-Каренга XII), 3—6 — резцы (Усть-Каренга VI).

гобийские» нуклеусы с латерально подработанными площадками⁷.

Первый и второй культурные горизонты за неимением пока четко датированного материала мы вынуждены заключить в широкие хронологические рамки — от позднего неолита до эпохи железа, так как характерные для них элементы встречаются на разных по времени памятниках смежных территорий. Возможно, решить вопрос о более четкой периодизации верхнего комплекса помогут раскопки в устьях рек Калар и Нижняя Джилшида, где в аналогичных условиях вместе с халцедоновыми и кремневыми предметами найдены изделия из металла.

⁷ Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 1. Иркутск, 1974; Константинов М. В., Константинов А. В. Позднемезолитические горизонты на многослойном поселении Студеное (Нарым I). — Тезисы докладов к научно-теоретической конференции. Иркутск, 1977.

Ю. С. ГРИШИН

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКАХ ИЗ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Южные окраинные районы Забайкалья изучены в археологическом отношении сравнительно слабо, хотя именно здесь еще в конце прошлого — начале текущего столетия начались серьезные научные изыскания. В них приняли участие такие выдающиеся исследователи, как А. К. Кузнецов и Ю. Д. Талько-Гринцевич и ряд других кяхтинских краеведов¹. Изучение этой степной и лесостепной области представляет особый интерес: последняя являлась непосредственной контакт-

ной зоной между племенами, населявшими в древности Забайкалье и Северную Монголию.

В этом отношении изучение древнего поселения, находящегося на р. Джиде, в 1 км ниже пос. Михайловка, на 11-метровой береговой террасе приобретает особое значение. В результате геологических работ с закладкой шурфа, были получены явно разновременные материалы, что, как будто, подтверждает наблюдения ленинградских геологов о многослойности памятника². Среди обнаруженного материала зафиксированы нуклеусы леваллуазского типа и снятые с них подтреугольные пластины, которые со значительной долей уверенности позволяют

¹ Кузнецов А. К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1899 г. — Изв. ВСОРГО, Иркутск, 1893, т. 24, № 2, с. 1—12; Окладников А. П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья. — Труды Кяхтинского музея краеведения им. акад. В. А. Обручева и Кяхтинского отд. Геогр. об-ва СССР, Улан-Удэ, 1961, т. 18, с. 19—32.

² Сообщение ленинградского геолога Е. Б. Хотинной. Пользуясь случаем, приношу ей благодарность за представленные материалы и данные об этом памятнике.

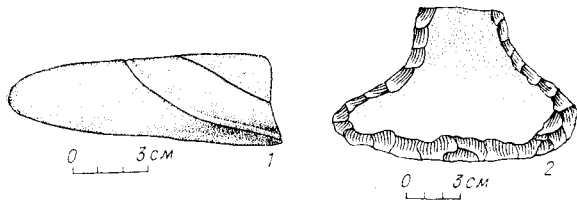

Рис. 1. Фрагмент гальки с прочерченным орнаментом (1) и каменная мотыга (2) со стоянки у пос. Михайловка.

предполагать наличие здесь палеолитического слоя. Другие материалы можно отнести как к неолитическому времени, так и к эпохе бронзы, среди них — бронзовое четырехгранное обоюдоострое шило, которое бытовало в широком хронологическом диапазоне от ранней до поздней бронзы³, а также небольшая шаровидная халцедоновая бусина. Основная масса материала представлена каменными изделиями, нуклеусами клиновидной, конической и карандашевидной форм, заготовками нуклеусов, подтреугольными наконечниками стрел с выемкой в основании, проколками на пластинках, небольшими тонкими ножевидными пластинами и обломками таких пластин, иногда с ретушью по краям, отдельными плоскими скребками и скребками на отщепках, а также отщепами и отколами. Значительный интерес представляют продолговато-вытянутые гальки со следами шлифовки в некоторых местах. Эти изделия можно принять за точильные камни, но размеры их очень разнообразны (от 5 до 14 см длиной) и не всегда подходящи для данной цели. Кроме того, на обломке одной из них была обнаружена часть рисунка в виде широко прочерченного овала, внутри которого располагалась вторая, но узко прочерченная полоса (рис. 1, 1). Возможно, эти гальки имели какое-то ритуальное значение.

В составе инвентаря поселения находилась сечкообразная каменная мотыга с подработанными оббивкой краями (рис. 1, 2). Она имеет сравнительно узкую рукоять (вероятно, обломанную), которая переходит в основное тулово с широкими плечиками и слегка выпуклой рабочей частью. В эпоху неолита и бронзы в ближайших соседних областях Прибайкалья и Якутии подобный тип не встречается, нет его и среди мотыг восточных районов Приамурья⁴. При этом в отличие от приамурских мотыг этого времени рассматриваемое изделие обладает очень широкой частью, гораздо более приспособлен-

ной для использования в качестве почвообрабатывающего орудия. Ближайшим районом, где известны находки мотыг такого типа на поселениях с инвентарем неолитического типа, является Внутренняя Монголия. Как предполагается, здесь еще в неолитическое время существовало земледелие⁵.

Следует отметить, что мотыга такого типа обнаружена в Юго-Западном Забайкалье не впервые; среди собраний Кяхтинского музея, в одной из небольших коллекций из сборов А. П. Мостица в районе Усть-Кяхты, состоящей из отдельных предметов (нуклеусов различной формы, скребков и ножей), тоже найдется близкая по форме мотыга, но имеющая гораздо более выпуклый полукруглый рабочий край⁶. Таким образом, есть значительные основания предполагать наличие мотыжного земледелия в эпоху неолита или бронзы, по крайней мере, в юго-западных районах Забайкалья и связывающих их с областью Внутренней Монголии других районов Южного Забайкалья и Северной Монголии, хотя не исключена возможность, что подобные орудия могли использоваться и в качестве простых землероющих инструментов.

Представляют интерес и материалы, собранные теми же ленинградскими геологами в одной из стоянок на р. Темник. Здесь, наряду с грубо оббитыми каменными скребками и более тщательно отделанным плитчатым скребком с полукруглым ретушированным краем, были обнаружены недоконченный каменный топорик со сверленным углублением и маленькая плоская галечка с отверстием (рис. 2). Последняя, скорее всего использовалась в качестве амулета.

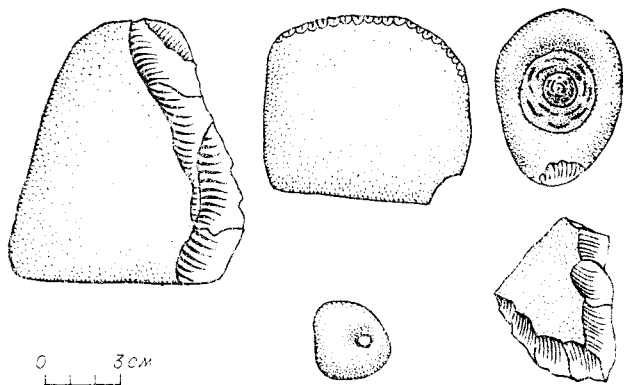

Рис. 2. Каменные изделия со стоянки на р. Темник.

³ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. — В кн.: Свод археологических источников. М., 1974, с. 25.

⁴ Деревянко А. И. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск, 1970, с. 153, табл. 67; Он же. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, табл. XXIV, 3, 5; табл. XXV, XXVI.

⁵ Ларичев В. Е. Неолит Дунбей и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии. — В кн.: Археологический сборник, вып. 1. Улан-Удэ, 1959, с. 38—41, табл. I: II; IV, 3, 7.

⁶ Кяхтинский музей, кол. № 3308.

Что же касается сверленного каменного топора с незаконченной отделкой, то подобные изделия еще не отмечались исследователями среди находок в Забайкалье и, в основном, по-видимому, были известны на западе: они представлены в памятниках конца III — первой половины II тыс. до н. э. в Восточной Европе и Закавказье, а также широко распространены в более близкой области, на Алтае⁷. Лишь изредка фиксируются они в более восточных от Забайкалья районах, причем в памятниках несколько более позднего иньско-чжоуского времени⁸. Поэтому, учитывая промежуточное положение Забайкалья, есть некоторые основания относить их к периоду не позднее второй половины II тыс. или раннего начала I тыс. до н. э. К сожалению, явно разновременная керамика этой стоянки представлена в коллекции лишь единичными небольшими черепками. Тем не менее наличие среди них отдельных характерных фрагментов сосудов, украшенных горизонтальными рядами отступающей лопаточки, особенно типичных для позднего неолита и эпохи бронзы Забайкалья, также может свидетельствовать в пользу указанной датировки.

Заслуживают внимания материалы стоянки, обнаруженной Забайкальским археологическим отрядом Института археологии АН СССР в 1973 г. в 400—500 м к юго-востоку от ранее опубликованного поселения в долине Карымской, близ пос. Усть-Иля на реке Онон⁹. Стоянка была расположена на значительной площади несколько скрытой, но хорошей для обзора окружающей местности седловины, заключенной между сопок и на некотором удалении (порядка 300—400 м) от источника воды (ручья). В песчаных выдувах здесь были собраны фрагменты кургана-зернотерки тагарского типа, трехугольный каменный наконечник стрелы с прямым основанием, отдельные отщепы, фрагмент нуклеуса, фрагменты бронзового четырехгранного шила и какого-то неясного предмета, а также железные изделия — шило с витой рукояткой и кольцевым навершием, плоское широкое кольцо, трехперый наконечник стрелы с упором в основании перьев и обломки различных предметов (рис. 3). Были обнаружены фрагменты довольно однообразных сосудов с прямыми скошенными или выступающими наружу утолщенными венчиками, как украшенные вдоль их краев валиками, так и неорнаментированные.

⁷ Кызласов Л. Р. Древнейшие орудия горного дела на Алтае. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 166—167.

⁸ Ларичев В. Е. Бронзовый век Северо-Восточного Китая. — СА, 1961, № 1, рис. 4, 6.

⁹ Гриппин Ю. С. Древние памятники среднего течения р. Онона. — В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 89.

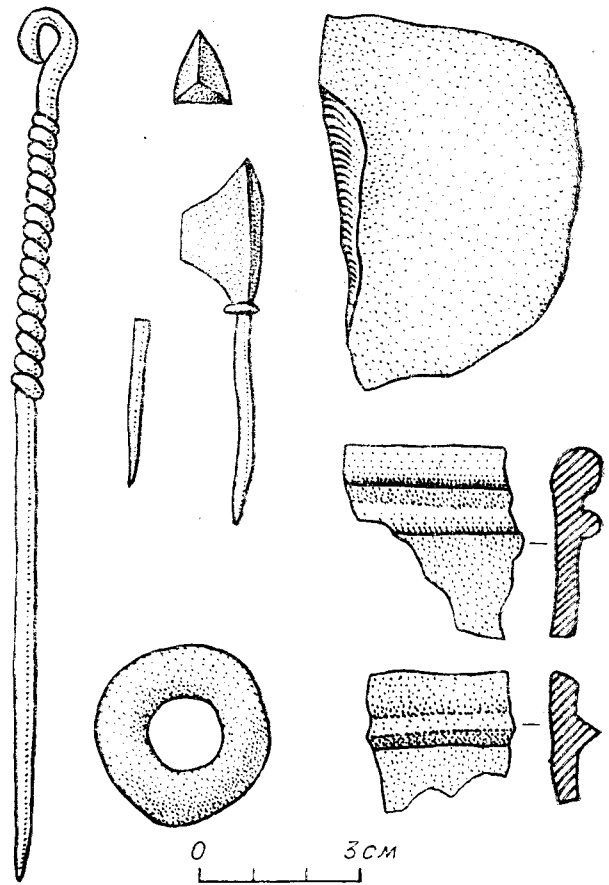

Рис. 3. Каменные, бронзовые и железные изделия и керамика со стоянки у пос. Усть-Иля.

Во многом близкая керамика иногда фиксируется в Забайкалье еще в памятниках эпохи плиточных могил, бытует такая посуда и в более позднее время¹⁰. Кроме того, на поверхности выдувов встречалось немалое количество камней, часть из которых сохранили следы обжига (видимо, камни от очагов), а также значительное число мелких кальцинированных фрагментов костей. Кость, возможно, использовалась в качестве топлива, что зафиксировано, по крайней мере, со скифского времени и, видимо, нередко практиковалось древним населением степных районов¹¹. Шурфовочные раскопки, произведенные здесь, позволили зафиксировать в довольно тонком культурном слое только керамику, близкую по общему облику к уже отмеченной, так что имеются известные основания полагать, что материалы стоянок составляли в целом одновременный комплекс. Скорее всего, они относятся к памят-

¹⁰ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XIII, 14, 22.

¹¹ Смирнов А. П. Скифы. М., 1966, с. 182.

никам переходного периода от эпохи плиточных могил к гуннской эпохе или к самому гуннскому времени. На это обстоятельство могут указывать обломки зернотерки, подобные которым отмечаются среди памятников скифо-тагарского времени Минусинской котловины и соседней Монголии¹², железное шило, напоминающее в значительной мере как некоторые бронзовые шилья с витой рукоятью эпохи плиточных могил, так и железные кольчатые шилья гуннского времени¹³, а также трехперый (с короткими перьями) наконечник стрелы с кольцевидным выступом-упором в основании перьев, аналогичный которому зафиксирован в сравнительно раннем гуннском Иволгинском городище¹⁴. Остальные материалы описанной выше стоянки, во всяком случае, не противоречат указанной датировке, поскольку отдельные каменные изделия еще продолжают встречаться в памятниках культуры плиточных могил За-

байкаля и Монголии¹⁵, а по своей форме железное плоское кольцо совершенно аналогично каменным, в том числе нефритовым кольцам, которые находим как в забайкальских памятниках скифо-тагарского, так и гуннского времени¹⁶.

Таким образом, отмеченный материал в целом вполне укладывается в хронологические рамки последних веков до н. э. Следует отметить, что стоянка не могла принадлежать гуннам, поскольку на ней отсутствует типично гуннская керамика. Вообще, в восточных районах Забайкалья гуннские памятники почти не фиксируются¹⁷. Тем более настоятельной становится необходимость в исследованиях почти не изученных восточно-забайкальских памятников, подобных описанной стоянке. Значение последней заключается также в том, что ее дальнейшее изучение может указать направление поисков подобных памятников, своеобразных по своему расположению, в частности, удаленных от источников воды.

¹² Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху.— МИА, М., 1960, № 90, с. 124; Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 91.

¹³ Диков Н. И. Бронзовый век Забайкалья, с. 52, рис. 9—11; Давыдова А. В. Иволгинское городище.— СА, 1956, № 25, рис. 18, 2, 3.

¹⁴ Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулунские курганы. М.—Л., 1962, табл. IV, 7.

¹⁵ Диков Н. И. Бронзовый век Забайкалья, табл. XI, 1—5; Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии, с. 41—42.

¹⁶ Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975, с. 50, рис. 12; Давыдова А. В. Иволгинское городище, рис. 25, 1, 27.

¹⁷ Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века..., с. 105.

И. И. КИРИЛЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ НЕОЛИТА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЯ (по материалам полевых исследований 1965—1975 гг.)

Изучение памятников каменного века в юго-восточных районах Читинской области в течение последнего десятилетия (1965—1975 гг.) археологическим отрядом Читинского пединститута дало новые интересные материалы. Впервые здесь были обнаружены и раскопаны крупные поселения каменного века, находившиеся в четких стратиграфических условиях: Амоголон, Будалан, Чиндант — на Ононе; Доронинская-4, Дворцы, Александровка, Дарасун — на Ингоде; Молодовск — на Шилке. Были найдены и первые неолитические могильники — Ножий, Молодовск. Новые памятники позволили осуществить стратиграфическую привязку многочисленных разновозрастных стоянок, дать относительную перпоздизацию неолита, определить место неолитической культуры Юго-Восточного Забайкалья среди одновременных культур сопредельных территорий¹.

Основываясь на фактическом материале,

частично опубликованном в ряде статей, мы остановимся лишь на некоторых общих чертах неолита Юго-Восточного Забайкалья, охватывающего по преимуществу степные и лесостепные районы.

По нашему мнению, неолитическая культура рассматриваемых районов вызревает на местной основе и уходит своими корнями в местный палеолит. Население вступило в новую эпоху камня с теми индустриально-производственными навыками, которые были сформированы и развиты в предшествующую палеолитическую эпоху. Здесь не происходит качественного скачка от палеолита к неолиту,

¹ Кириллов И. И. Каменный век Восточного Забайкалья. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1969; Окладников А. П. Ранняя история Забайкалья в свете новых исследований.— В кн.: 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита, 1972.

и речь определенно должна идти об эволюционном процессе перерастания палеолитической культуры в культуру неолитическую. Этот процесс нашел отражение как в технических приемах обработки орудий труда, так и в хозяйстве, остающемся охотничьим в своей основе на ранней стадии неолита.

Археологические находки, отражающие эволюционное развитие материальной культуры, согласуются с палинологическими и палеонтологическими данными. На примере споро-пыльцевых анализов, полученных на чиндантском поселении, наглядно видно, что в период раннего неолита население Забайкалья существовало в условиях, близких в целом к условиям позднего палеолита. В общем составе споро-пыльцевых спектров абсолютно господствует пыльца травянистых растений. Доминирующим семейством является *Artemisia* sp., *Chenopodiaceae*. На уровне культурного слоя определена *Ephedra* sp. Единичными зернами представлены семейства: *Egeraceae*, *Gramineae*, *Caryophyllaceae*, *Onagraceae*, *Rosaceae*, *Cruciferae*. Количество пыльцы древесных пород составляет в среднем 2%. Среди них отмечена пыльца: *Picea* sp., *Pinus* n/p., *Diploxylon*, *Haploxylon*, *Alnus* sp., *Betula* sect *Albae*. Встречены единичные споры: *Bruciales*, *Sphagnum*, *Lycopodium* (*L. clavatum*, *L. complanatum*), *Polypodiaceae*, *Selaginella* sp. На это же указывают анализ фаунистического материала и выводы в связи с ним палеонтологов². Около 35% костей чиндантского поселения принадлежат кулану (*Eguus hemionus* Pall) и предположительно *Eguus hydruntinus*; 12% дикой лошади (*Eguus caballus*); 10% — степной косуле (*Capreolus capreolus*); 7% — дзерену (*Pracapra guttorosa* gm). Если учесть, что около 20% костей неопределимы из-за сильной фрагментарности, то удельный вес перечисленных видов в мясном рационе обитателей чиндантского поселения еще более возрастает. Остальные виды определимой фауны принадлежат в основном представителям открытых ландшафтов: зубру (*Bison* sp.), северному оленю (*Rangifer tarandus*), сайге (*Saiga tatarica*). Исключение представляла собака, кости которой составляли более 7%.

Таким образом, в то время, как в отдельных районах Сибири, в частности, в соседнем Прибайкалье, с началом голоцена происходит резкая смена природных условий в связи с наступлением лесов, в юго-восточных районах Забайкалья сохраняются близкие к позднему палеолиту климатические условия. Это не стимулировало переустройство хозяйства.

² Автор выражает признательность Н. А. Гей, определившей палеоботанический материал, и Н. Д. Оводову, определившему фаунистические остатки.

Не останавливаясь на характеристике основного неолитического материала забайкальских памятников, в связи с тем, что публикация его имеется в работах А. П. Окладникова и автора данной статьи, мы хотели бы отметить одну из важнейших особенностей неолита Юго-Восточного Забайкалья — развитие хозяйства, точнее, проблему перехода населения края от присваивающей экономики к экономике производящей. В данном случае речь идет о переходе от собирательства к примитивному земледелию.

Установить определенную границу между принципиально различными видами хозяйственной деятельности без прямых свидетельств (зерен, злаков, остатков полей) необычайно трудно. Даже в тех районах, где, помимо зерноотростков и курантов, находят серпы (раннеземледельческие культуры Переднего Востока и Средней Азии), проблема остается, если вместе с ними не найдены зерна одомашненных злаков и нет других прямых свидетельств. Применительно к Забайкалью и соседней Монголии, задача усложняется из-за своеобразных климатических условий и вызванной ими сильной эрозии почвы.

Впервые вопрос о возможности земледелия в позднем неолите — ранней бронзе в Забайкалье был поставлен А. П. Окладниковым. Используя местный материал, он решил этот вопрос положительно³.

Какие предпосылки могли способствовать переходу населения Забайкалья от собирательства к земледелию? Сравнительные палинологические данные стоянок раннего (Чиндант) и развитого (Будалап) неолита показывают, что на более позднем поселении образцы характеризуются однородными споро-пыльцевыми спектрами, в общем составе которых господствует пыльца травянистых растений: 58,1—59,4% с преобладанием пыльцы *Artemisia* sp., *Chenopodiaceae*. В то же время пыльца древесных пород составляет значительно больший процент — 36,0—39,6, споровых — 0,6—5,7%. В группе древесных пород доминирует пыльца *Pinus* n/p *Diploxylon* (64,8—95,5%), *Betula* sp. (16,5%). Таким образом, несмотря на совпадение в значительной части результатов споро-пыльцевых анализов почв двух поселений, следует отметить некоторые изменения в климате за период от раннего к развитому неолиту. Последний период характеризуется некоторым увлажнением климата, большим распространением лесных участков, хотя степи, а в их составе полынно-лебедовые травы, в целом преобладают. Незначительные примеси

³ Окладников А. П. О начале земледелия в Забайкалье и в Монголии. — В кн.: Древний мир. М., 1962.

гречишных (*Polypodiaceae*) и розоцветных трав (*Rosaceae*) дополняют состав разнотравья. Тенденция изменения климата в сторону увлажнения, по мнению ряда исследователей, продолжалась до середины II тыс. до н. э., когда начался новый этап аридизации и некоторого похолодания, продолжающийся до настоящего времени⁴. Речь идет в данном случае об общих тенденциях, характерных для сравнительно длительных периодов, хотя климатические колебания, естественно, имели место в рамках отдельных периодов. Для нас важно в данном случае, что в течение всего неолитического времени климат был более мягким и влажным, чем в настоящее время. Эти данные согласуются с данными археологии. На ряде неолитических памятников нами замечено, что культурный слой уходит под основание дюн. Например, на дюнных стоянках Онона даже слой ранней бронзы перекрыты мощными песками, и котлованы в местах обнажений достигают 10—15 м высоты (Кункур, Хорбой, Калтыгей). Это указывает на то, что дюнообразование, вызванное аридизацией климата, началось после неолита. Аналогичную картину отмечал А. П. Окладников в Монголии, например, в местности Тугрик-Ширет⁵. В пользу указанного факта свидетельствует и открытие многочисленных памятников неолита и ранней бронзы в исключительно засушливых ныне районах Юго-Восточного Забайкалья и Монголии.

Не менее важным обстоятельством, способствовавшим возникновению земледелия в исследуемом районе, является наличие дикорастущих злаков. Таким дикорастущим родоначальником «основного хлеба» восточных стран — проса — многие специалисты считают разновидности зеленого мышей, распространенного на большой территории, включая Монголию и Забайкалье⁶. В соседних с Забайкальем районах Южной Монголии и Маньчжурии зерна метельчатого проса встречаются уже в самых ранних неолитических стоянках⁷.

Таким образом, все необходимые предпосылки для возникновения земледелия в Забайкалье в развитом неолите имели место. Мы не можем ответить на вопрос, как был сделан этот шаг вперед: путем заимствования или конвергенции, однако о том, что он был сделан, можно судить по серии орудий, широко представ-

ленных в памятниках развитого неолита в юго-восточных районах Забайкалья. На крупных поселениях Арын-Жалга (Будалан) на Ононе, Дарасун, Дворцы на Ингоде эти изделия были найдены в комплексе: каменные и костяные мотыги, разнообразные песты, кольца-утяжелители, овальные каменные плитки. Эти орудия подразделяются по функциональному назначению на две группы: орудия для обработки земли и орудия для обработки продуктов земледелия. На неолитических стоянках часто встречаются округлые, двусторонне просверленные диски из песчаниковых или кварцевых пород, обработанные точечной техникой. В литературе они трактуются как утяжелители к земляночным палкам бушменского типа «кве» (квесе). Основное назначение их, по мнению С. А. Семенова, — использование в собирательском хозяйстве. Но, основываясь на этнографических параллелях, он допускает возможность обработки с их помощью земли до внедрения железа, а в некоторых районах — вплоть до последнего столетия⁸.

Не менее широко распространены в неолитических памятниках каменные, реже костяные мотыгообразные орудия. Каменные изделия подразделяются на несколько видов. Одни представляют собой овальные в плане изделия. Широкое лезвие их оббито преимущественно с одной стороны, с противоположной — имеется лишь дополнительная подправка. Ударной ретушью обрабатывались и оба длинных края, причем в центре более глубокими сколами и дополнительной подправкой образовывались выемки для крепления на рукояти. Второй вид изделий представлял собой гальки или плитки камня, у которых обрабатывались лишь лезвие и боковые выемки. У третьего вида ударной ретушью обрабатывалась вся поверхность гальки с одной стороны. Особенно тщательно обрабатывался выпуклый и более широкий рабочий край. Размеры этих орудий различны, но всегда достаточно крупны — от 10—12 до 17—25 см в длину при ширине 5—7 см. Позднее ширина изделий становится более значительной. Исходными формами для подобных орудий являлись, очевидно, топоровидные и тесловидные инструменты позднепалеолитического времени, известные в ряде сибирских и забайкальских памятников.

Остальные орудия описываемой серии использовались для обработки продуктов. Плиты обычно имеют овальную или подпрямоугольную форму в плане, широкая поверхность их заложена и имеет следы характерной «проковки». Обычно их находят с продолговатыми гальками, одна сторона которых отшлифована

⁴ Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. — История СССР, 1967, № 1.

⁵ Окладников А. П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии.

⁶ Комаров Б. Л. Происхождение культурных растений. М. — Л., 1931.

⁷ Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении китайцев. — СЭ, 1947, № 1.

⁸ Семенов А. А. Происхождение земледелия. Л., 1974

(уплощена), вторая — выпуклая. Они, по-видимому, являлись верхними камнями плиток-курантов. На стоянках найдено большое число подобных изделий, некоторые из них наполовину сработаны (сточены). Этими орудиями работали и как курантами, и как пестами. Песты на стоянках встречались двух видов: округлые, обработанные точечной техникой (они имели пояс в центральной части), и песты «фаллической» формы, обработанные по всей поверхности той же техникой.

Таким образом, наличие серий орудий, связанных с обработкой земли и продуктов земледелия наиболее характерно для памятников развитого неолита юго-восточных районов Забайкалья. Имеются аналогичные памятники и в соседней Монголии, например, в материале поселения Тамцак-Булак они были найдены в том же сочетании⁹.

Все вышеизложенное позволяет предположить существование примитивного мотыжно-палочного земледелия в южных районах Забайкалья и Монголии в развитом неолите. Наличие раннеземледельческих орудий в этих районах — одна из наиболее характерных особенностей неолитической культуры степного Забайкалья, отличающих ее от культуры северных и северо-западных районов, где население и в период неолита оставалось на стадии присваивающего хозяйства.

Не менее сложным является вопрос о зарождении скотоводства, хотя ранее были известны памятники, в которых найдены кости домашних животных¹⁰. Наличие костей одомашненных животных (свиней, собак, коров)

⁹ Окладников А. П., Деревянко А. П. Тамцак-Булак — неолитическая культура Монголии. — В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып. V. Улан-Удэ, 1970.

¹⁰ Окладников А. П. Археологические исследования в Бурятии Монголии. — Изв. АН СССР. Сер. истории и фи-

в памятниках развитого неолита согласуется с материалом стоянок и могильников более позднего времени. В. В. Волков, говоря о переходе к скотоводству древнего населения Монголии, указывает на ее северо-западные районы, как место возможного района одомашнивания крупного рогатого скота в сравнительно ранний период. При этом он ссылается на мнение зоологов, изучавших морфологические особенности монгольского скота¹¹. Во всяком случае, сохранение в неолите Забайкалья, Монголии, южных районах Сибири зубра, кости которого обнаружены в кухонных отбросах ряда неолитических памятников Забайкалья, безусловно, указывает на раннее одомашнивание этого вида. Район северо-западной Монголии мог быть местом одомашнивания курдючной овцы, происходящей от одного или нескольких разновидностей аргали¹².

Мы можем констатировать, что в развитом неолите у древнего населения Забайкалья складывается довольно сложный комплекс хозяйства, сочетающий в себе, наряду с традиционными видами присваивающей экономики, зарождение принципиально новых видов экономики производящей. Сложное и, говоря языком современным, «многоотраслевое» хозяйство стимулировало переход к частичной оседлости. Об этом можно судить по мощности культурных слоев таких поселений, как Арын-Жалга, Дарасун, по остаткам оседлых жилищ типа землянок, обнаруженных на поселении Тамцак-Булак в Монголии — прямого аналога забайкальских памятников.

лософии, М., 1951, т. 8, № 5; Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья, М., 1975.

¹¹ Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.

¹² Там же.

Л. Г. ИВАШИНА

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РАННИХ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА БУХУСАН

Изучение погребальных памятников Северо-Восточной Бурятии (район Еравнинских озер) было начато несколько лет назад. На северо-западной окраине пос. Исинга на берегу одноименного озера в 1970 г. экспедицией Бурятского республиканского краеведческого музея, возглавляемой автором настоящей статьи, был открыт могильник Бухусан¹.

Погребения находились на краю 10—12-метровой озерной террасы, среди выходов гранитной скалы (рис. 1). Некоторые из могил оказались разрушенными: разбросаны камни кладок, под ними найдены частично сохранив-

¹ Ивашина Л. Г. Отчет об археологической разведке в Еравнинском районе Бурятии, 1970 г. — Архив Института археологии АН СССР Р-1, № 4290.

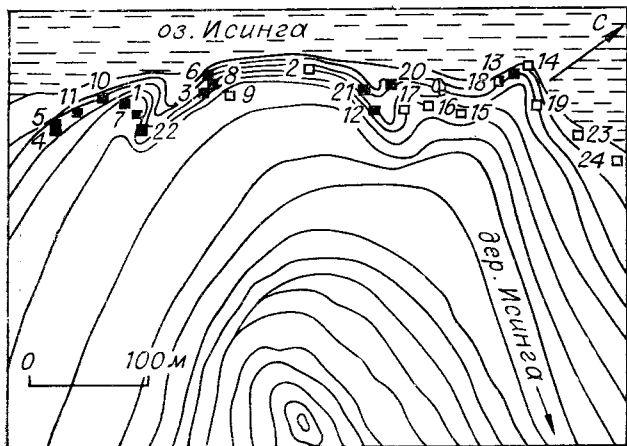

Рис. 1. План расположения погребений в могильнике Бухусан.

1, 3—7, 10—13 (3 скелета), 18 (скелет 2), 20—22 — поздний неолит; 8 — ранняя бронза; 2, 9, 11—18 (скелет 1), 19, 23, 24 — железный век.

шися скелеты. Были случаи намеренного разрушения кладок неолитических погребений для сооружения более поздних могил. Так как все захоронения на Бухусане совершались на незначительной глубине (до 0,4—0,6 м), то при разборке каменной кладки кости и часть погребального инвентаря могли оказаться на поверхности и со временем исчезнуть.

Все захоронения находились под кладками из камней гранитной породы (рис. 2), которые с трудом прослеживались на задержанной поверхности террасы. После расчистки камней выступала кладка овальной или округлой формы. Иногда благодаря расчистке обнаруживались беспорядочные каменные наборы. В погребении № 13 под разрушенными могильными кладками открыты остатки трех скелетов в сопровождении каменного и костяного инвентаря. В погребении № 18 под юго-восточной группой камней такой же бесформенной разбросанной кладки найдены остатки неолитического погребения, а под северо-западной группой камней оказался погребение железного века с хорошо сохранившимся скелетом человека и орудиями из железа и кости.

В устройстве могил на Бухусане контуров могильных ям ни в одном случае проследить не удалось. Возможно, это связано с тем, что, находясь на небольшой глубине, погребения не вызвали давления коренных пород, выходы которых повсюду видны на террасе. В результате могли исчезнуть контуры неглубоких могильных ям, а в некоторых случаях — нарушаться анатомический порядок костей в погребениях (рис. 3). В большинстве случаев распавшиеся скорченные труположения на правом боку, с северо-восточной ориентировкой. В некоторых могилах имеются пятна охры.

Для хронологического расчленения могильника Бухусан весьма важными оказались наблюдения над расположением могил и порядком их сооружения. Эти наблюдения выявили наличие горизонтальной стратиграфии. Можно предполагать, что его начали сооружать с юго-запада, а затем захоронения производили на северо-восток по краю холма (см. рис. 1, неолитические погребения № 1,3—7,10—13,18 со скелетом 2,20—22). С юго-восточной стороны к ним примыкали могилы бронзового века (погребение № 8) и железного века (погребения № 2,9,14—18 со скелетом 1,23,24). В погребении 18 прослежен случай вертикальной стратиграфии, когда захоронение периода железного века (№ 18, скелет 1) разрушило каменную кладку неолитического погребения (№ 18, скелет 2) и остатки разновременных погребений оказались рядом, на уровне материковой скалы.

Стратиграфические наблюдения, изучение погребального обряда и инвентаря позволили нам выделить в могильнике Бухусан три разновременные группы захоронений: 16 — неолитических, одно — эпохи бронзы и 10 — более поздних, связанных с эпохой железного века.

В настоящей работе рассматривается первая, ранняя группа погребений. Материалы их уже в основном опубликованы и датированы нами поздненеолитическим временем, концом III — началом II тыс. до н. э.² Здесь ставится задача выявления их культурной принадлежности и места в кругу одновременных культур на сопредельных территориях Восточной Сибири.

Для подтверждения датировки ранних погребений могильника Бухусан поздненеолитическим временем необходимо сопоставить их по обряду и инвентарю с аналогичными погребальными памятниками соседних территорий.

Сравнение первой группы погребений могильника Бухусан с китойскими погребениями Прибайкалья и ранними захоронениями Феофановского могильника, расположенного в дельте р. Селенги, показывают, что для бухусанских захоронений характерна совокупность признаков как китойской, так и палеолитической культуры (по прибайкальской периодизации А. П. Окладникова). Признаками, восходящими к китюю, являются: наличие охры в погребениях, почти

² Иванова Л. Г. Неолитический могильник на оз. Исинга. — В кн.: Археологические открытия 1970 г. М., 1971; Она же. Материалы археологической разведки в Правдинском районе Бурятии. — Изв. СО АН СССР, 1972, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2; Иванова Л. Г., Клаузеневский Э. Л. Могильник Бухусан (результаты работ 1970 г.). — В кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975; Они же. Материалы могильника Бухусан (раскопки неолитических погребений в 1971—1972 гг.). — Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. об-ва СССР, 1976, Иркутск, т. 69.

Рис. 2. Каменная кладка погребения № 4.

полное отсутствие керамики, многочисленный каменный и костяной инвентарь, характерный для хозяйства охотников и рыболовов. Элементы глазковской культуры представлены надмогильными каменными выкладками, скорченным положением скелетов в могилах, наличием в инвентаре украшений и орудий из кабаньих клыков. Отличительной чертой могильника Бухусан является полное отсутствие изделий из нефрита, столь характерных для прибайкальских памятников эпохи неолита и ранней брон-

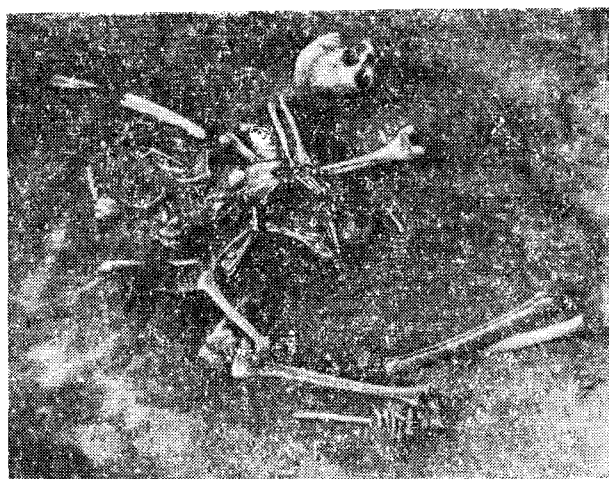

Рис. 3. Погребение № 3.

зы, а также Фофановского могильника, географически также близкого к Прибайкалью.

Одной из основных особенностей погребального обряда китайских памятников в Прибайкалье является наличие в могилах красной минеральной краски — охры. Эта черта — одна из основных, позволяющих сопоставлять ранние погребения Бухусана с китайскими захоронениями Прибайкалья. С той же самой чертой погребального обряда мы встречаемся и севернее, на территории Якутии. Посыпка скелетов охрой наблюдалась в Уолбинском могильнике и в одиночных погребениях в районе Олекминска, датированных китайским временем³, а также в погребениях могильника Туой-Хая, относящихся к развитому неолиту, к III тыс. до н. э.⁴ Аналогичный элемент погребального обряда прослеживается и к югу от лесостепной зоны Бурятии, в Монголии. Погребения с охрой, датированные поздненеолитическим временем, исследованы в окрестностях г. Чойбалсана⁵, Но-

³ Окладников А. П. Ленские древности, вып. 2. Якутск, 1946, с. 13.

⁴ Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Виллюя. М., 1968, с. 38.

⁵ Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1968 г. — Изв. СО АН СССР, 1969, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2.

ровлин уула на берегу р. Керулен⁶, у горы Дзун-Ульдзит⁷.

Итак, посыпка скелетов охрой — достаточно широко распространенный элемент погребально-го обряда в поздненеолитическое время.

Возвращаясь к сравнению бухусанских погребений с китойскими погребениями Прибайкалья, следует отметить и существенные различия, которые они имеют между собой в погребальном обряде. Так, погребения на Бухусане находились под каменными кладками на небольшой глубине (до 0,4—0,6 м от поверхности). Китойские погребения представляют собой грунтовые могилы с хорошо выраженными контурами могильных ям, захоронения находятся на глубине до 1,5—2 м⁸. Кроме того, погребенные на Бухусане лежат в скорченном положении на боку. Это отличает их от китойцев, которых хоронили преимущественно в горизонтальном положении на спине.

Гораздо больше общего обнаруживается в инвентаре бухусанских и китойских погребений. Именно сходные типы инвентаря — вкладышевые костяные ножи и книжаловидные острия из рога, роговые гарпуны с прямой и изогнутой спинкой, двусторонне обработанные вкладыши, треугольные наконечники стрел с вогнутым основанием, грушевидные подвески из клыков марала — позволяют до некоторой степени синхронизировать поздненеолитические погребения Прибайкалья и Забайкалья и датировать первую группу погребений могильника Бухусан поздненеолитическим временем — концом III — началом II тыс. до н. э.

Важно подчеркнуть, что эта датировка определяет лишь хронологическое соответствие прибайкальских и забайкальских поздненеолитических памятников. Однако по вопросу происхождения китойской культуры Прибайкалья нет единого мнения, а «выводить» ее из Забайкалья пока нет достаточных оснований.

Действительно, в районе побережья Байкала, главным образом, в дельте р. Селенги, в материалах Фофановского могильника и Посольской стоянки имеются некоторые черты, присущие китойским памятникам Прибайкалья. В погребальном обряде — глубокие грунтовые захоронения, засыпка умерших охрой, в материале — типично китойские каменные стерженьки рыболовных крючков. Но эти черты

характерны лишь для памятников района, непосредственно примыкающего к Байкалу и Прибайкалью. Нигде в центральных частях Бурятии и далее на восток, в Забайкалье, мы не встречаемся с такой устойчивой чертой погребального обряда прибайкальских китойцев, как глубокие, до 1,5—2 м, грунтовые захоронения. Все это дает основания полагать, что в центральных районах Забайкалья встречены погребения лишь с некоторыми китойскими чертами — отдельными элементами погребального обряда и типами орудий.

Поздненеолитические погребения могильника Бухусан имеют черты сходства и с одновременными культурами Якутии. Близкие аналогии содержатся в белькачинских и раннебурханских культурных комплексах, датированных концом III — первой половиной II тыс. до н. э.⁹ Сходны различные типы двусторонне ретушированных каменных орудий — пожей, скребков, наконечников стрел. Но особенно четкое сходство с костяными и каменными изделиями из могильника Бухусан мы находим в Восточном Забайкалье, в инвентаре погребений в районе Сретенска¹⁰ и в Шилкинской пещере на Верхнем Амуре¹¹. В погребениях могильника Бухусан найдены сделанные из расщепленных клыков кабана орудия типа резцов и украшения-подвески¹². Подобные изделия имеются и в материале Шилкинской пещеры¹³. Наконечники стрел удлиненно-треугольных очертаний с симметрично-выемчатым основанием совершенно аналогичны найденным в Шилкинской пещере. В обоих памятниках встречены односторонние роговые наконечники гарпунов, имеющие много общего — форму зубцов, способ насада. Очень похожи бухусанская и шилкинская блесна с крючком — разновидность составного рыболовного крючка¹⁴.

Приведенные аналогии могут говорить о том, что находящаяся между большими культурами ареалами (прибайкальским — на западе, якутским — на севере, амурским — на во-

⁹ Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969.

¹⁰ Толмачев В. Предметы «костяного века» из Восточной Сибири. — Сообщ. ГАИМК, вып. 2. Л., 1929.

¹¹ Окладников А. И. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. — МИА, М., Л., 1960, № 86.

¹² Ивашина Л. Г., Климашевский Э. Л. Материалы могильника Бухусан (раскопки неолитических погребений в 1971—1972 гг.). — Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. об-ва СССР, Иркутск, 1976, т. 69, с. 185, рис. 3, 4, 6; с. 187, рис. 6.

¹³ Окладников А. И. Шилкинская пещера. — памятник древней культуры верховьев Амура..., с. 45, рис. 27; с. 47, рис. 30.

¹⁴ Там же, с. 37, рис. 6, 24; Ивашина Л. Г. Материалы археологической разведки в Еравнинском районе Бурятии, с. 62, рис. 2.

⁶ Волков В. В. Погребение в Норовлин уула (Монголия). — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

⁷ Окладников А. И., Ларичев В. Е., Деряж Д. Новые материалы по неолиту Восточной Монголии. В кн.: Некоторые вопросы истории и культуры Монголии, т. V. Улан-Батор, 1972, с. 27—29 (на монг. языке).

⁸ Хороших П. П. Неолитический могильник на станции «Локомотив» в г. Иркутске. — В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966, с. 84.

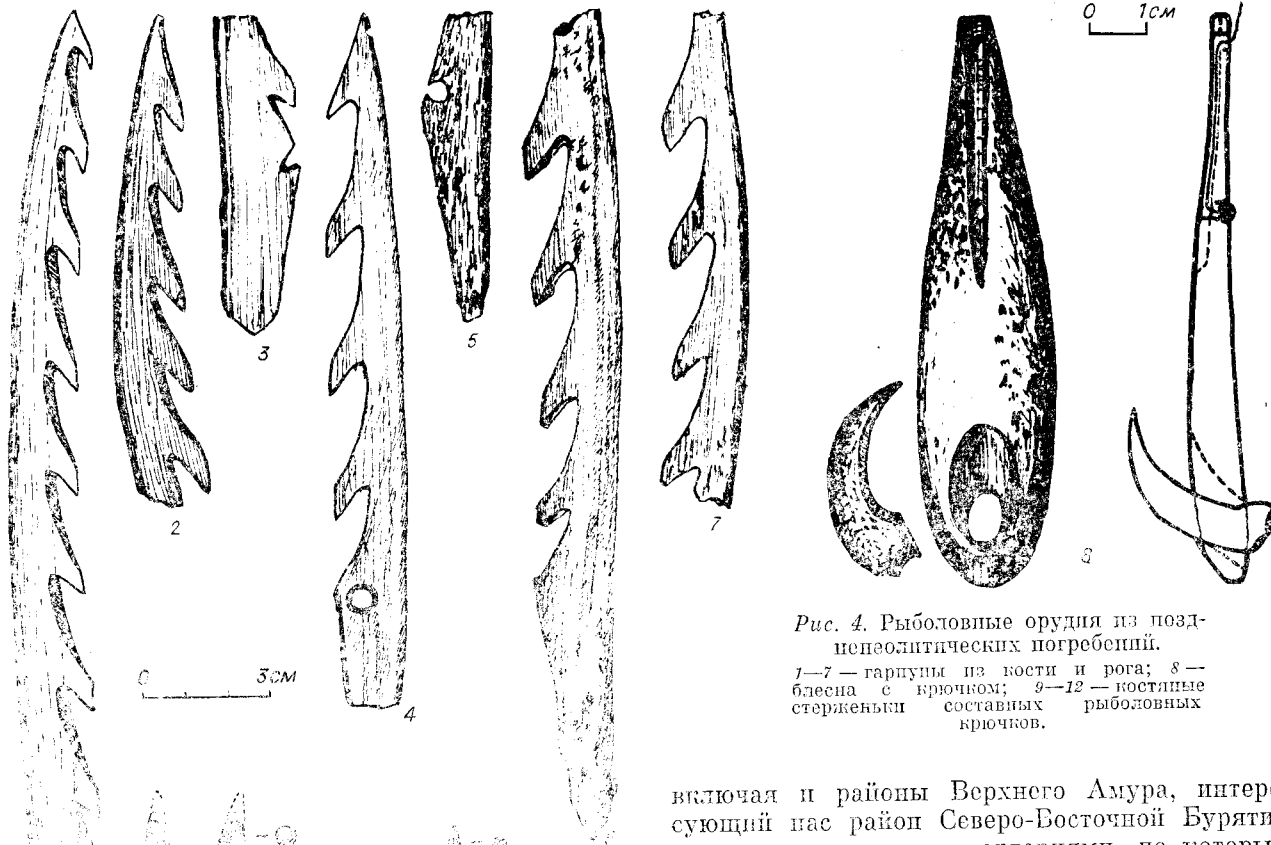

Рис. 4. Рыболовные орудия из позд-
неолитических погребений.
1—7 — гарпуны из кости и рога; 8 —
блесна с крючком; 9—12 — костяные
стерженьки с составными рыболовными
крючками.

ство и монгольским — на юге) поздненеолитическая культура озерной Еравны объединила в себе наиболее характерные черты этих соседних культур. В инвентаре бухусанских погребений обнаруживаются черты сходства с материалами китайских памятников Прибайкалья, с беловчанскими и раннебурхантахенинскими культурными комплексами Якутии, с поздненеолитическими памятниками Восточного Забайкалья. Все они датированы типологически (а якутские памятники — и радиоуглеродным методом) концом III — началом II тыс. до н. э. Здесь следует заметить, что в отличие от центральных, южных и юго-восточных районов Бурятии, больше тяготеющих к степям Восточного Забайкалья и Монголии, северо-восточные ее районы более близки к почти чисто таежным Прибайкалью и Якутии. С этими областями,

включая и районы Верхнего Амура, интересующий нас район Северо-Восточной Бурятии тесно связан водными артериями, по которым могли осуществляться древние контакты, происходить взаимодействия и обмен между племенами Восточной и Северо-Восточной Азии. Именно этим, на наш взгляд, может объясняться также близкое сходство в типах орудий и посуды, в образе жизни и погребальном обряде неолитических и энеолитических племен северо-восточной Бурятии с одновременными культурами сопредельных территорий.

Этой близости, прежде всего, способствовало весьма значительное ландшафтно-климатическое сходство соседней озерной Еравны с таежными и лесостепными соседними районами, где природные условия долгое время благоприятствовали сохранению и развитию присваивающих видов хозяйства — охоты, рыболовства и собирательства.

Для эпохи энеолитического этапа неслита (конек III — начало II тыс. до н. э.), которой мы датировали горную группу погребений монгольства Бухусан и озерные стоянки Еравны, характерны все названные выше виды или типы хозяйства.

Несомненно развито и совершенствованию рыболовства на северо-востоке Бурятии способствовало наличие обширной озерной системы. Большое количество крупных и мелких озер связывалось воедино посредством сложной системы проток и речек. Многочисленные на-

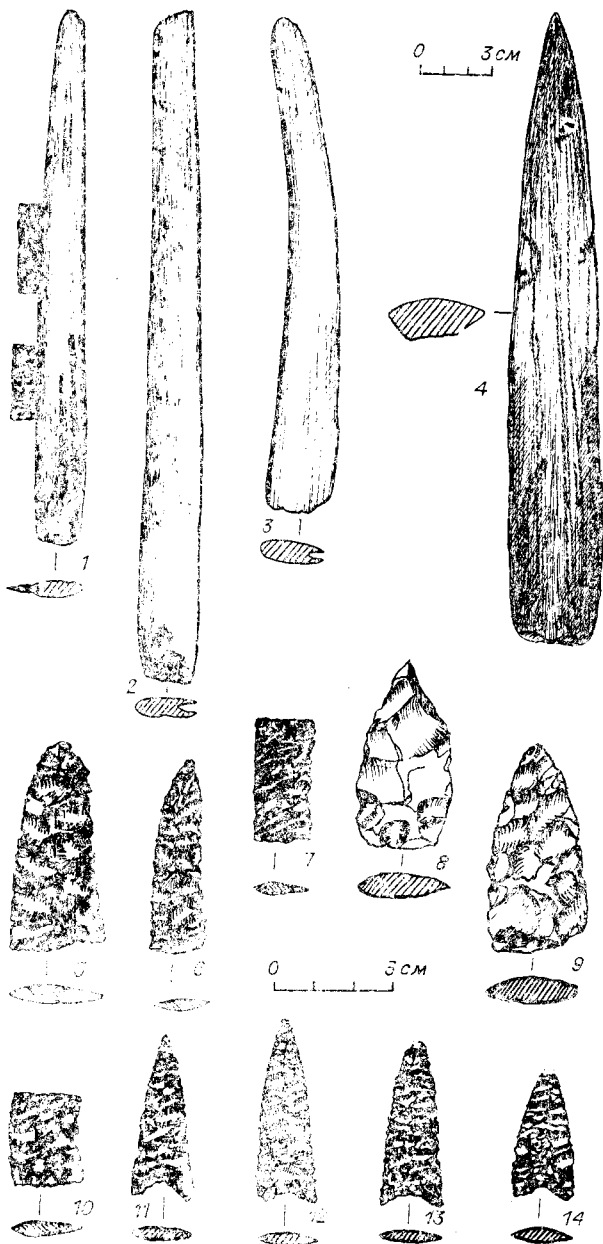
ходки рыболовного инвентаря в бухусанских погребениях (рис. 4) говорят о том, что рыбу ловили сетями, били гарпунами, добывали с помощью разнообразных приманок и составных крючков.

Так же, как и в соседних районах Восточной Сибири — в Прибайкалье, Якутии, в верховьях Амура, близость значительных лесных массивов наложила свой отпечаток на хозяйственные занятия и интересы позднего неолитического населения Северо-Восточной Бурятии. Сама природа здесь предполагала весьма существенное подспорье, основанное на охоте и сборе съедобных дикорастущих растений. Охота на диких животных — изюбра, лося, оленя, медведя, кабана, кабаргу подтверждается находками в бухусанских позднего неолитических погребениях изделий из костей этих животных, предметами охотничьего вооружения, каменных наконечников стрел и дротиков, роговых кинжаловидных острий и вкладышевых охотничьих ножей (рис. 5).

Таким образом, археологические данные свидетельствуют, что хозяйственный уклад позднего неолитических обитателей Северо-Восточной Бурятии был связан со всесторонним присвоением и использованием природных угодий — прежде всего лесов и озер. На основании сходства материальной культуры, выражающегося в некоторых общих типах керамики и орудий, сходства некоторых элементов погребального обряда, можно в какой-то степени предполагать и этническое родство племен, населявших в эпоху неолита Забайкалье и примыкающие к нему соседние территории с идентичными ландшафтно-климатическими условиями.

Рис. 5. Орудия охоты из позднего неолитических погребений.

1—3 — вкладышевые костяные ножи; 4 — кинжаловидное острие из рога; 5—7, 10 — каменные пластины — вкладыши; 8, 9, 11—14 — каменные наконечники стрел и дротиков.

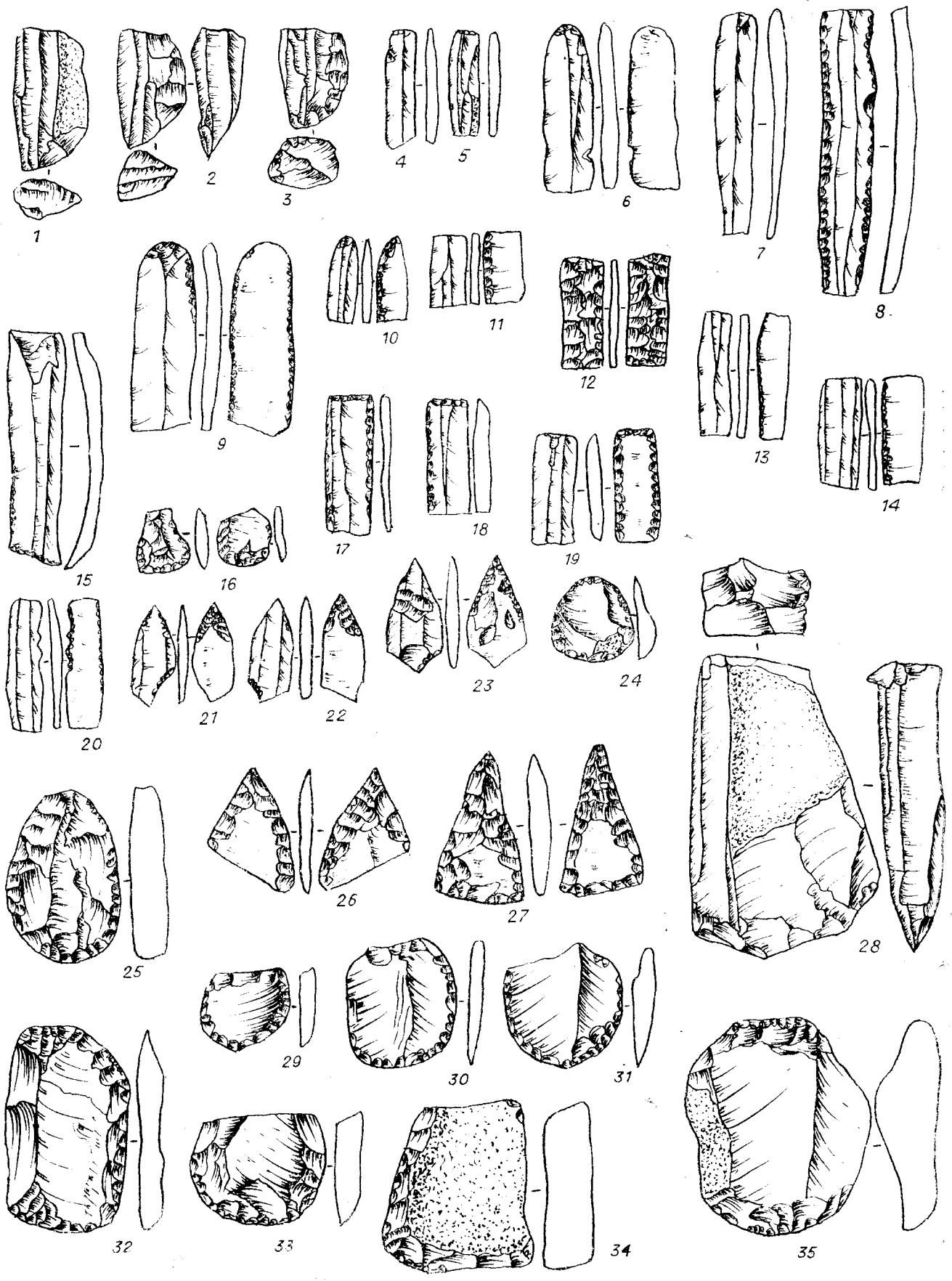

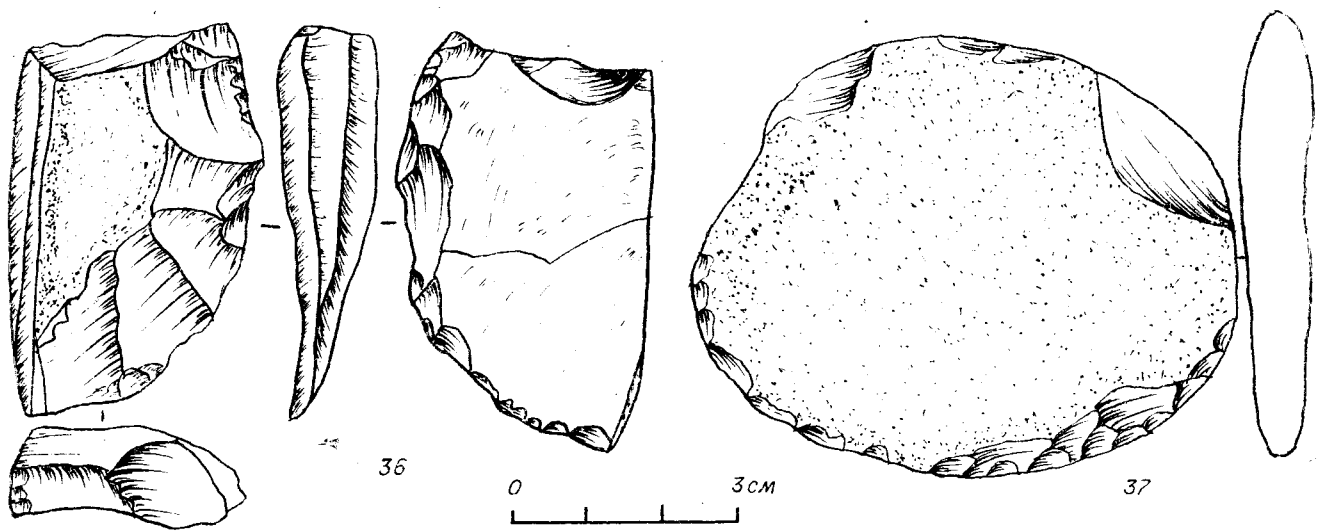
Л. В. СЕМИНА

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЧЕРЕМУШКИ НА РЕКЕ ХИЛОК

Древнее поселение Черемушки открыто в 1971 г. Оно расположено на правобережной первой надпойменной террасе (5,5 м) р. Хилок в местности Черемушки, в 6 км от с. Катангар Петровск-Забайкальского района Читинской области. Верхняя площадка террасы напоминает треугольник, широкая сторона которого примыкает к сопке, а две

другие обрамлены уступом, заросшим березой и кустарником, под которым начинается пойма. Рядом расположено пойменное озеро, а на расстоянии 80—100 м — р. Хилок. Раскопки поселения на мысу велись в 1972 и 1975 гг. Они показали, что неолитический материал связан с каштановой супесью, мощность которой составляет 30—35 см. Ее подстилает жел-

Каменные изделия с неолитической стоянки Черемушки на р. Хилок.

тая сушесть, не содержащая находок. Мощность дернового покрова колеблется от 20 до 25 см.

Из хозяйственных комплексов на поселении было вскрыто 10 очагов и 2 очажных пятна. Девять очагов имеют примерно одинаковое устройство: их форма овальная или неправильно-овальная, в одном случае — сегментовидная.

На поверхности очагов и в их заполнении располагаются отдельные камни, не образующие определенной системы. Несколько отличен от прочих десятый очаг: он имеет округлую форму, на поверхности вдоль его границы зафиксированы отдельные камни. При вскрытии выяснилось, что камни на «дне» очага образуют плотную кладку. «Дно» очага имеет чашевидную форму.

На стоянке вскрыта хозяйственная яма, расположенная вблизи одного из очагов. Форма ямы неправильно-овальная, размеры ее 95 × 65 см, глубина приближается к 40 см. В заполнении ямы найдены расколотые трубчатые кости животных и зубы. В заполнении очагов, а также на большой площади от них были найдены каменные изделия, черепки глиняных сосудов и мелкие фрагменты костей животных.

Каменный инвентарь включает группу микронуклеусов (32 экз.) и их заготовок (26 экз.). Большинство микронуклеусов относятся к торповым клиновидным (см. рисунок, 1—3, 28, 36). Все нуклеусы этой группы имеют отношение высоты к ширине 2:1 и 3:1 соответственно. Между собой они различаются степенью сработанности и размерами. Многочисленную группу образуют аморфные нуклеусы и в большинстве своем представляют желваки полупрозрачного халцедона, с которых без всякой

предварительной подготовки скалывались отщепы и короткие пластинки неправильных очертаний. Заготовки нуклеусов можно разделить на две группы. В первую входят гальки (18 экз.), с которых снято по несколько отщепов. Однако форма их не имеет устойчивых очертаний. Ко второй группе относятся 8 заготовок. Они представляют собой гальки яшмовидной породы, у которых оформлены боковые ребра и ударные площадки.

Большая коллекция микронуклеусов и их заготовок определяет наличие большого количества (158 экз.) микропластин (4—15, 17—19). Подавляющее большинство последних не подвергалось дополнительной обработке, лишь на некоторых из них видна эпизодическая ретушь. В коллекции есть семь пластинок до 5 см длиной. Четыре из них имеют лишь эпизодическую ретушь. У пятой мелкая плотная ретушь с брюшка вдоль обоих ее краев образует рабочие лезвия (9). У искривленной пластины из зеленой яшмы мелкой ретушью со спинки обработан один из краев; ретушь здесь захватывает почти всю длину края, но не отличается особой тщательностью. Лезвие трехгранной пластины из белого полупрозрачного халцедона обработано по краю со стороны спинки (8). Противоположный край пластины также обработан. Все эти пластины, как и более мелкие экземпляры, употреблялись в качестве вкладышей для составных орудий. Рабочий край шести из них оформлен ретушью, нанесенной с брюшка вдоль одного края. В четырех случаях ретушь уплощающая, в двух — почти отвесная (10—14). У пяти вкладышей ретушью обработаны оба края с брюшка, у трех — со спинки. У одного экземпляра дополнительно обработан торец пластины (19).

Единичным экземпляром представлен двусторонне обработанный вкладыш (12).

Три острия «даурского» типа изготовлены из микропластин. Их отличительной чертой является оформление острого жальца тщательной ретушью с брюшка (21—23). Лишь у одного острия имеется несколько подправок со спинки (21). Торцы изделий с одного края скошены сколом, напоминающим резцовый, второй край торца пластины имеет выемку, более или менее четко выраженную, оформленную ретушью со спинки. Одно орудие — из пластины с двумя неглубокими выемками. Есть пластина, один край которой ретушью превращен в зубчатое лезвие пилки (20). Имеется в коллекции скобель, выполненный из короткой пластины. Вогнутый край его обработан мелкой ретушью.

Самую многочисленную группу каменных изделий стоянки Черемушки образуют скребки — их насчитывается 48 экз. (24, 25, 29—35). Все они, без исключения, выделаны из отщепов различной величины и формы. По конфигурации лезвий скребков их можно разделить на несколько групп: выпуклые, прямые и выемчатые. По типу они подразделяются на концевые, двусторонние, дисковидные. По функциональному назначению к скребкам примыкают два скребла (37). Материалом для обоих служили плоские плитки песчаника. Размеры скребел составляют $7,1 \times 5,6$ и $8,2 \times 6,8$ см. Оформление лезвий шло в круговую ударной ретушью с обеих поверхностей плитки с последующей дополнительной подправкой. Вся остальная поверхность сохраняла первичную корку.

В коллекции — два экземпляра наконечников стрел. Один из них выполнен из отщепов белого туфа. Он имеет подтреугольную форму с несколько выпуклыми краями и почти прямым насадом (27). Второй наконечник изготовлен из отщепов зеленой яшмы, имеет лавролиственную форму, насад его обломан (26). Обработка орудий велась с обеих плоскостей мелкой встречной ретушью.

Два орудия можно отнести к разряду тесловидных. Одно из них выполнено из плоской галечки подовальной формы. Крупные сколы идут по всему периметру изделия, образуя приостренное рабочее лезвие и рваные края, прилегающие к нему. Центральная часть верхней плоскости тесла сохраняет первичную корку. Большую серию орудий составляют рубящие изделия. Они представляют собой крупные речные гальки, один из концов которых, с помощью крупных сколов и дополнительной подправки, превращен в острое рабочее лезвие. Остальная поверхность орудий от галечной корки не очищалась.

Керамика, найденная на стоянке, сильно фрагментирована. Судя по отпечаткам на внешней поверхности черепков, сосуды изготавливались посредством выколачивания колотушкой с намотанными на нее нитями или пучками травы. Стенки сосудов сравнительно тонкие (0,3—0,5 см). Цвет фрагментов керамики варьирует от серого до светло-коричневого, иногда на внутренней поверхности черепков наблюдаются следы нагара. Фрагменты сосудов отличаются друг от друга прежде всего характером орнаментации, а также формой венчика. Один из них прямой, гладкосрезанный. По внешнему борту, не отступая от края, идет композиция, состоящая из горизонтальных параллельных рядов, отрисков четырехугольного штампа, расположенных несколько наклонно. Венчик второго сосуда загнут внутрь. Это достигалось с помощью небольшого утолщения вдоль его внешнего края, плавно соединяющегося со стенками сосуда. Боковая грань украшена вертикальным трехколенным зигзагом, оставленным прямой лопаточкой с острым концом. Нижняя грань налепа подчеркнута горизонтальным рядом наклонных отрывистых черточек, параллельных друг другу. Ниже проходят аналогичные ряды. Ряд коротких насечек идет и по внутреннему бортику, не отступая от внутреннего края венчика.

Прямой венчик был у третьего сосуда, его верхняя плоскость рассечена косо поставленной лопаточкой, в результате чего сосуду придан волнообразный контур. С внутренней стороны фрагмента имеются горизонтальные полосы в виде зигзага из трех линий, они пересекаются еще двумя прямыми, горизонтально прочерченными полосами. По верхней поверхности четвертого венчика, также прямого, проходит неглубокий желобок. Никаких дополнительных мотивов орнамента на черепке не зафиксировано.

Для орнаментации сосудов широко употреблялась палочка-стэк с заостренным или прямым концом, отпечатки которого встречались в различных комбинациях: елочный узор, горизонтальные полосы, вертикальные вдавления.

В коллекции керамики находятся многочисленные мелкие фрагменты, поверхность которых украшена отпечатками двузубчатого штампа, образующими горизонтальные ряды. Кроме черепков от сосудов на стоянке найдены обломки керамической плитки светло-коричневого цвета. Толщина фрагментов колеблется от 0,5 до 0,9 см. Судя по имеющимся черепкам и аналогиям этим изделиям, это была плитка подпрямоугольной формы, с плавно сглаженными краями. Точно установить ее размеры не представляется возможным.

Стоянка Черемушки входит в группу неолитических памятников, обнаруженных за последние годы на территории Читинской области в долинах рек Хилок, Чикой, Ингода, Шилка. Они представляют собой временные стоянки людей, ведущих подвижный образ жизни. В пользу этого свидетельствуют тонкий культурный слой, отсутствие следов жилищ, большое количество очагов на сравнительно малой площади.

Ближайшими аналогами описываемой стоянки являются: Малета, Сосновка — на р. Хилок, Качены, подерновый слой стоянки Студеное, Фомичево, Маргинтуй — на р. Чикой, Ереминская группа, Антишка — на р. Ингода, Большая речка — на р. Шилка¹. За пределами Читинской области аналогичны им нижний слой Нижне-Березовской стоянки и верхний слой Санного мыса. Для всех этих памятников характерно незначительное количество изделий из ножевидных пластин, отсутствие пуклеусов ранних форм: гобийских, клиновидных, пуклеусов-скребков пизких пропорций. Относительным временным показателем служит наличие мелких двусторонне ретушированных наконечников стрел с прямым или овальным пазом, появление которых характерно для позднего неолита — ранней бронзы².

С поздним неолитом — ранней бронзой связано и широкое использование различных комбинаций штампового орнамента, встречающегося в материале памятников этого времени.

Не менее характерной чертой рассматриваемой группы памятников является сочетание

мелких изделий из камня с более крупными. К последним относятся нуклеусы аморфных форм, крупные овальные скребла, тесловидные и топоровидные изделия из галек. Эти черты устойчиво сохраняются на протяжении всей неолитической эпохи, а в конце ее процент крупных изделий из галек даже увеличивается. Это происходит, по мнению И. И. Кириллова, в связи с общим упадком каменной индустрии и связанным с ним непритязательным подходом в выборе материала³. Не случайно на стоянке Черемушки более широко использовались халцедоны, роговики, кремнистый сланец, значительно меньше — яшмовидные породы. Последние широко использовались в более ранний период, начиная с позднего палеолита.

Особенность стоянки Черемушки состоит в отсутствии фрагментов керамики с шахматно-пашечными отпечатками. В соседних с Забайкальем районах она появляется в позднем неолите и получает широкое распространение в эпоху бронзы⁴. В Забайкалье эта особенность также известна в ряде памятников⁵. Отсутствие ее на стоянках Черемушки, думается, не случайный фактор и может служить как временной показатель, что позволяет провести верхнюю границу существования стоянки глазковским временем по прибайкальской периодизации.

В целом, на наш взгляд, хронологические рамки стоянки следует ограничить концом III — началом II тыс. до н. э.

М.—Л., 1955, № 43; Кириллов И. И., Рижский М. И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973.

³ Кириллов И. И. Каменный век Восточного Забайкалья. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1969.

⁴ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III; Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969. Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968.

⁵ Кириллов И. И., Рижский М. И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973.

Е. А. ХАМЗИНА

КЛАД БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЗАКАМНЫ

Собранный за последние четыре десятилетия археологический материал, характеризующий культуру племен, населявших Забайкалье в бронзовом веке, опубликован Н. Н. Диковым¹ и Ю. С. Гришиным². Из оставшегося неопубликованного

материала наибольший интерес представляет клад бронзовых вещей из Закаменского района Бурятской АССР.

Клад был найден дорожными рабочими при выборке гравия для засыпки полотна шоссе Улан-Удэ — Закаменск³, между с. Михай-

¹ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.

² Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975.

³ Клад хранится в Республиканском краеведческом музее им. М. П. Ханголова, инв. № 9992/1—34.

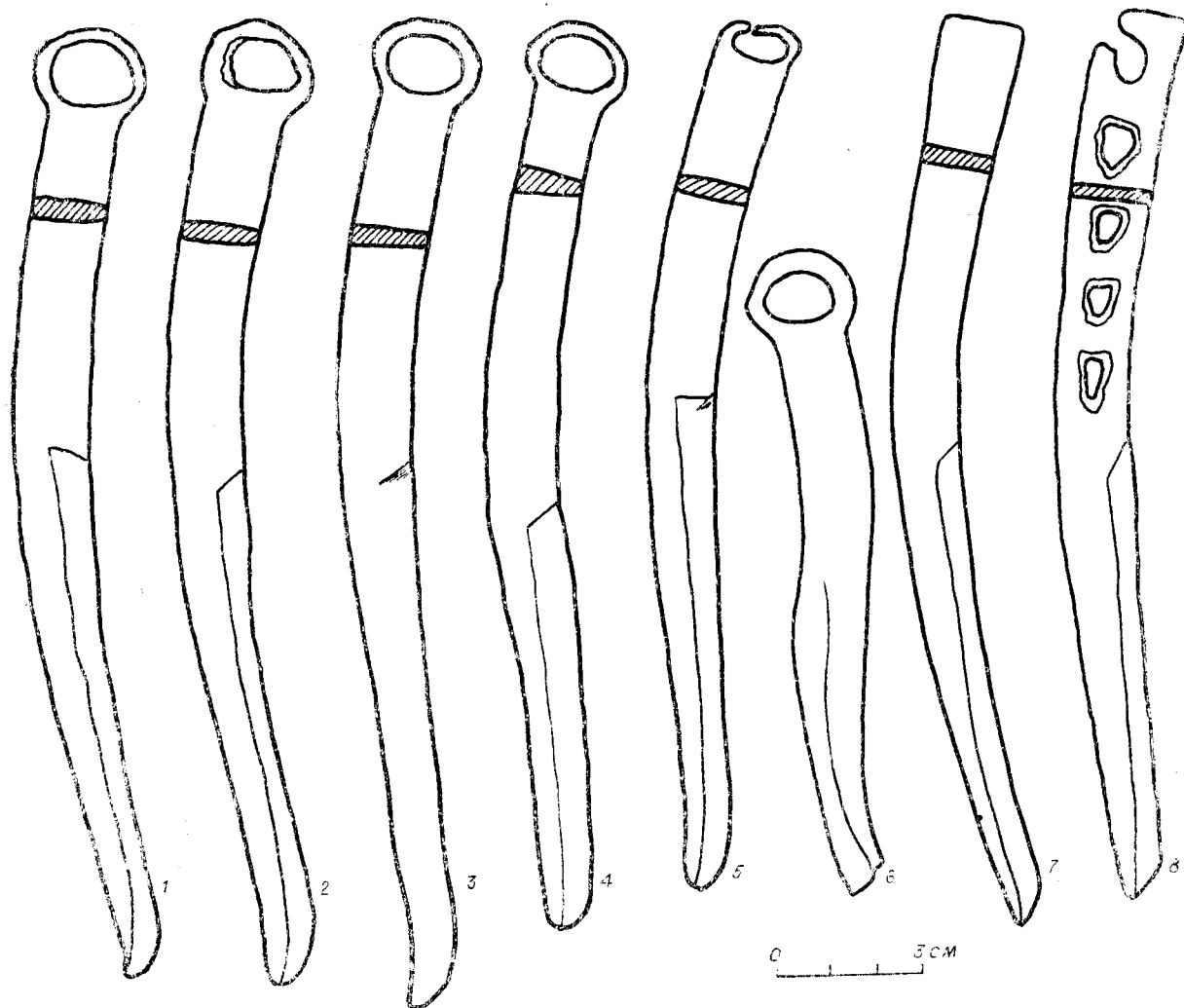

Рис. 1. Ножи.

ловкой п Бургултайской РТС п передан в 1958 г. в Республиканский краеведческий музей им. М. Н. Хангалова учителем Михайловской средней школы В. Ф. Герасимовым. Это первый клад бронзовых вещей, найденный в Забайкалье.

Клад обнаружен на поверхности первой надпойменной террасы у основания скалы, прижимающей плотно шоссе к самому берегу р. Джиды. Вещи лежали компактной кучкой в слое щебенки, на глубине примерно 1,5 м от современной поверхности. Вокруг них было большое количество мелких древесных угольков. Следует отметить, что из этого района известно очень мало материала, относящегося к бронзовому веку. Он представляет, главным образом, керамикой с дюнных стоянок.

Клад состоял из бронзовых орудий труда, частей упряжи и нескольких обломков изделий — всего из 39 предметов. Музею было пе-

редано 34 предмета: 19 ножей, 4 кельта, 2 шила, 5 сбруйных принадлежностей, рукоятка кинжала, обломок литого бронзового котла, мотки проволоки, соединенные между собой, и обломок шила. Все вещи прекрасной сохранности, покрытые золотистой благородной патиной. Большая часть предметов не носит следов употребления. Самую многочисленную группу клада составляют пластинчатые ножи. Все они отлиты в разных формах, но многие из них имеют общие черты, отличаясь только размерами. Для удобства описания ножи объединяем в отдельные группы по сходным признакам.

1—3. Три одинаковых по размерам ножа с дугообразным обушком и кольцевым навершием. Острие клинка у всех оттянуто назад, образуя так называемый хвостик. У первых двух ножей сечение прямоугольное, у третьего оно треугольное. Клинок у всех трех заточен с од-

ной стороны. В двух случаях лезвие носит следы отбивки. Все три ножа отлиты в разных формах (рис. 1, 1—3).

4. Нож подобен предшествующим, но более массивный и отличается от них формой клинка, острие которого округлое, лезвие забито. Кольцо навершия овальное и плоское. С одной стороны рукояти у кольца имеется клепка (рис. 1, 4).

5. Нож дугообразнообушковый с кольцевым навершием. Кольцо не замкнуто, половинки его пригнуты к рукояти. Клинок длинный с округлым, слегка оттянутым назад острием. Лезвие со следами отбивки (рис. 1, 5).

6. Нож дугообразнообушковый, с кольцевым навершием, плоским в сечении. Лезвие клинка отбито, острие обломано.

7. Нож с сильно выгнутом обушком, коротким узким клинком и кольцевым навершием. Кольцо овальное, подтреугольного сечения, отделено от рукояти валиком и сдвинуто в сторону лезвия. Острие клинка обломано. Лезвие у ножа не отбивалось, не носит и следов сработанности.

8. Змейчатообушковый кольчатый нож. Кольцо навершия овальное, треугольное в сечении. Клинок в основании широкий, постепенно суживается к острию, конец обломан. Лезвие неоднократно отбивалось (рис. 1, 6).

9. Дугообразнообушковый длинный нож с узким тонким клинком. Навершие прямое, широкое, трапецевидной формы. Острие клинка оттянуто назад. У перехода клинка в рукоять лезвие сильно отбито (рис. 1, 7).

10. Дугообразнообушковый нож с тонким длинным клинком и плоским навершием. Рукоять слегка утолщена, постепенно сужается к навершию, которое выдается вперед своим внутренним краем. Клинок ножа четко отделен от рукояти уступчиком. Лезвие срезано и слегка отбито.

11. Дугообразнообушковый пятипетельный нож. Петли — 5 сквозных отверстий на рукояти, располагаются сверху вниз в один ряд, подтреугольной формы, вершинами обращены к клинку. Верхняя петля не замкнута, по-видимому, в результате литейного брака. Клинок длинный, основание его шире рукояти из-за неоднократной отбивки лезвия. Острие клинка слегка забито. Лезвие отбито с двух сторон (рис. 1, 8).

12. Два небольших ножа с дугообразно изогнутым обушком и трапецевидной, слегка расширяющейся кверху рукоятью. Клинки короткие, с округлыми остриями. Между собой ножи различаются изогнутостью обушков и размерами.

13. Нож, по форме подобный предшествующим. Имеет клинок с коротким острием и

длинную трапецевидную рукоять. Лезвие клинка слегка отбито.

14. Короткий нож с дугообразно-выгнутым обушком и коротким клинком. Лезвие его сильно отбито. Навершие ножа неровное, с выступами по краям. В результате литейного брака от кольца навершия получилось только основание в виде двух пеньков.

15. Нож такой же, как предыдущий, но с узким прямым клинком. Кольцо навершия отлито только с одной стороны и пригнуто к основанию, образуя небольшую петлю.

16. Нож с прямой желобчатой рукоятью и петельным навершием. Петля имеет литейный дефект. Обушок клинка дугообразный. Клинок сужается к середине, делая лезвие ножа вогнутым. Острие округлой формы. Лезвие ножа не отбивалось.

17. Фрагмент змейчатообушкового ножа с обломанным навершием и острием клинка. С внутренней стороны рукоять забита. С обеих сторон ее имеются широкие желобки, один из которых глубже.

Следующая группа орудий представлена четырьмя кельтами. Все они втульчатые, разных размеров и форм. Ни на одном из них нет орнаментальных поясков и ушек.

18. Самый крупный кельт — шестигранный в горизонтальном сечении, в верхней части почти четырехгранный. В вертикальном сечении этот кельт асимметричен. Лезвие скошено с одной стороны, как у долота. Переход широких плоскостей в боковые мягкий. Муфта узким валиком охватывает втулку с неровным наружным краем. Хорошо видны боковые литейные швы. На одной из боковых сторон кельта имеется отверстие, по-видимому, дефект литья. Лезвие его имеет округлую секирообразную форму. Следов употребления нет (рис. 2, 1).

19. Второй кельт меньших размеров, формой своей похож на первый. В горизонтальном сечении асимметричен, сильно деформирован. Лезвие кельта сильно смято, поверхность широких плоскостей покрыта глубокими вертикальными царапинами. На одной из плоскостей — глубокая трещина у лезвия. По краю втулки — два параллельных горизонтальных валика, концы которых на боковых литейных швах не совмещаются. Перпендикулярно к ним по центру широких плоскостей расположены два валика, по одному с каждой стороны. Один из них верхним своим концом пересекает горизонтальные валики.

Нижний конец его постепенно сходит на нет. На другой плоскости, наоборот, горизонтальные валики наложены на верхний конец вертикального валика, нижний конец которого опущен почти до лезвия. Лезвие секирообраз-

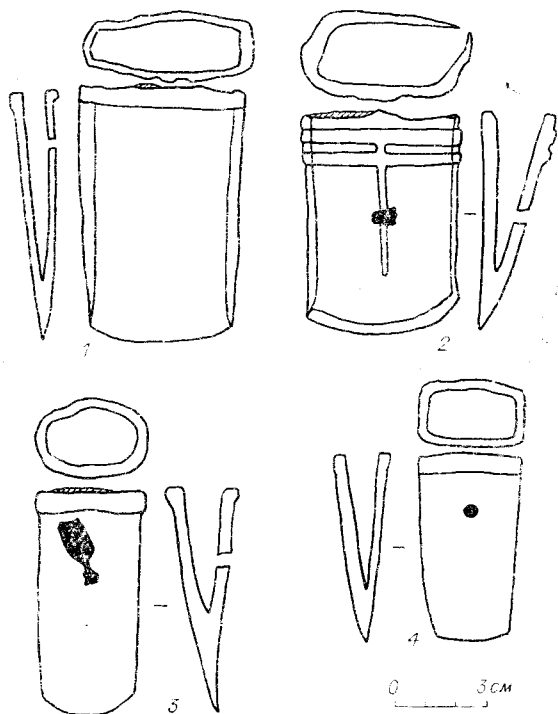

Рис. 2. Кельты-тесла.

ной формы заточено с одной стороны. Верхний край втулки кельта неровный, но заглажен, чего нельзя сказать о боковых литейных швах (рис. 2, 2).

20. Третий кельт малых размеров. Он округлый в горизонтальном сечении и асимметричен в вертикальном. Втулка охвачена узкой валикообразной муфтой. Литейные боковые швы хорошо заглажены. Край втулки неровный. На внешней широкой плоскости — большое бесформенное отверстие, видимо, дефект литья. Следов сработанности нет (рис. 2, 3).

21. Последний, четвертый кельт также малых размеров. В горизонтальном сечении прямоугольный, в вертикальном ассиметричен. Край втулки тщательно забиты. Узкая ленточная муфта слегка выдается над щечками. Лезвие округлое, скошенное, с узкой заточкой с одной стороны. Следов использования нет (рис. 2, 4).

К орудиям труда относятся и шилья. Их в кладе три — два целых и одно сломанное.

22. Первое — длинное, с четырехгранным острием, округлой шейкой и грибовидной головкой. Острие от шейки отделено треугольной петлей (рис. 3, 1).

23. Второе шило имеет четырехгранное острие, округлую шейку и наверху в виде вытянутого шарика. Петля, отделяющая острие от шейки, прямоугольной формы. Это шило меньше первого.

24. От третьего шила сохранилась только шейка округлой формы с грибовидной шляпкой. Петля смята. Размерами это шило, по-видимому, такое же, как первое.

Следующая группа вещей представлена отдельными частями сбруй.

25. Первая бляшка-обоймочка — четырехгранной формы с пятью отверстиями в плоскостях. Шестая плоскость сферической формы.

26. Вторая бляшка-обоймочка четырехгранная, с круглыми отверстиями во всех плоскостях. Вокруг одного из них имеется реберчатый пояс в виде розетки.

27. Широкое бронзовое литое кольцо с «подставкой». Поверхность кольца тщательно отшлифована, в то время как внутренняя часть его после литья обработке не подвергалась.

28. Крупная бронзовая бляха с выпуклой внешней поверхностью имеет форму неправильного круга (диаметр $9,3 \times 8,7$ см). На внутренней стороне ее, в центре, прямоугольная петля. Выпуклая поверхность бляхи тщательно отполирована и покрыта неровной патицей (рис. 3, 2).

29. Литой кружок с отверстием в центре. Из-за дефекта литья отверстие не круглое и напоминает по форме замочную скважину. По краю отверстия — невысокий бортик. Поверхность кружка тщательно отполирована (рис. 3, 3).

30. Шесть моточков проволоки разного диаметра, соединенные между собой. К центральному мотку из 2,5 витков присоединены три мотка: один в 2,5 витка, второй — в 3, третий в 2 витка, к последнему, в свою очередь, прикреплен моток из двух витков, соединенных небольшим колечком.

Кроме описанных вещей, в кладе имеется обломок стенки литого бронзового котла и ручка бронзового кнжжала.

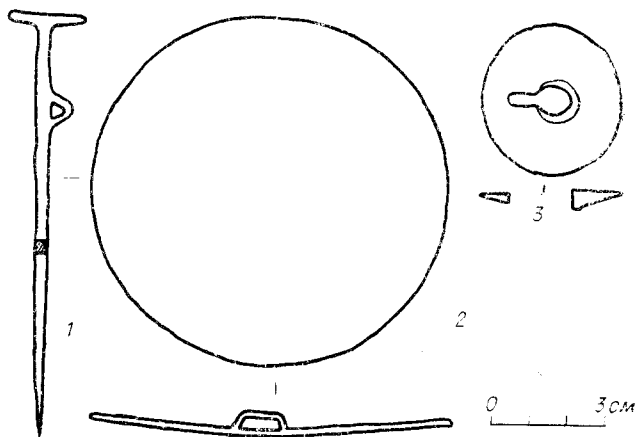

Рис. 3. Бляшки от сбруй и шило.

31. Обломок стенки котла довольно массивный. На внешней стороне его — узкий валик, опоясывающий, по-видимому, весь котел. Наружная поверхность обломка неровная, черного цвета. Внутренняя хорошо отшлифованная сторона покрыта зеленоватой патиной. Край обломка неровные, рваные.

32. Рукоять кинжала в горизонтальном сечении овальной формы. Навершие, в виде овальной муфты, охватывает полую рукоять. Стороны муфты соединены узкой тонкой перемычкой. Литейные швы сохранились только в основании муфты. Внутри сохранилась формовочная земля, которая заполняет рукоять до середины.

Как видно из описания, клад многообразен по составу, в него входят почти все виды бронзового инвентаря. Ценность его также в том, что он состоит не только из отдельных вещей, но и небольших серий идентичных вещей: ножей с дугообразными обухами и кольчатыми навершиями, змейчатообушковых ножей, кельтов-тесел, шилев, сбруйных бляшек-обоймочек.

Естественно, возникает вопрос: оставлен ли клад современником всех этих орудий или это более позднее собрание отдельных случайных вещей. Решить его может только датировка каждого предмета, входящего в клад. Но уже то, что в кладе имеются группы идентичных вещей, говорит, пожалуй, об их одновременности. Кроме того, наличие в кладе обломков — таких, как кусок от бронзового котла, рукоять кинжала с сохранившейся в ней формовочной землей, кусочки от ножей, которые не могут быть использованы по прямому своему назначению, — наводит на мысль, что клад принадлежал древнему литейщику. В противном случае трудно объяснить подобный состав клада. Если и другая версия происхождения клада: это могли быть потраченные из древних могил вещи. Возможно, есть и объяснение тот факт, что все вещи в кладе, при своей идентичности, имеют в разных формах, что часть из них имеет следы употребления, в то время, как у других вещи целы.

Ввиду для датировки клада необходимо выяснения вопроса о существовании соответствующих этому времени хронологических и равнообразных в клате явлений. Как отмечалось выше, их наблюдается много обречено, и в первую очередь то, что все они идентичны, с треугольным основанием клинка, без орнамента. Большинство вещей имеет сильно изогнутый обухом, выделание этого лезвия у них — почти дугообразной формы. У пяти экземпляров острия клинка оттянуты назад, лезвия отделены от рукояти небольшим уступом, в результате чего они несколько расширены в этом

месте. Данные черты характерны для бронзовых ножей карасукско-тагарского типа в Забайкалье⁴ и Монголии⁵. Различие форм ножей и, главным образом, их клинков можно, по-видимому, объяснить утилитарным назначением. Н. Н. Диков, описывая небольшие дугообразные и волнутообушковые ножи с коротким и косо-срезанным лезвием, указывает на их сходство с пожами сапожников и предполагает, что они служили для раскройки кожи⁶. Вероятно, форма клинка и его длина зависели от того, для какой цели предназначалось орудие труда. Таким образом, ножи клада датируются карасукско-тагарским периодом.

Все четыре кельта из клада отличаются прекрасным исполнением, говорящим о великодушном мастерстве литейщика. Относятся находки к типу кельтов-тесел разной величины и формы — они клиновидной формы и ассиметричны в сечении, с выпуклой муфточкой по втулке. Подобные кельты-тесла Минусинской котловины М. П. Грязнов датирует карасукским временем и считает их наиболее древними, выделяя их в шестой тип⁷. Бронзовые кельты из других мест Забайкалья, датируемые карасукско-тагарским временем, имеют много сходных черт с кельтами из клада, но у них отсутствуют петельки и орнамент⁸. У кельтов из нашего клада отсутствуют петельки. Подобного типа бронзовые кельты впервые найдены в Забайкалье.

В коллекциях забайкальских музеев бронзовые шилевы представлены двумя типами: с обоюдоострыми концами и с навершием в виде шпильки. Шилевы из клада отличаются тем, что у них квадратная рукоять и треугольная петелька находилась не под шпилькой, а у основания рукояти. Датируются подобного типа шилевы концом карасукского периода и началом тагарского. Если же временем можно датировать крупную бронзовую бляшку (рис. 3, 3). Ее можно было бы приписать к зеркалам, если бы выпуклая ее поверхность не была бы выпуклой. Две стороны зеркала напоминают зеркало из района Забайкалья⁹.

⁴ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья, с. 50—51; Грязнов М. П. Бронзовый и ранний железный века восточного Забайкалья, с. 84—85.

⁵ Грязнов М. П. Ножи карасукского времени из Монголии и Южной Сибири. — 3 кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 42—43; Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 13, рис. 3, 23, 31, 33.

⁶ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья, с. 50.

⁷ Грязнов М. П. Древняя бронза Минусинских степей. — Труды Отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа, Л., 1941, вып. 1, с. 260.

⁸ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья, с. 84, табл. XXX.

⁹ Там же, табл. IX.

ПОГРЕБЕНИЯ С БРОНЗОВЫМ ИНВЕНТАРЕМ НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ

В 1976 г. Северо-байкальским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского госуниверситета в бухте Курла проводились исследования новых пунктов, открытых в 1975 г. Работы носили аварийно-спасательный характер. Были раскопаны разрушаемые памятники Курла I—III и вскрыты три полуразрушенные погребения с бронзовым инвентарем¹. Погребения обнаружены на береговом уступе высотой 6—7 м от современного уровня Байкала: первое — в 970 м к юго-западу от устья ручья Курла (непосредственно в сетке раскопа стоянки Курла II), второе — в 950 м и третье в 940 м. Могильные ямы всех трех погребений заложены из красно-коричневых супесей, подстилающих современную почву и проникают в нижележащую толщу щебня. Глубина ям не превышает 0,5—0,6 м от дневной поверхности. Костяки погребенных сохранились частично, ориентированы на восток и северо-восток. Над погребениями зафиксированы остатки кладок из уплотненных валунов и глыб грубообломочного материала.

Погребение № 1 находилось под корнями упавшего дерева на краю обрыва. В силу этого ни формы кладки, ни формы могильной ямы определить не удалось. От костяка сохранились лишь отдельные кости конечностей. Судя по этим останкам, погребенный был ориентирован головой на восток. С правой стороны от погребенного прослеживается узкая полоса бересты, отдельные куски ее встречены и с левой стороны. Фрагментарность этих находок не позволяет говорить что-либо определенное о назначении бересты. При костяке найдено 6 изделий из бронзы. В области тазовых костей между костяком и полосой бересты лежал нож в кожаных ножнах, с остатками деревянной рукоятки. Острием нож направлен к голове. Левее найдено «зеркало» с остатками кожаного чехла. Край «зеркала» перекрыт лучевой костью. С левой стороны костяка, в области коленного сустава, лежал кельт, ориентированный лезвием вправо. Ближе к тазу найдено три пуговицы полусферической формы.

¹ Шмыгун Н. Е., Сизиков А. М. Работы на северном Байкале.— В кн.: Археологические открытия 1976 г. М., 1977, с. 254—255. Впервые остатки древней культуры бронзового и железного веков были обнаружены здесь в 1965 г. См.: Свирид В. В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963 и 1965 гг.— В кн.: Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. Иркутск, 1966, с. 50—69.

Погребение № 2 было зафиксировано в 20 м к северо-востоку от погребения № 1 по наличию остатков кладки и зеленых окислов меди в обнажении берега. Погребение оказалось сильно разрушенным. От кладки, сложенной глыбами грубообломочного материала, сохранилась незначительная часть. Невыразителен и разрез могильной ямы. В этом погребении, как и в первом, сохранились лишь отдельные кости конечностей. Сопровождающий бронзовый инвентарь сконцентрирован в области таза. С правой стороны, между локтевым и бедренным суставами, острием к голове, лежал кинжал с незначительными остатками кожаных ножен. Левее кинжала, почти касаясь его перекрестия, в остатках кожаного чехла лежало «зеркало» с гравировкой. Как и в погребении № 1, «зеркало» лежало около правой лучевой кости, лицевой стороной вниз. Выше «зеркала», на уровне острия кинжала, найдено 4 фигурных бляшки.

Погребение № 3 зафиксировано в 30 м к северо-востоку от погребения № 1. Здесь удалось установить форму кладки и разрез могильной ямы. Кладка подпрямоугольной формы, выложена глыбами грубообломочного материала и уплотненными валунами. Могильная яма в поперечном разрезе полукруглая. В верхней части кладка заполняет всю яму, книзу она сужается и сконцентрирована на костяке, смещенном к правой стороне ямы (рис. 1). Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на восток, кисти рук сложены на таз, ступни ног вывернуты носками друг к другу (рис. 2). Сохранность костей плохая: все ребра и таз раздроблены, нижняя часть грудной клетки отсутствует. От черепа сохранилась лишь нижняя челюсть. Погребение сопровож-

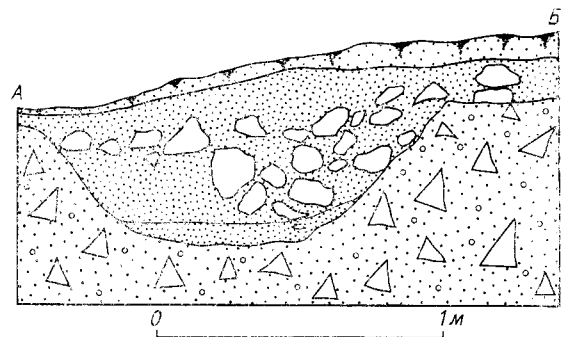

Рис. 1. Погребение № 3. Разрез могильной ямы.

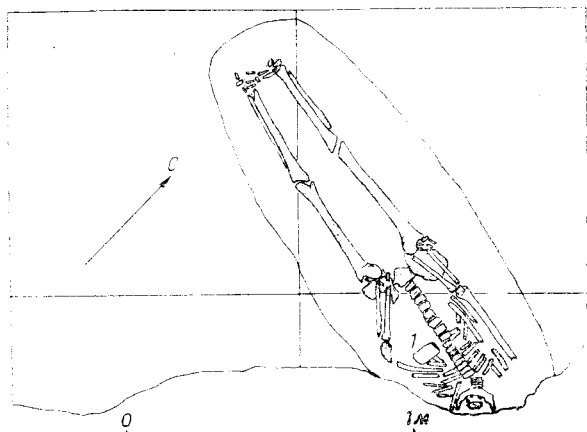

Рис. 2. План погребения № 3.

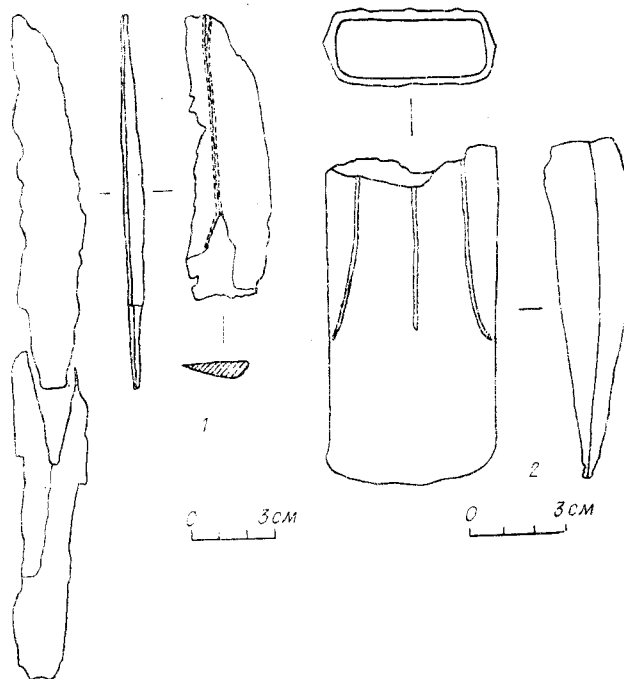

Рис. 4. Находки из погребения № 1.
1 — нож; 2 — кельт.

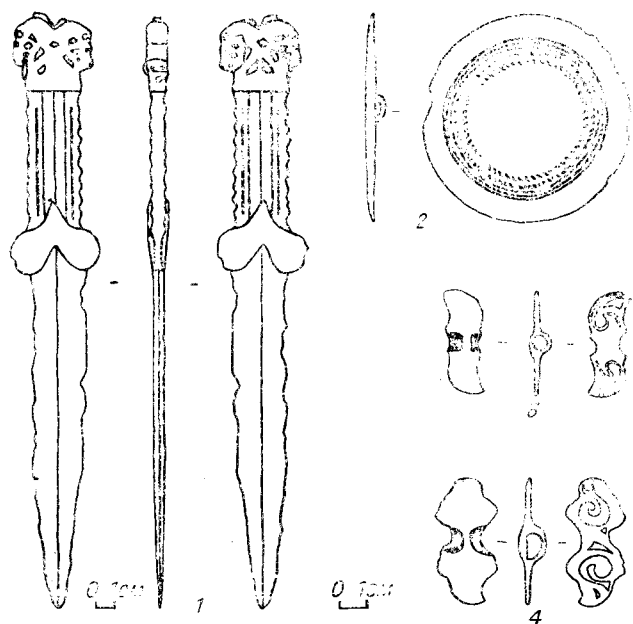

Рис. 3. Находки из погребения № 2.
1 — кинжал; 2 — «зеркало» с гравировкой; 3, 4 — фигурные
бляшки.

далось только одним изделием из бронзы — кельтом, лежавшим на левой стороне грудной клетки, острием вправо от костяка.

В исследованных погребениях сопровождающий металлический инвентарь представлен только бронзовыми изделиями.

Кинжал ромбовидного сечения с наборной рукоятью, состоящий из четырех деталей: «бабочковидного» перекрестия, двух боковых обкладок, с 8 поперечными валиками каждая, и навершия в виде двух стилизованных голов животных. Глаза и пасти животных изображены сквозными отверстиями, ноздри выполнены небольшими углублениями с боковых сторон

навершия. В пасти одной из голов сохранился остаток узкого кожаного ремешка (рис. 3). Перекрестие кинжала покрывали остатки кожаных ножен.

Нож с частично сохранившейся деревянной рукоятью находился в ножнах. Клинок слегка изогнутой формы, плоский с одной стороны, с горбиком по обушку. Лезвие и насад разделяет небольшой уступ. Насад короткий, составляющий четверть длины рукояти, удлиненной трапециевидной формы. Ножны кожаные, в берестяной обкладке (рис. 4).

Кельты по форме однотипные (рис. 4), в горизонтальном сечении — прямоугольные, в вертикальном — клинообразные, асимметричные; орнаментированы с двух сторон тремя продольными валиками в виде лучей, расходящихся до середины кельта. Верхние части кельтов обломаны. На боковых гранях отчетливо видны литейные швы. Во втулках обоих кельтов сохранились остатки древесины.

«Зеркало» из погребения № 1 со слегка вогнутым центром загнуто к оборотной стороне краями (рис. 5, 4). «Зеркало» из погребения № 2 — слегка выпуклое, в два раза тоньше, чем первое, имеет толщину края 1 мм. На лицевой стороне этого «зеркала» выполнен орнамент в виде пяти концентрических кругов, начинающихся в 7—9 мм от внешнего края. Три первых круга прочерчены сплошными линиями, два внутренних образованы рядами мелких насечек (рис. 3, 4). На оборотных сторонах

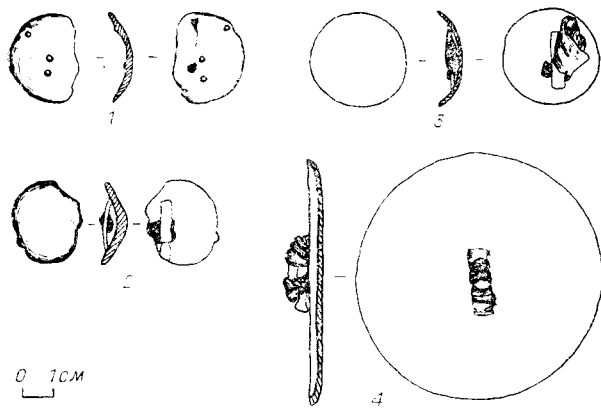

Рис. 5.

1—3 — бляшки; 4 — «зеркало» (погребение № 1).

«зеркал» в центре расположены плоские выгнутые полукругом дужки. Дужка первого «зеркала» обмотана 6 витками узкого (шириной 2,5 мм) кожаного ремешка. Диаметр «зеркала» — 75,5 и 79 мм.

Три пуговицы из погребения № 1, две из которых полусферической (рис. 5, 1, 3) и одна — конусовидной формы (рис. 5, 2), частично обломаны. С внутренней стороны их (рис. 5, 2, 3), на плоских слегка выгнутых дужках-петельках сохранились остатки кожаного ремешка.

Из четырех фигурных бляшек (рис. 3, 3) три по форме и орнаменту совершенно идентичны. Вид исследователей называют подобные изделия стилизованными изображением грифонов головы².

Кроме выше перечисленных изделий, в обвале барага, непосредственно под скелетным находок в погребении № 2, было найдено еще два предмета: обломок «зеркала» с загнутым к оборотной стороне краем, подобно «зеркалу» из погребения № 1, и фигурная бляшка, аналогичная четвертой бляшке из погребения (рис. 3, 4).

Характеризуя бронзовый инвентарь погребений, следует отметить, что подобные изделия встречаются довольно широко. Неорнаментированные «зеркала» диаметром 5—8 см часто встречаются в надземном материале и в татарских погребениях Южной Сибири и датируются Н. Л. Членовой V в. до н. э.³ Значительная коллекция подобных «зеркал» найдена А. И. Мартыновым в Некрасовом могильнике,

² Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Удэр, 1967, с. 65, 134; Плещева Л. М. Предметы звериного стиля в среднем Приобье. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1973, с. 236, 238, рис. 5, 6, 8.

³ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 82.

который датируется им III—II вв. до н. э.⁴ Там же обнаружено два орнаментированных «зеркала», близких северобайкальским⁵. Кроме того, аналогии орнаментированному «зеркалу» мы находим в Приобье (Степановка, Заречная Горка⁶). Фигурные бляшки (грифоны головы) имеют аналогии в Забайкалье, Монголии, Минусинской котловине, на Алтае, в Туве, Приобье и датируются исследователями VI—III вв. до н. э.⁷ Кинжалы с «бабочковидным» перекрестием появляются в VII в. до н. э.⁸ Кинжалы с таким перекрестием и рубчатой ручкой в курганах Тувы датируются V—IV вв. до н. э.⁹ Топоры, близкие по форме и орнаментации северобайкальским, известны в Верхнеметляевском кладе, который синхронизируется с плиточными могилами Забайкалья и датируется серединой I тыс. до н. э.¹⁰ Исходя из вышесказанного, мы склонны датировать материал описываемых погребений также серединой или второй половиной I тыс. до н. э.

Бронзовый инвентарь рассматриваемых погребений несет в себе черты скифо-сибирского стиля, проявляющегося не только в типологическом, но и в металлургическом отношении.

Исследованные методом полного спектрального анализа металлические изделия (15 экз.) оказались выполненными из разных сплавов (см. таблицу). Кинжал изготовлен из мышьяково-оловянно-свинцовистой бронзы с содержанием мышьяка 4,35%, олова — 2,35%, свинца — 1,1%. По сравнению с подобной рецептурой сплава забайкальского металла в кинжале преобладает примесь мышьяка, а не олова. Пять бляшек (рис. 5, 1, 3; рис. 3, 3) отлиты из четырехкомпонентной бронзы (Sn — As — Pb — Sb). Искусственный характер введения олова, мышьяка, свинца не вызывает сомнения. Содержание олова колеблется в пределах 4,8—10,0%, мышьяка — 1,2—2,45, свинца — 2,5—10,0%. Примесь сурьмы в количестве 0,4—0,5% сравнительно незначительна, но

⁴ Мартынов А. И. Материалы раскопок тагарских курганов у села Некрасово. — Изв. ИАи археол. наслед. Новосибирска, 1973, вып. 6, с. 172, 273.

⁵ Мартынов А. И. Материалы раскопок тагарских курганов в селе Некрасово, с. 269.

⁶ Плещева Л. М. Томское Приобье в начале VIII—III вв. до н. э. Томск, 1977, рис. 28, 29, 31, 34; рис. 30, 32—25.

⁷ Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии, с. 134; Плещева Л. М. Предметы звериного стиля в среднем Приобье, с. 240; Она же. Томское Приобье, с. 41, 78; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, табл. 46, 51.

⁸ Киселев С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951, с. 25—26.

⁹ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, с. 252.

¹⁰ Максименков Г. А. Верхне-Метляевский клад. Иркутск, 1960, с. 10, 11, 13.

Результаты полного спектрального анализа бронзовых изделий из погребений в бухте Курла (северное побережье оз. Байкал)

Предмет	Место находки	Химический элемент, %										
		Sn	As	Sb	Pb	Bi	Ni	Co	Ag	Au	Fe	
Клинок	Погр. 2	2,30	4,35	0,067	4,40	0,079	0,014	0,018	> 0,030	0,00090	0,083	
Зеркало с гравировкой	Погр. 2	0,011	3,0	0,21	0,46	0,16	0,0056	0,010	0,030	0,00020	0,20	
Зеркало	Погр. 1	0,0058	5,40	0,12	0,12	0,14	0,020	0,0065	> 0,030	0,0035	0,31	
Нож	»	0,31	4,80	0,44	0,26	0,26	0,017	0,0027	0,030	0,0034	0,13	
Обломок зеркала	Погр. 2	0,0080	40,0	0,47	4,20	> 2,0	0,011	0,019	> 0,030	0,0020	0,18	
Бляшка	»	5,0	0,27	0,43	> 5,0	0,063	0,010	0,019	> 0,030	0,0060	0,037	
Бляшка	»	3,45	4,20	0,57	3,20	0,10	0,018	0,043	0,018	0,0040	< 0,0030	
Бляшка	»	> 5,0	2,10	0,22	> 5,0	0,094	0,010	0,0034	0,021	0,00020	0,028	
Бляшка	»	4,80	2,00	2,0	(до 10,0)	0,43	0,017	0,0016	0,0046	0,00020	0,020	
Кельт	Погр. 1	0,010	4,00	1,30	0,26	0,65	0,033	0,0014	> 0,030	0,0054	0,25	
Кельт	Погр. 3	0,048	2,60	0,51	0,57	0,24	0,033	< 0,0010	> 0,030	0,0048	0,042	
Пластинка	»	0,0063	1,40	0,22	0,20	0,12	0,0089	—	> 0,030	0,0045	0,053	
Пуговица	Погр. 1	> 10,0	2,45	0,54	> 10,0	0,050	0,033	0,018	> 0,030	0,0027	0,10	
Пуговица	»	> 10,0	1,20	0,40	> 10,0	0,047	0,020	0,010	0,030	0,0013	0,048	
Пуговица	»	0,012	1,90	0,40	0,080	0,054	0,032	0,00035	0,029	0,0019	0,027	

технологически весьма оправдана, так как увеличивает твердость меди, не уменьшая при этом ковкости и вязкости металла.

Описываемые бляшки имеют аналогии в гуннских украшениях из Забайкалья как в металлургическом, так и в типологическом отношении. Подобные сплавы сложной металлургической рецептуры распространяются в Забайкалье в VII—II вв. до н. э. и пока неизвестны в Предбайкалье¹¹.

Бляшка (рис. 3, 4) изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы (Sn — 5%, Pb > 5%), рецептура которой появляется в Забайкалье еще в карасукско-шиверское время (X—VIII вв. до н. э.) и широко используется в гуннских украшениях. Из мышьяковистой бронзы с содержанием мышьяка 1,9—5,4% выполнены нож (рис. 4), зеркало (рис. 5, 4) и бляшка (рис. 5, 2). Кельты (рис. 4) и зеркало (рис. 3, 2) отлиты из мышьяково-свинцово-сурьмянистого сплава. Свинец и сурьма содержатся в двух случаях в минимальных количествах (до 0,5%), поэтому сплавы этих изделий можно отнести к мышьяковистым бронзам. Мышьяковистые бронзы с довольно значительным содержанием мышьяка (5% и более) характерны для забайкальского металла, тогда как в Предбайкалье известна металлургическая рецептура с низким, стабильным содержанием мышьяка в пределах 1,0—1,5%¹².

Итак, привлекая для сравнения химико-металлургическую характеристику металла предбайкальского и забайкальского регионов, имеющуюся в нашем распоряжении, можно сказать, что материал исследуемого памятника более тяготеет к забайкальским типам сплавов. И это не случайно: распространение металлургических идей в таежной полосе Восточной Сибири, несомненно, связывается с направлением культурно-исторических связей сибирских племен¹³.

Примечательно также, что на всем побережье бухты Курла помимо погребений встречались отдельные местонахождения, представленные, в основном, фрагментами керамики. По форме — это простые закрытые сосуды, на поддонах. Керамика гладкостенная, венчик орнаментирован налепными валиками (числом от 2 до 5), которые деформированы либо пальцевыми зацепками, либо косыми вдавлениями.

¹¹ Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1977, с. 13.

¹² Там же, с. 9, 12.

¹³ Окладников А. П. Петроглифы Байкала. М., 1974, с. 104—102; Свинин В. В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 2. Иркутск, 1974, с. 16—17.

В верхней части венчика — по 1—2 ряда либо выпуклых «горошин», либо ямочек-вдавлений.

В. В. Свинин зарегистрировал находки подобной керамики, кроме бухты Курла, в 40 пунктах на побережье озера Байкал, а также в других районах Предбайкалья и Забайкалья. По его данным, она синхронна керамике из плиточных могил Забайкалья и Монголии и датируется второй половиной I тыс. до н. э.¹⁴

¹⁴ Свинин В. В. Археологические исследования..., с. 59, 60, 67; Он же. Периодизация археологических памятников Байкала.— Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. об-ва СССР, 1976, т. 69, с. 174, 175.

А. В. ТИВАНЕНКО

О ДАТИРОВКЕ «СЕЛЕНГИНСКИХ» ПЕТРОГЛИФОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Датировка писаниц, в частности забайкальских,— многосложный и мало разработанный процесс. Можно сказать, что путь к изучению содержания петроглифов тем легче, чем точнее решена их хронологическая привязка и принадлежность к той или иной культуре прошлого.

Проблема датировки «селенгинских» петроглифов имеет свою, хотя и очень краткую, историю. Э. Р. Рыгдылон и Г. П. Сергеев искали руководящую нить для датировки этих писаниц в их топографической связи с древними захоронениями. Поиски этих исследователей привели к совершенно разным выводам. По данным Э. Р. Рыгдылона, «селенгинские» петроглифы «относятся ко времени позднечувствительных могил и захоронений в расщелинах скал» или, точнее, к XVII—XVIII вв. Г. П. Сергеев сближал «селенгинские» писаницы по времени с плиточными могилами, хотя для этого у него было очень слабое основание: находка в одной из плиточных могил кусочка красной охры, такого же по цвету, как и на Сотниковской писанице¹.

Специальная работа по затрагиваемому вопросу принадлежит А. П. Окладникову², который сопоставляет изображения людей и птиц на скалах, с одной стороны, на бронзовых ножах и оленных камнях — с другой. Как писал он позднее, «результатом такого сравнительного анализа был вывод, что по крайней мере основная масса рисунков, выполненных красной краской за Байкалом, принадлежит к тому времени, что и культура «плиточных могил»³.

¹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, Л., 1970, с. 78.

² Окладников А. П. О датировке забайкальских писаниц (в связи с работами Бурят-Монгольской археологической экспедиции).— Зап. Бурят-Монгольского науч.-исслед. ин-та культуры, Улан-Удэ, 1952, вып. 14.

³ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, с. 79.

Нами получены новые наблюдения о стратиграфических условиях залегания данной керамики в бухте Курла. Она фиксируется в средней части пачки красно-коричневых супесей, из которых заложены могильные ямы. Поэтому можно говорить об определенной синхронности керамических комплексов с обнаруженными нами грунтовыми погребениями. Такая возможность параллельного исследования погребений и поселений встречается на Байкале впервые. Поиски и дальнейшие исследования этих памятников на побережье Байкала чрезвычайно перспективны.

Позже к этому же мнению пришел и В. В. Волков⁴.

Н. Н. Диков посвятил петроглифам специальный раздел своей книги «Бронзовый век Забайкалья». В целом он поддерживает точку зрения А. П. Окладникова, допустив лишь одно сомнение, «которое открывает, по-видимому, еще одну возможность объяснения несходства забайкальских писаниц с оленными изображениями»⁵. Автор приходит к убеждению, что «вполне возможна датировка некоторых, наиболее ранних из этих писаниц карасукским временем», т. е. концом II — началом I тысячелетия до н. э.⁶

С выводами Н. Н. Дикова согласился и монгольский исследователь Д. Дорж⁷.

Работы Н. Н. Дикова и Д. Доржа позволили А. П. Окладникову вновь обратиться к вопросу датировки забайкальских писаниц и несколько удревить их. Учитывая факты, которыми оперировали предшествующие исследователи, А. П. Окладников пришел к выводу, что «писаницы селенгинской группы появляются в одно время с плиточными могилами Забайкалья и Монголии, по-видимому, еще во второй половине II тыс. до н. э., когда в широком употреблении были бронзовые кинжалы карасукского типа, которые продолжают бытовать в первой половине I тыс. до н. э., вплоть до гуннского времени...»⁸

⁴ Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 84.

⁵ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, с. 47.

⁶ Там же, с. 48.

⁷ Дорж Д. К истории изучения наскальных изображений Монголии.— В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 54.

⁸ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, с. 89.

Но вернемся к работе Н. Н. Дикова. «В заключение о писаницах надо сказать,— писал он,— что они еще очень мало известны, очень немногие из них опубликованы. Само собой разумеется, что накопление и публикация новых данных позволит еще раз пересмотреть и уточнить изложенную выше их датировку и классификацию. Однако бесспорным останется установленный А. П. Окладниковым факт глубокой древности писаниц, изображающих красной охрой птиц в полете, схематично трактованных лошадей, человеческие фигурки и точки, нередко связанные с изображениями оград, бесспорной останется принадлежность по крайней мере большинства их к бронзовому веку»⁹.

С выхода в свет монографии Н. Н. Дикова (1958 г.) прошло немногим более двадцати лет. Ученые-сибиреведы получили также двухтомное собрание петроглифов Забайкалья¹⁰. После этого фундаментального издания выявлены серии новых писаниц¹¹. Они показывают, что мир наскального искусства необычайно широк и многообразен. Однако, хотя факт принадлежности основной массы «селенгинских» петроглифов к эпохе бронзового века неоспорим, в хронологии их остается много неясного. Обратившись к этой проблеме, мы пришли к выводу, что можно несколько расширить тот круг сравнительного материала, на основании которого А. П. Окладников разработал датировку забайкальских писаниц. Бронзовые ножи, на которых были выгравированы схематические изображения птиц, людей и животных, и совпадение петроглифов с плиточными могилами по территориальному признаку оказались далеко не единственными аргументами для относительной датировки «селенгинских» писаниц. Впрочем, А. П. Окладников не настаивал на безоговорочном принятии его датировки.

Рассмотрим некоторые новые материалы в интересующем нас аспекте.

1. На петроглифах «селенгинской» группы среди комплекса солнечных символов имеется один, который кроме полого круга содержит четыре коротких отходящих луча и точку посередине. Совершенно идентичные солнечные символы имеются на бронзовых изделиях и каменных стелах Минусинской котловины, датированных окуневско-тагарскими стадиями эпохи бронзы. Именно Минусинскую котловину, кажется, можно считать крупным очагом, где развивалась традиция подобной трактовки солнечных символов. Другие сопредельные территории не дают таких аналогий.

⁹ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья, с. 49.
¹⁰ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. I и II.

¹¹ На сегодняшний день насчитывается более 100 новых петроглифов, которые готовятся к публикации.

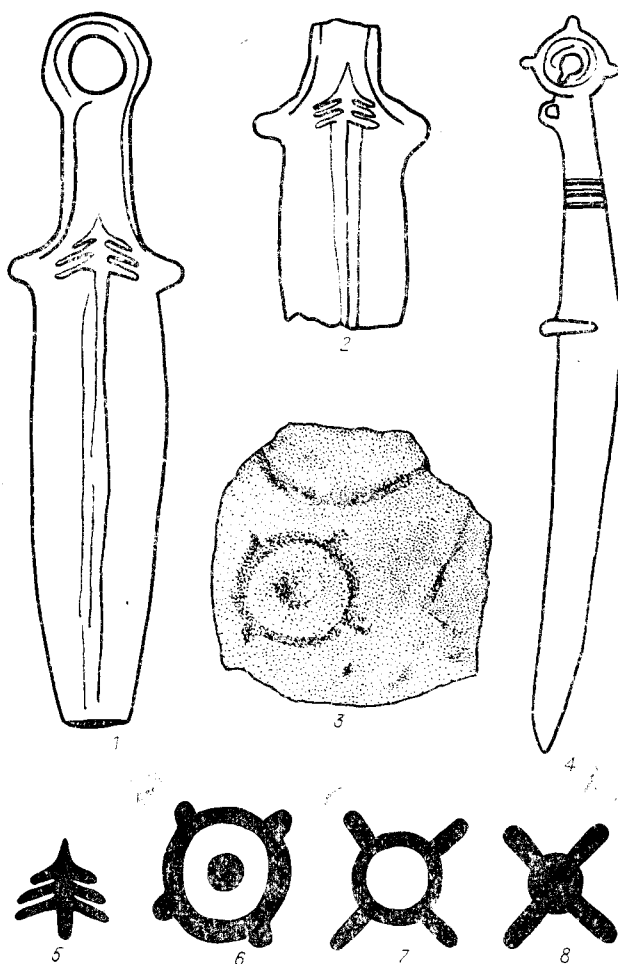

Рис. 1.

1, 2 — бронзовые кинжалы из Забайкалья (местонахождение неизвестно); 3 — фрагмент керамики из Тункинской котловины; 4 — бронзовый нож из Усть-Тулутая (Восточное Забайкалье); 5—8 — изображения на скалах Забайкалья.

Между тем и в самом Забайкалье можно найти ряд примеров, которые можно сопоставлять с изображениями на местных писаницах, не обращаясь к сравнительному материалу отдаленного Минусинского региона. Прежде всего укажем на бронзовый нож с «солнечным» навершием, найденный в Восточном Забайкалье вблизи Усть-Тулутая¹² (рис. 1, 4). Затем следует указать на фрагмент керамики с аналогичным изображением, обнаруженный П. П. Хороших на донных стоянках Тункинской котловины¹³ (Нюрюхайские пески; рис. 1, 3). Подобные «солнечные» знаки найдены нами среди наскальных рисунков новых петроглифов

¹² Гриппин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975, с. 130, табл. XX, 8.

¹³ Устное сообщение и фото П. П. Хороших.

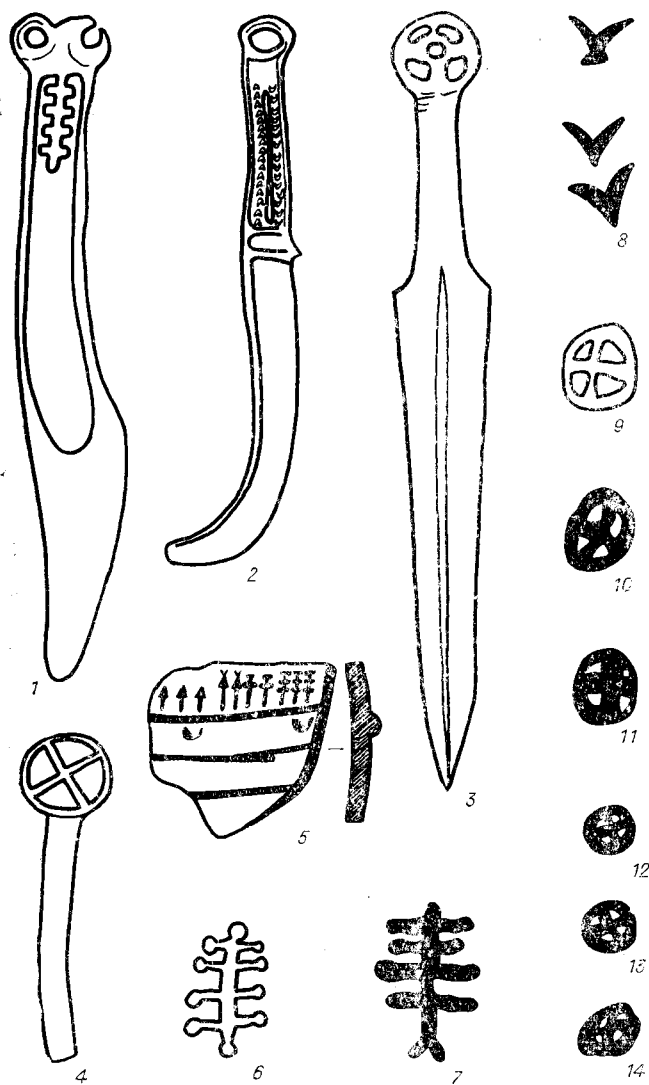

Рис. 2.

1 — бронзовый нож из Нерчинска; 2 — бронзовый нож из Дурен (Западное Забайкалье); 3 — бронзовый нож из Забайкалья; 4 — бронзовый нож из с. Луговское (Минусинская котловина); 5 — фрагмент керамики из Восточной Монголии; 6 — выбитое изображение на скале (Тува); 7—8 — изображения на скалах Забайкалья; 9 — выбитые изображения из «кяхтинской» группы петроглифов; 10—14 — изображения на «селенгинских» петроглифах.

Омулевка, Кибалино (пункт IV; рис. 1, 5—7). Упрощенными вариантами этого знака мы считаем серию так называемых «андреевских» (по А. П. Окладникову и В. Д. Запорожской) косых крестов, часто встречающихся на петроглифах «селенгинской» группы.

2. Следующая сравнительная деталь — это «елочкообразный» рисунок, широко известный на петроглифах Забайкалья (рис. 1, 5), и изображения на бронзовых кинжалах (рис. 1, 1, 2), также происходящих из Забайкалья (местонахождение неизвестно)¹⁴.

¹⁴ Диков Н. Н. Петроглифы Забайкалья, табл. XXVI, 27.

3. Другой вариант «елочкообразного» рисунка на петроглифах, при котором концы «ветвей» направлены не по наклонной вниз, а совершенно перпендикулярны «стволу», известен на рукояти бронзового ножа, найденного вблизи Нерчинска (рис. 2, 1)¹⁵ и на фрагменте керамики бронзового века из районов Восточной Монголии (рис. 2, 5)¹⁶.

4. Фрагменты керамики, обнаруженные Д. Навааном в Восточной Монголии (6 экз), представляют исключительный интерес (рис. 3, 1). Нетрудно заметить полную идентичность знаков, нанесенных на венчиках глиняных сосудов эпохи бронзы, с теми, что известны в композициях «селенгинской» группы изображений. Это в полной мере относится к некоторым разновидностям «стрелообразных», «грибообразных», «крестообразных», «елочкообразных» и других знаков (рис. 3, 2, 3).

5. Обнаружена аналогия новой форме птиц. На петроглифах Забайкалья нами отмечена новая манера изображения птиц — в фас, но не с распластанными крыльями, как у основной массы подобных рисунков (рис. 2, 8). Длинная вереница таких птиц имеется на рукояти бронзового ножа из Дурен¹⁷ (рис. 2, 2).

6. Интересный и очень ценный материал для датировки дает вновь открытая Бичурская писаница. Два рисунка, выполненные красной охрой, почти полностью аналогичны выбитым изображениям на могиле Хонгор-Батора и на плиточной могиле в Ульбе II. Первый рисунок изображает сосуд, явно напоминающий трипод (рис. 4). Второй рисунок не менее четко передает форму бронзового кинжала, на вершине которого изображает козла с крутыми, закинутыми назад рогами и подогнутыми к брюху ногами. От выбитого изображения в Ульбе II его отличает только то, что «бичурский» козел повернут направо, а «ульбинский» — налево (рис. 5).

Аналогии кинжалам с наконечниками в виде козлов со всеми микродетальными мы нашли на бронзовых изделиях тагарской эпохи из Минусинской котловины. Это боевой значок и клевец (рис. 5, 3, 4)¹⁸.

7. Солнечные символы в виде перекрещивающегося крест-накрест круга. Они найдены на петроглифах Баян-Далгыр, Бага-Байца, Шулу-тай, Селендума и в других местах Забайкалья (рис. 2, 9—14). Аналогичные знаки имеются на наконечнике бронзового кинжала тагарской эпохи

¹⁵ Там же.

¹⁶ Наваан Д. Керамика из плиточных могил на р. Онон. — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. с. 111, рис. 1; с. 112, рис. 3.

¹⁷ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья, табл. XXIV, 5.

¹⁸ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

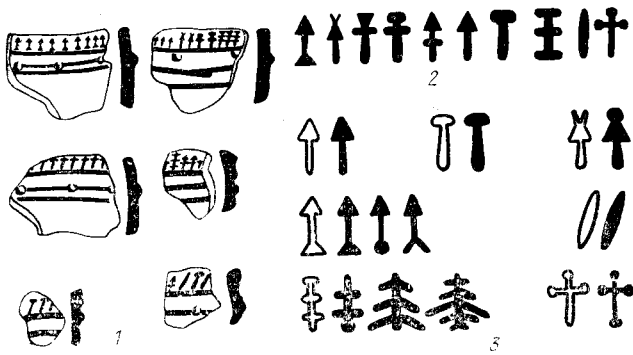

Рис. 3.

1 — керамика из Восточной Монголии; 2 — комплекс знаков на керамике из Восточной Монголии; 3 — аналогии к некоторым знакам на петроглифах Забайкалья (белые — изображения на керамике из Восточной Монголии, черные — изображения на скалах Забайкалья).

Рис. 4.

1 — изображение трипода на Бичурской писанице (Западное Забайкалье); 2 — изображение трипода на могиле Хонгор-Батора (Западное Забайкалье); 3 — общая конфигурация сосуда-трипода.

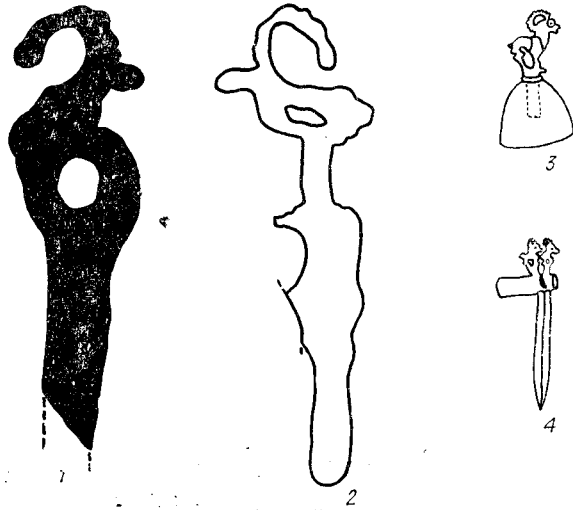

Рис. 5.

1 — изображение навершия кинжала на Бичурской писанице (Западное Забайкалье); 2 — изображение навершия кинжала на могиле Ульба II (Восточное Забайкалье); 3, 4 — бронзовый значок и вклевец тагарской эпохи из Минусинской котловины.

и на ноже из района села Лугавское (Минусинская котловина) (рис. 2, 3, 4)¹⁹.

¹⁹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, с. 141.

Очень важно для датировки красочных рисунков Забайкалья сопоставление некоторых сюжетных деталей с писаницами более позднего времени, датируемых А. П. Окладниковым первыми веками нашей эры — писаницами так называемой «кяхтинской» группы. Дело в том, что А. П. Окладников подчеркивает существенные различия между «селенгинскими» и «кяхтинскими» писаницами как по содержанию, так и по представленным в них сюжетам и образам. Он отмечает, что в репертуаре кяхтинских писаниц полностью отсутствуют самые характерные, специфические для селенгинских писаниц сюжеты.

Насколько верен этот тезис, рассмотрим на примерах, следуя той последовательности, в какой анализирует автор «кяхтинскую» группу петроглифов.

Культ плодородия. А. П. Окладников подчеркивает, что поскольку в «кяхтинской» группе изображений все ориентировано на мир животных, причем, конкретно на диких животных, в них речь идет не о плодородии вообще, а именно о плодородии зверей. Носителями этой идеи являются парные изображения зверей — самца и самки, стоящих непосредственно друг над другом. Имеются композиции, где самец и самка находятся в состоянии спаривания. Животные чисто степные: куланы, лошади, козлы и т. д. Именно это, по А. П. Окладникову, сближает рисунки с миром южных районов степного пояса Евразии и резко отличает от «селенгинской» группы изображений, не носящих подобной идеи.

Однако внимательный анализ огромной массы сюжетов «селенгинской» группы изображений дает нам, по сути дела, совершенно аналогичные композиции. Фигурки самца и самки, находящиеся в состоянии спаривания, отмечены нами как среди опубликованных А. П. Окладниковым материалов, так и на новых петроглифах. Следует при этом отметить, что в сценах спаривания находятся одни и те же животные — куланы, лошади, козлы, бараны.

Такие сцены имеются на могиле Хонгор-Батора, на петроглифах Хэлтэгэй-Байца, Бичура Нарип-Хундуй, Поворот, Онохой, Банн-Хара, Хотогой-Хабсагай, Шулутай, Омудевка, Городовой Утес, Югово, Курба и во многих других местах. Имеются они и на территории Монголии (рис. 6, 2—13). В качестве аналогий к ним мы даем наиболее распространенную композицию в «кяхтинской» группе петроглифов — рисунок самца и самки на писанице «Заря» (рис. 6, 1).

Изображения людей. В тесном единстве с культом плодородия животных находится и идея человеческого плодородия. Этот культ, как показал на многочисленных примерах А. П. Ок-

Рис. 6. Культ плодородия животных на «кяхтинских» петроглифах.

1 — аналогии из материалов некоторых «селенгинских» петроглифов Забайкалья и Монголии; 2 — выбитые изображения на могиле Хонгор-Батора; 3 — изображения на Хэлтэгей-Байца; 4 — изображение на Вичурской писанице; 5 — то же, Нарин-Хундук; 6 — Поворот; 7 — Онохой; 8 — Баша-Хара; 9 — Хотогой-Хабсагай; 10 — Шулутай; 11 — Югово; 12 — Курба; 13 — Хачурт (МНР).

ладников, имел широкое распространение еще в эпоху «селенгинских» петроглифов и находит дальнейшее продолжение в «кяхтинских» писаницах, откуда отголоски этого представления дошли до наших дней в мифологии центральноазиатских народов (образ бога-оплодотворителя, «Ярилы Центральной Азии»). Символом этого бога на «кяхтинских» петроглифах А. П. Окладников считает фаллические изображения человечков.

Это его мнение, казалось бы, несколько расходится с той принципиальной оценкой, согласно которой «кяхтинские» и «селенгинские» петроглифы считаются чуждыми друг другу по содержанию и стилю.

Однако новые факты подтверждают справедливость утверждений А. П. Окладникова о близости этих петроглифов. Известно, что фалличес-

ские человечки отнюдь не являются преобладающим сюжетом «кяхтинской» группы изображений, равно как и вообще изображения людей. Из 445 учтенных сюжетов в 7 пунктах обнаружено всего 9 фигур, между тем как в 160 местонахождениях «селенгинской» группы их учтено более 1000. Среди этой огромной массы, пожалуй, четвертая часть принадлежит фаллическим фигурам. Причем есть и такие, которые сходны с «кяхтинскими» по основным признакам (рис. 7).

Такое явное преобладание фигур человечков на «селенгинских» петроглифах и почти полное тождество с немногочисленными рисунками «кяхтинской» группы писаницы определенно свидетельствует о том, что истоки рождения последних и дальнейшая их трансформация в искусстве племен эпохи раннего железа идут из искусства бронзового века Забайкалья и Монголии.

Культ солнца. Отмечая широкое распространение образа солнца у народов Евразии, прежде всего Скандинавии, Центральной и Северной Азии, А. П. Окладников считает, что солнечные знаки в виде круга, разделенного на четыре, восемь и более частей появились достаточно поздно и связаны с изобретением колеса

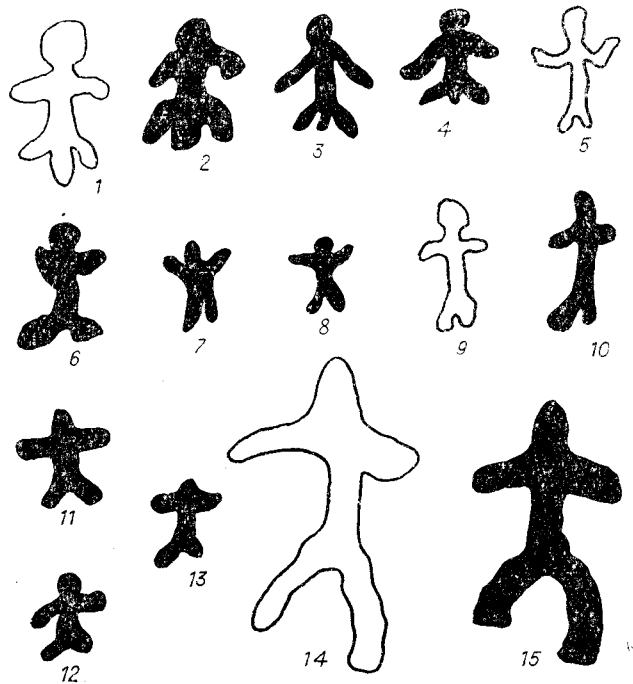

Рис. 7. Изображения людей на «кяхтинской» группе петроглифов (1, 5, 9 — Субуктуй; 14 — Усть-Кяхта) и на некоторых «селенгинских» петроглифах (2 — Ангир; 3 — Шара-Тала; 4 — Хайсагар; 6 — Бага-Байца; 7 — Селендума; 8 — Малый Алтан; 10 — Хотогой-Хабсагай; 11 — Нарин-Хундук; 13 — гора Суслова; 15 — Субуктуй, пункт II).

нового типа — со спицами²⁰. Вместе с тем он отмечает, что солярная тематика не менее определенно представлена в древних бронзах Сибири и Центральной Азии, начиная с карасукского времени. И в полном соответствии с этим — его вывод: «От древних культур степей Южной Сибири и Центральной Азии традиционные символы солнца были унаследованы позднейшими обитателями этих степных пространств»²¹. Этим самым исследователь высказывается прежде всего в пользу сближения разбираемых нами групп петроглифов, а не их различий. Некоторые примеры «круга со спицами» мы рассмотрели выше в связи с «солнечными» знаками.

Изображения орлов. Изображений орлов — родоначальников и охранителей родовых коллективов и стада выделено на «кяхтинской» группе петроглифов пока три (если учесть, что и самих петроглифов этой группы насчитывается не более 10). Они находят прекрасные аналогии среди рисунков орлов эпохи бронзы. В качестве примера приводим сводную таблицу для одной из них — субуктуйской (рис. 8).

Образ козла. Изображения козлов были одним из главных сюжетов, позволивших А. П. Окладникову датировать «кяхтинские» писаницы. Аналогий этим сюжетам оказывается не так уж мало в материале петроглифов бронзового века. Они, как и «кяхтинские», распределяются на четыре основные группы. Первая изображает «скачущих» козлов. Передняя часть туловища их слегка приподнята, рога в основ-

ном параллельны туловищу (рис. 9, 1—7). Вторая — изображает козлов целиком, по горизонтальной линии (рис. 9, 8—12). Третья группа изображает козлов с круто загнутыми назад рогами (рис. 9, 13—18). Четвертая в целом мало отлична от предыдущей, однако мы выделяем рисунки этой группы по ориентации животных: если для третьей группы характерна трактовка животного в правую сторону, то для четвертой — наоборот, в левую (рис. 9, 19—22).

* *
*

Сравнительные материалы обнаруживают тяготение «селенгинской» группы петроглифов к финальному этапу сибирской бронзы. В пользу этого прежде всего говорит тот факт, что «селенгинские» композиции при их классификации показывают нам их создателей как степных скотоводов, имеющих явно развитое скотоводческое хозяйство. Такое хозяйство могло сложиться только к периоду поздней бронзы, что и доказывается археологическими материалами²². Именно к этому времени в мировоззрении скотоводов развитого бронзового века возникают и складываются зачатки того мировоззрения, которое получает дальнейшую творческую разработку и подлинный расцвет в эпоху раннего железа.

Обнаруженные нами факты сходства двух разных групп петроглифов, свидетельствуют, что разрыв между ними если и был, то весьма незначительный, т. е. искусство «селенгинцев» было близко по времени к искусству «кяхтинцев» или, возможно, на каком-то этапе тесно сосуществовало с ним. Рубеж между ними может быть приурочен к тому же тагарскому этапу поздней бронзы и раннего железа, когда появляются первые изделия из железа.

В последние годы в Монголии также появились работы, в которых содержатся выводы, близкие к нашим для Забайкалья. Так, в результате работ советско-монгольской историко-культурной экспедиции получены данные, позволяющие сделать некоторые интересные выводы, сформулированные Э. А. Новгородовой: очевидна определенная преемственность в изобразительном искусстве бронзового и железного веков. Многие элементы этого стиля (речь идет в данном случае о «зверином» стиле. — А. Т.) сохранились в гуинское и тюркское время. Тюркские памятники являются своеобразным продолжением этих традиций. Они остались ведущими и в раннемонгольских памятниках и продолжают бытовать в наиболее отдаленных уголках Центральной Азии (Кобдо, Гобиалтай, Хубсугул). «Подводя итог вышесказанному, —

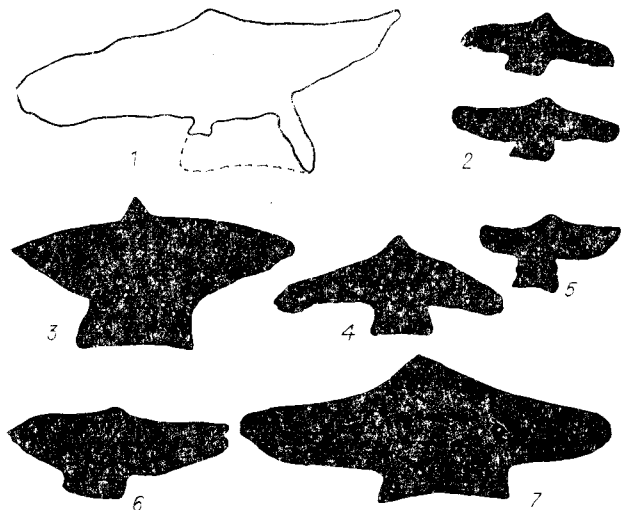

Рис. 8. Изображения орлов.

1 — Субуктуй («кяхтинская» группа петроглифов), 2 — Надеино; 3 — Номохоново; 4 — Павлова гора; 5 — Бани-Хара; 6 — Хотогой-Хабсагай, 7 — гора Суслова («селенгинская» группа петроглифов).

²⁰ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, ч. II, с. 139.

²¹ Там же, с. 141.

²² Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья, с. 58—59.

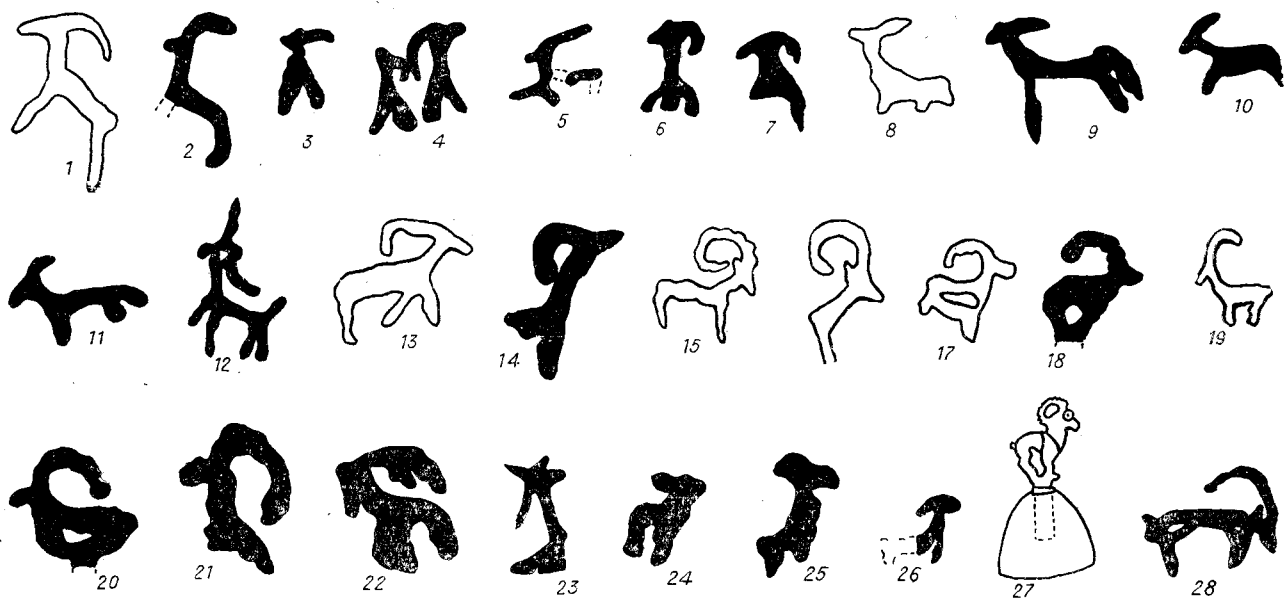

Рис. 9. Изображения козла.

1, 8, 15, 16 — Бага-Зара; 2 — Поворот; 3 — Гибалино; 4, 7, 11, 14, 24 — Хотогой-Хабсагай; 5 — Ара-Киреть; 6 — Луковичный мыс; 9 — Барун-Кондуй; 10 — Шулутай; 12 — «Бочка»; 18 — Вичурская писаница; 20 — Ульба (на плиточной могиле); 21 — Титовская сопка; 22 — Мухорнур; 23 — Саратовка. Хэлтэгэй-Байца; 26 — Вани-Хара («селенгинская» группа петроглифов); 27 — бронзовый значок из Минусинской котловины; 28 — выбитое изображение из Саянской трубы.

пишет Э. А. Новгородова, — и с большей долей гипотетичности можно наметить единую линию развития культур Центральной Азии, уходящих своими корнями в эпоху бронзы и сохранившихся в течение тысячелетий вплоть до наших дней»²³.

Этого же мнения придерживается монгольский археолог Д. Дорж. Обратившись к такому сложному вопросу, как периодизация наскальных изображений Монголии, он не разделяет петроглифы бронзового и раннего железного веков, считая возможным сосуществование на этом этапе древней истории техники выбивания и рисования красной охрой²⁴. Примерно так же считает другой монгольский ученый Н. Сэр-Оджав²⁵. Эта мысль нашла дальнейшее развитие в монографии Д. Доржа и Э. А. Новгородовой²⁶.

Таким образом, рассмотренный в настоящей статье материал укрепляет ту фактологическую базу, на основании которой А. П. Окладников впервые осуществил опыт датировки «селенгинских» петроглифов Забайкалья. Этим материа-

лом подтверждается его точка зрения об относительно позднем существовании красочных наскальных рисунков долины р. Селенги. Первоначальное время появления «селенгинских» петроглифов пока не может быть доказано сколько-нибудь убедительно, хотя материалы жертвенных мест в ряде случаев показывают довольно раннюю традицию почитания скал, датированную поздним неолитом²⁷. Мы полагаем также, что этот комплекс петроглифов прекратил свое существование в первые века нашей эры, т. е. на каком-то этапе он сосуществовал с «кяхтинским». Это подтверждается и материалами раскопок остатков жертвоприношений у подножий «писаных» скал. Комплекс представленный художников бронзового века долгое время сохранялся и в последующие эпохи, став одной из отправных точек традиционного бурятского искусства²⁸.

²³ Новгородова Э. А. Оленные камни и некоторые вопросы древней истории Монголии. — В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. I боть. Улаанбаатар, 1973, с. 337—338.

²⁴ Дорж Д. Периодизация наскальных изображений Монголии. — Там же, с. 174—175.

²⁵ Сэр-Оджав Н. Археологическая наука в МНР. — Там же, II боть, с. 141.

²⁶ Дорж Д., Новгородова Э. А. Петроглифы Монголии, ч. I. Улаан-Батор, 1975, с. 43—44.

²⁷ Тиваненко А. В. Изучение новых петроглифов в Западном Забайкалье. — В кн.: Тезисы докладов научно-практической конференции Иркутского государственного университета. Иркутск, 1977; Он же. Новые петроглифы Западного Забайкалья. — В кн.: Археологические открытия 1977 года. М., 1978; Он же. Древние жертвенные места Забайкалья. — В кн.: Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск, 1978; Он же. Исследование петроглифов в Северной Бурятии. — В кн.: Археологические открытия 1978 года. М., 1979; Он же. Древние культовые святилища — новый тип археологических памятников Забайкалья. — В кн.: Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979.

²⁸ См.: Бурятский бытовой орнамент. Улаан-Удэ, 1974.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (история исследований, итоги, перспективы)

История археологического исследования Забайкалья получила достаточно полное и подробное освещение в работах Г. П. Сосновского, А. П. Окладников, Н. Н. Дикова, Е. А. Хамзиной, Ю. С. Гришина, П. Б. Коновалова, Л. Г. Ивашиной, Е. А. Ковычева и других исследователей¹. В настоящей статье автор обращается к истории изучения бронзового века Западного Забайкалья в форме историографического обзора.

В литературе уже имеются работы, в которых излагалась история исследования бронзового века интересующего нас региона². Но так как они были посвящены в целом более широкой тематике, чем бронзовый век, авторы касались историографии этого периода в той мере, в какой было уместно в рамках обобщающих исследований. Наша задача состоит в детальном освещении данного аспекта. С другой стороны, мы также суживаем объем поставленной задачи. Основное внимание будет уделено преимущественно состоянию источниковедческой базы и хронологии, и только косвенно — вопросам культурно-исторического плана.

Первые попытки интерпретации материалов, относящихся к эпохе бронзы, появились в печати во второй половине XIX — начале XX веков. В целом исследования до Великой Октябрьской социалистической революции своди-

лись к накоплению материалов и высказываниям, не выходящим за рамки предположений³.

В советское время в изучении археологических памятников Сибири, в том числе Забайкалья, наступил новый, качественно отличный этап. После революции начали проводиться широкие планомерные исследования, рассчитанные на долгие годы и, в конечном счете, на создание древней истории народов Советского Союза. В это время начинают свои изыскания крупнейшие исследователи археологии Сибири — Г. П. Сосновский, С. А. Теплоухов, Б. Э. Петри, Г. Ф. Дебец, М. М. Герасимов, А. П. Окладников, М. П. Грязнов и др. Очень важное значение имела созданная в 20-х годах С. А. Теплоуховым периодизация древних культур Южной Сибири⁴. Она, собственно, и легла в основу выделения культурно-исторических этапов на сопредельных территориях. Как увидим далее, выделение бронзового периода в Забайкалье стало возможным благодаря вычлениению изделий эпохи бронзы из всей массы забайкальских древностей на основе сопоставления и корреляции их с изделиями карасукского типа Минусинского края.

В это же время начинается планомерное изучение древностей Западного Забайкалья, территориально почти совпадающего с границами Бурятской АССР. В послереволюционные годы первые сведения о бронзовом веке Забайкалья содержатся в работах Б. Э. Петри. Им отмечено «нахождение различных предметов из бронзы, как ножей, топоров, котлов, стрел, украшений и т. п. точь в точь таких, какие находятся в Минусинском крае»⁵. Однако, исходя из состояния археологии Сибири того времени, он сделал вывод о том, что в условиях Забайкалья наличие культуры бронзового периода можно предполагать лишь для степных районов. В целом же, по его мнению, в Прибайкалье и таежном Забайкалье самостоятельной бронзовой культуры не было,

¹ Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья. — Труды ОИПК, т. 1, Л., 1944; Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии. — Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1954, т. 8, № 5; Он же. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья. — Труды Кяхтинского музея краеведения им. академика В. А. Обручева и Кяхтинского отд. Геогр. об-ва СССР, Улан-Удэ, 1964, т. 18; Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958; Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970; Она же. Археологические исследования в Бурятии за 50 лет. — В кн.: Материалы и исследования по истории Бурятии. — Труды БИОН, Улан-Удэ, 1973, вып. 20; Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975; Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976; Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Автореф. канд. дис. М., 1976; Ковычев Е. В. Восточное Забайкалье в I тысячелетии н. э. (по материалам могильников). Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1977.

² Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — МИА, М., 1955, № 43; Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья; Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья; Хамзина Е. А. Археологические исследования в Бурятии...; Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии.

³ Более подробные характеристики итогов исследований в дореволюционный период см. в работах Н. Н. Дикова «Бронзовый век...» и Ю. С. Гришина «Бронзовый и ранний железный века...».

⁴ Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. — Матер. по этногр., 1927, т. III, вып. 2; Он же. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. — Матер. по этногр., 1929, т. IV, вып. 2.

⁵ Петри Б. Э. Далекое прошлое бурятского края. Иркутск, 1922, с. 20.

и население этих областей от каменного века перешло «непосредственно в железный период»⁶. Такое заключение Б. Э. Петри явилось отражением недостаточно полной источниковедческой базы сибирской археологии того времени и в настоящее время имеет ценность только с точки зрения историографической, хотя в свое время оно все же оказало влияние на некоторых исследователей⁷. Более ценной и сохраняющей значение в настоящее время следует считать мысль Б. Э. Петри о связи культуры бронзового века степных районов Забайкалья с производящими формами хозяйства (скотоводством).

В начале тех же 20-х годов на наличие изделий карасукского типа в Забайкалье обратили внимание Г. П. Сосновский и Г. Ф. Дебец. Г. П. Сосновский пришел к выводу, что бронзовая культура Восточной Сибири отчасти имела самостоятельный характер, но, вместе с тем, находилась под воздействием различных культурных течений Сибири. Основанием послужили находки литейных форм, следов древнего горного дела и доисторических медных рудников⁸. Г. Ф. Дебец, проведя работу по классификации бронзовых орудий Забайкалья, сравнил некоторые бронзовые изделия с минусинскими и пришел к выводу о схожести некоторых типов орудий Забайкалья и Минусинской котловины. В то же время, исследователь отметил наличие своеобразных типов, «происхождение которых не ясно»⁹. Исходя из характера материалов эпохи бронзы Забайкалья и отсутствия комплексов, он сформулировал задачи в области археологии бронзы Забайкалья: 1) типологическое изучение материала; 2) их химический анализ; 3) изучение месторождений олова и меди.

Таким образом, этими исследователями был поставлен вопрос о своеобразии очага бронзовой культуры в Забайкалье. К сожалению, результаты их работ не нашли полного отражения в литературе.

Интересные данные были получены А. П. Окладниковым в низовьях р. Селенги в 1927 г. У д. Фофаново им был обнаружен древний могильник. На выдувах найдены остатки челове-

ческих костяков с бронзовыми изделиями (нож, кельт, обломки изделий неопределенной формы)¹⁰. Отсюда А. П. Окладников делает предположение о существовании бронзового периода в низовьях р. Селенги¹¹, хотя в другой работе он подходит к этому вопросу более осторожно¹². Основным результатом по работам А. П. Окладникова следует считать обнаружение первого полноценного памятника эпохи бронзы в Забайкалье, что подтвердилось последующими исследованиями могильника¹³.

В 1929 г. А. И. Махалов опубликовал описание форм для отливки дугообразнообушковых ножей карасукского типа и наконечников копий с верховьев р. Хилок, найденных близ с. Беклемишево (Читинская область)¹⁴, относящихся к позднекарасукскому времени¹⁵, а также ножей из Читинского музея¹⁶, и интерпретировал их в пользу существования самостоятельного центра металлообработки в Забайкалье в эпоху бронзы¹⁷.

В эти же годы случайные находки эпохи бронзы из Забайкалья привлекли внимание М. П. Грязнова, который в то время проводил исследования памятников бронзового века в Казахстане, на Алтае и Минусинской котловине¹⁸. Он также отметил отсутствие комплексов и то, что представления о забайкальской бронзе базируются на случайных находках. Им был датирован карасукским временем бронзовый кинжал с изображением головы горного козла на рукояти с оз. Котокель¹⁹. По мнению исследователя, котокельский кинжал «представляет собой исключительный образец», хотя «все

¹⁰ Окладников А. П. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях с. Кабанска.— Бурятияведческое сборник, Иркутск, 1927, вып. III-IV, с. 104—105; Он же. Следы доисторических культур..., с. 65.

¹¹ Окладников А. П. Предварительное сообщение..., с. 105.

¹² Окладников А. П. Следы доисторических культур..., с. 68.

¹³ Окладников А. П. Археологические исследования в низовьях р. Селенги.— КСИИМК, 1950, вып. XXXV; Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

¹⁴ Махалов А. И. Формы для отливок и бронзовые ножи из Забайкалья.— Материалы Читинского краеведческого музея им. А. К. Кузнецова, Вып. 1. Археология. Иркутск — Чита, 1929.

¹⁵ Членова Н. Л. Литейные формы из с. Беклемишево (Забайкалье).— КСИИМК, 1971, вып. 127, с. 111.

¹⁶ Махалов А. И. Формы для отливок...

¹⁷ Там же, с. 22.

¹⁸ Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане.— Казаки, Л., 1930, вып. II; Он же. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930; Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния минусинских степей.— Матер. по этногр., Л., 1927, т. III, вып. 2.

¹⁹ Грязнов М. П. Бронзовый кинжал с оз. Котокель.— Бурятияведение, Верхнеудинск, 1929, вып. I-II (9-10), с. 136—139.

⁶ Петри Б. Э. Далекое прошлое бурятского края. Иркутск, 1922, с. 20—21.

⁷ Дебец Г. Ф. Итоги и задачи доисторической археологии Забайкалья.— Жизнь Бурятии, Верхнеудинск, 1926, № 3, с. 102. Окладников А. П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии.— Северная Азия, М., 1928, № 3, с. 68.

⁸ Попов А. В. Очерк палеонтологических исследований и достижений ВСОРГО за 75 лет (1851—1926). Иркутск, 1926, с. 48.

⁹ Дебец Г. Ф. Отчет об археологических разведках на оз. Котокель.— Бурятияведение, 1926, № 2, с. 21; Он же. Итоги и задачи доисторической археологии..., с. 102—103.

признаки его, каждый в отдельности, обычны для кинжалов и позжей средней бронзы на Енисее»²⁰. Такую ситуацию М. П. Грязнов склонен был объяснять тем, что в «в Забайкалье кинжалы этой поры, хотя и были в общем сходны с енисейскими, но, может быть, имели несколько иной облик»²¹. М. П. Грязнов выделил из всей массы находок карасукского типа Казахстана, Южной Сибири и Центральной Азии, известных в то время, S-образные ножи Забайкалья, как характерные только для этой области²². Таким образом, в работе М. П. Грязнова более отчетливо прозвучала мысль о своеобразии очага бронзово-каменного периода в Забайкалье.

В конце 20-х — первой половине 30-х годов вышло несколько работ Г. П. Сосновского, в которых были опубликованы результаты исследований 1928—1929 гг. по неолиту и бронзовому веку Забайкалья²³. В 1928 г. Г. П. Сосновский произвел частичные раскопки Нижнеберезовской стоянки. Находки были датированы им поздним неолитом, под которым он понимал конечную стадию Ангаро-Байкальского неолита — время переходное к эпохе металла и, в какой-то степени, одновременное ранней степной бронзе²⁴. В 1928—1929 гг. им проводились исследования могильников на горе Тологой и у д. Саянтуй. Первый из них по аналогиям из погребений глазковского типа в Прибайкалье и Фофановского могильника он датировал поздненеолитическим временем²⁵. В Саянтуе из плиточной могилы № 10 Г. П. Сосновским был получен интересный материал позднебронзового облика (кельт, кинжал и предмет «неизвестного назначения»²⁶). В целом надо сказать, что Г. П. Сосновский произвел в этот период значительные полевые исследования по эпохе раннего металла и бронзовому веку лесостепной и степной Бурятии. Г. П. Сосновскому принадлежит также обобщение накопившихся к началу 30-х годов материалов по бронзовому веку Забайкалья. В статье

²⁰ Грязнов М. П. Бронзовый кинжал с оз. Котокель. — Бурятское издание, Верхнеудинск, 1929, вып. I-II (9-16), с. 141.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Сосновский Г. П. Краткий отчет о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции АН СССР в 1928 г. — Бурятское издание, Верхнеудинск, 1928, вып. IV(8); Он же. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье. — Изв. ГАИМК, М.—Л., 1933, вып. 100; Он же. К истории добычи олова на востоке СССР. — ПИМК, 1933, № 9—10; Он же. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда АН СССР в 1928—1929 гг. — В кн.: Проблемы Бурят-Монгольской АССР, т. II. М.—Л., 1936.

²⁴ Сосновский Г. П. Краткий отчет..., с. 163; Он же. Древнейшие следы скотоводства..., с. 210—211, 214—215.

²⁵ Он же. Древнейшие следы скотоводства..., с. 213—214.

²⁶ Он же. Краткий отчет..., с. 163.

«К истории добычи олова на востоке СССР» им были вычленены комплексы развитой бронзы Забайкалья. Это могила в Мельничном Логу у ст. Оловянная (раскопки Б. Н. Артемьева, 1925 г.), обложенная камнями могила близ г. Нерчинска (Фидлер, 1833 г.), круглая могила № 7 в Шамашской пади у с. Тамир в бассейне р. Чикой (Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1903 г.), могила № 105 на южном склоне горы Тологой на левом берегу р. Селенги около Селенгинской Думы (Г. П. Сосновский, 1929 г.)²⁷. Изделия карасукского типа из этих погребений позволили ему датировать их средней стадией сибирской бронзы, синхронной карасукскому времени Южной Сибири²⁸. При этом Г. П. Сосновский отметил, что «в отличие от могил средней бронзы на Енисее таковые в Забайкалье не имеют характерных для карасукского этапа гробниц, сложенных из плит, в них не найдено типичной для этого времени в Минусинском крае круглодонной керамики и целого ряда других вещей... Своеобразную группу, свойственную Забайкалью, составляют небольшие по размерам ножи с желобчатой рукояткой. Они обычно заканчиваются одним более крупным кольцом или двумя маленькими колечками, соприкасающимися между собой...»²⁹. Г. П. Сосновский ввел в научный оборот обломок литейной формы для ножа этого типа, найденный П. С. Михно в Троицкосавском округе Бурят-Монгольской АССР около улуса Хара-Бусун³⁰. Наличие комплексов бронзового века, изделий карасукского типа, имеющих локальные особенности, и литейных форм позволили ему сделать вывод о разработке здесь медных и оловянных месторождений в эпоху развитой бронзы³¹. Однако значение статьи Г. П. Сосновского выходит за рамки основного вывода, сделанного исследователем.

Подводя итог исследованиям 20-х годов, можно отметить значительный интерес исследователей к материалам эпохи бронзы из Забайкалья. К ним в это время обращались не только краеведы и специалисты, занимавшиеся проблемами Забайкалья (Б. Э. Петри, Г. Ф. Дебец, А. П. Окладников, А. И. Махалов и др.), но и исследователи, интересы которых лежали за пределами данного региона (С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов). В результате работ последних были выявлены памятники бронзового века лесостепной и степной Бурятии, отмечены местные особенности и определены основные направления дальнейших исследований.

²⁷ Сосновский Г. П. К истории добычи олова..., с. 15—16.

²⁸ Там же, с. 17.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 18.

В 30-е — первой половине 40-х годов интерес к памятникам бронзового века несколько ослаб. Во всяком случае нам не известны какие-либо сведения о полевых изысканиях по бронзовому периоду, относящиеся к этому времени. Вышло лишь несколько работ Г. П. Сосновского, написанных по материалам экспедиции 1928—1929 гг. В 1940—1941 гг. им были опубликованы материалы раскопок плиточных могил Забайкалья. В основном он датировал их скифским временем (VII—II или VI—II вв. до н. э.)³². Вместе с тем Г. П. Сосновский отмечал, что на некоторых бронзовых вещах из плиточных могил долины р. Селенги заметны карасукские черты (вырезы лезвия кинжала, орнамент из треугольников на его рукоятке и на кельте, своеобразная форма ножа с изогнутой рукояткой)³³. Это дало ему основание отнести отдельные плиточные могилы к более раннему времени, но в пределах I тыс. до н. э. (первый могильник у с. Саянтуй и мог. 61 у горы Тапхар)³⁴. В результате Г. П. Сосновским в круг памятников бронзового века были частично включены плиточные могилы, и их общее число пополнилось еще двумя памятниками.

С другой стороны, 30—40-е гг. явились важным этапом в истории археологического изучения Сибири. Именно в этот период были проведены полевые и кабинетные исследования, которые позволили советским археологам создать в конце 40-х — начале 50-х гг. стройные концепции по истории древнего населения Восточной, Южной, Западной Сибири и Якутии. Для изучения истории древнего населения Забайкалья и датировки его памятников большое значение имела разработанная А. П. Окладниковым в 30-х годах и получившая окончательное завершение в 50-х годах периодизация и хронология памятников эпохи неолита и бронзы Прибайкалья³⁵. Забайкалье на этом фоне выглядело относительно малоизученным.

В 1947 г. в Забайкалье начала работать новая Бурят-Монгольская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Основные работы велись вдоль долины р. Селенги, поскольку она, являясь как бы естественным коридором, связывала степные районы Центральной Азии с таежными районами Восточной Сибири и здесь должны были находиться наиболее интересные,

с точки зрения этнокультурной истории края, памятники³⁶. Наряду с памятниками других эпох исследовались и памятники бронзового века. На этот раз А. П. Окладников исследовал Фофановский могильник в низовьях р. Селенги, открытый им еще в 1927 г. В 1948 г. были раскопаны погребения неолитического и энеолитического времени. Самая многочисленная группа могил с инвентарем, близким к глазковским в Прибайкалье (нефритовые топоры, украшения из перламутра, мраморные кружки, листовидные ножи из бронзы или меди), относилась к энеолиту. В этом же могильнике было обнаружено новое погребение карасукского времени — детское захоронение, сопровождавшееся двумя миниатюрными топориками или теслами из нефрита, украшенными из атрофированных кльков благородного олея и кинжалом карасукского типа, датируемое не позднее XIII—XII вв. до н. э.³⁷ Была раскопана еще одна могила с сильно разрушенным погребением, синхронным предыдущему. В ней находились фрагменты сосуда с узким уплощенным, а не яйцевиднокруглым, обычным для более ранних сосудов глазковского времени, дном. Фрагменты были украшены лоскутотекстильным орнаментом³⁸.

Не менее интересные материалы были получены В. Д. Запорожской, производившей в 1949 г. раскопки Нижнеберезовской стоянки. Они дали орнаментированную керамику и каменные изделия в комплексе с металлическими вещами карасукского облика (обломки ножей, полушаровидные бляшки с перекрестием)³⁹. Эти данные позволили А. П. Окладникову выделить на Нижнеберезовской стоянке слой, относящийся ко второй половине II тыс. до н. э., к эпохе развитой бронзы⁴⁰.

В эти же годы А. П. Окладников исследовал писаницы, выполненные красной краской, в виде оградок, обычно заполненных точками и сопровождаемых человечками, реже фигурами животных. Он отметил их как характерные в основном для лесостепных районов Забайкалья и Северной Монголии⁴¹. Позже он датировал их, по аналогиям с изображениями человеческих фигурок и животных на ножах

³⁶ Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии. — Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1951, т. 8, № 5, с. 443.

³⁷ Окладников А. П. Археологические исследования в низовьях р. Селенги..., с. 89.

³⁸ Там же, с. 89.

³⁹ Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии..., с. 445.

⁴⁰ Там же; Окладников А. П. Археологические исследования в низовьях Селенги..., с. 86.

⁴¹ Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии..., с. 456; Он же. О датировке забайкальских писаниц. — Зап. БМНИИ, Улан-Удэ, 1952, вып. 16, с. 58—59.

³² Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья. — КСИМК, 1940, вып. VIII, с. 36; Он же. Плиточные могилы Забайкалья..., с. 276.

³³ Сосновский Г. П. Ранние кочевники..., с. 38.

³⁴ Там же, с. 36; Он же. Плиточные могилы..., с. 274.

³⁵ Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. — ВДИ, 1938, 1(2); Он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I, II. — МИА, М.—Л., 1950, № 18; ч. III. — МИА, М.—Л., 1955, № 43.

карасукского и, чаще, тагарского типов первой половиной I тыс. до н. э. и отнес к позднему бронзовому веку⁴². Таким образом, в результате работ Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова были сделаны новые существенные шаги в изучении бронзового века лесостепной и степной Бурятии, выявлены два новых хронологических пласта — ранне-бронзовый, синхронный глазковскому Прибайкалью, и развитой бронзы, так называемого шиверского этапа по байкальской периодизации, одновременного карасукскому Южной Сибири. В научный оборот был введен еще один вид археологических памятников — писаницы. О важности исследований 1947—1950-х гг. свидетельствует и то, что они были отмечены среди наиболее важных достижений советской археологии тех лет⁴³.

В итоге к началу 50-х годов были накоплены довольно значительные материалы по бронзовому веку Забайкалья, обобщением которых занялся Н. Н. Диков. Он проделал большую работу по обобщению разнообразного и разнохарактерного материала⁴⁴. Им была подвергнута сомнению гипотеза Г. П. Сосновского об энеолитическом возрасте тологойских могил. По мнению Н. Н. Дикова, тологойские могилы представляли собой частично разрушившиеся плиточные могилы, сооруженные на месте энеолитического поселения, что ввело в заблуждение автора раскопок памятника⁴⁵. К числу удачных разделов работы следует отнести культурно-исторический очерк, данный Н. Н. Диковым⁴⁶. Однако некоторые положения исследования вызывают возражения. Так, неправомерно отнесение большинства плиточных могил к бронзовому веку⁴⁷, причина чего лежит, видимо, в том, что Н. Н. Диков брал за критерий отнесения памятников к тому или иному культурно-историческому периоду не уровень социально-экономического развития населения, а материал, из которого выделялся инвентарь⁴⁸. Не совсем ясно утверждение Н. Н. Дикова о том, что «плиточные могилы относятся к значительно более продолжительному времени, чем это считал Г. П. Сосновский. Их время не только VI—II вв. до н. э., как полагал Г. П. Сосновский, а почти все I тыс. до н. э.»⁴⁹

⁴² Окладников А. П. О датировке забайкальских писаниц..., с. 59—62.

⁴³ Никольская Т. Н. Итоги работ советских археологов за 1946—1950 гг. — ВДИ, 1951, № 4, с. 222.

⁴⁴ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Автореф. канд. дис. Л., 1953; Он же. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.

⁴⁵ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья, с. 34—36.

⁴⁶ Там же, с. 55—71.

⁴⁷ Там же, с. 53—54.

⁴⁸ Там же, с. 42.

⁴⁹ Там же.

В свое время Г. П. Сосновский вполне определенно и однозначно писал, что основная масса плиточных могил датируется скифским временем (VII—II или VI—II вв. до н. э.), а отдельные из них — более ранним временем, поздней бронзой, но в пределах I тыс. до н. э.⁵⁰

С начала 50-х годов археологические исследования по бронзовому веку на территории Бурятии в основном были направлены на выявление и фиксацию наскальных изображений. Их итоги обобщены в опубликованном в 1969—1970 гг. А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской двухтомном труде⁵¹. Здесь были даны и общие исторические выводы: историко-культурная интерпретация, рассмотрены их хронология, локальные группы, сюжеты и семантика. Появление этой работы явилось новым значительным вкладом в изучение культуры населения бронзового века Бурятии.

В 60—70-е годы исследования по выявлению и изучению памятников бронзового века в Западном Забайкалье продолжались. В 1959—1960 гг. работала Байкальская археологическая экспедиция под руководством М. П. Грязнова⁵². Е. А. Хамзиной в течение двух полевых сезонов (в 1959 и 1964 гг.) проводились раскопки Посольской стоянки, содержавшей культурный слой эпохи бронзы. Были обнаружены фрагменты керамики, остатки рыболовных снастей, каменные наконечники стрел, бронзовые изделия карасукского облика, а также трехлопастной наконечник стрелы с насадом, срезанным с двух сторон⁵³. Сообщение о бронзовых изделиях было опубликовано позже⁵⁴. В 1974 г. Е. А. Хамзиной были введены в научный оборот материалы исследованного ею могильника Онкули из долины р. Баргузин. К сожалению, погребения оказались в значительной степени разрушенными⁵⁵. Однако полученные материалы представляют, видимо, большой интерес с точки зрения этнокультурной истории района. Так, по предварительному сообщению Е. А. Хамзиной, предметы из погребений находят аналогии в разновременных комплексах Прибайкалья — китайских и глаз-

⁵⁰ Сосновский Г. П. Ранние кочевники..., с. 36; Он же. Плиточные могилы Забайкалья..., с. 274.

⁵¹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, т. I, Л., 1969; Он же. Петроглифы Забайкалья, т. II, Л., 1970.

⁵² Хамзина Е. А. Археологические исследования в Бурятии..., с. 31.

⁵³ Там же, с. 243.

⁵⁴ Сергеева Н. Ф., Хамзина Е. А. Бронзовые изделия из Посольска на Байкале. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 3. Иркутск, 1975.

⁵⁵ Хамзина Е. А. Ранние погребения в Онкулях (долина р. Баргузин). — Этнографический сборник, Улан-Удэ, 1974, вып. 6, с. 234—243.

ковских, в них же находились и предметы из бронзы (нож и проволочный браслет)⁵⁶.

В 60-е годы Ю. С. Гришин провел специальное изучение металлических изделий эпохи бронзы из Забайкалья на общем фоне всего сибирского металла эпохи энеолита и бронзы. В результате он пришел к выводу о существовании самостоятельного очага бронзолитейного производства в Забайкалье в эпоху бронзы⁵⁷. При этом Ю. С. Гришин отметил, что основные забайкальские медно-бронзовые изделия карасукского типа, имея черты, свидетельствующие об их связи с изделиями других районов, ближе всего стоят к монгольским⁵⁸. Изучение медно-бронзовой индустрии Забайкалья получило дальнейшее развитие в работах Н. Ф. Сергеевой. Ею впервые была выделена «восточно-сибирская горнометаллургическая область с металлургическими центрами в Прибайкалье и Забайкалье, деятельность которых базировалась в основном на местном рудном сырье»⁵⁹.

В конце 60-х — начале 70-х годов новые данные по бронзовому веку Западного Забайкалья были получены Л. Г. Ивашиной и А. В. Тиваненко. Л. Г. Ивашиной опубликованы данные о погребении с бронзовым ножом из могильника Бухусап и случайных находках из Еравны⁶⁰. Ею же в последние годы исследуются стоянки раннебронзового времени Харга I и Кулькисон⁶¹. А. В. Тиваненко было выявлено около 70 новых писаниц, аналогичных по сюжетам и технике исполнения писаницам бронзового века. Им же исследуются жертвенные места, основная часть которых относится к бронзовому веку. В них обнаружены фрагменты керамики, орудия труда из камня, обломки бронзовых и костяных изделий⁶².

В 1975 г. опубликована статья М. М. Герасимова и Е. Н. Черных «Раскопки Фофанов-

ского могильника в 1959 г.»⁶³ Выделенная ими II группа погребений, по их мнению, очень близка глазковским погребениям Прибайкалья⁶⁴. Вместе с тем, авторы отмечают и особенности. Так, керамика в них более близка серовской, чем глазковской керамике, освещенной в печати А. П. Окладниковым⁶⁵. В могиле 20 было сделано интересное открытие: найден костяк сформировавшейся домашней овцы, что явилось совершенно новой чертой для характеристики культуры племен бронзового века таежной зоны Сибири⁶⁶. Были сделаны интересные стратиграфические наблюдения в вертикальной и горизонтальной планировке памятника. В целом II группу погребений авторы датировали началом эпохи палеометалла, а в абсолютных датах — приблизительно второй половиной II тыс. до н. э. или даже началом I тыс. до н. э.⁶⁷

К настоящему времени можно считать окончательно установленным факт наличия памятников культуры бронзового века Западного Забайкалья. Исследователи указали также черты, составляющие ее своеобразие. Источниковедческая база представлена достаточно разнообразно и хронологически широко: поселения, могильники, писаницы, жертвенные места, клады и случайные находки, датирующиеся от энеолита до финальной бронзы.

Эпоха энеолита на территории современной Бурятии представлена рядом памятников: отдельные погребения Фофановского могильника, могильника Бухусап, Опкули, верхние слои Нижнеберезовской, Посольской стоянок, поселения Харга I и случайные находки.

Эпоха развитой бронзы — часть Фофановского могильника, отдельные погребения в Саянтуе, Шаманской нади у с. Тамир; поселения Нижнеберезовское, Посольское и основная масса случайных находок.

Поздняя бронза (начало I тыс. до н. э.) — часть плиточных могил, возможно, некоторые материалы из Посольска и Нижней Березовки, основная масса писаниц, Закамешский клад, случайные находки. Писаницы и связанные с ними жертвенные места существовали, по всей вероятности, в течение всей эпохи бронзы. Но в них пока трудно вычленишь пласты, относящиеся к ранней и развитой бронзе.

Материалы из перечисленных памятников позволили исследователям дать более или менее подробную характеристику культуры населения бронзового века степного и лесостепного Западного Забайкалья. Причем, при всей бес-

⁵⁶ Хамзина Е. А. Ранние погребения в Онкулах (долина р. Баргузин). — Этнографический сборник, Улап-Удэ, 1974, вып. 6, с. 243.

⁵⁷ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. — САИ, М., 1971, вып. ВЗ-12, с. 37, 38.

⁵⁸ Там же, с. 38.

⁵⁹ Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия юга Восточной Сибири. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1977, с. 14, 16.

⁶⁰ Ивашина Л. Г. Новые материалы по бронзовому веку Забайкалья. — Изв. СО АН СССР, 1975, № 1, Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 98—103.

⁶¹ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит. Автореф. канд. дис., с. 21—22.

⁶² Тиваненко А. В. Изучение новых петроглифов в Западном Забайкалье. — В кн.: Научно-теоретическая конференция (тезисы докладов). Иркутск, 1977; Он же. Древние жертвенные места Забайкалья. — В кн.: Археология и этнография Восточной Сибири (тезисы докладов региональной конференции). Иркутск, 1978; Он же. Новые петроглифы Западного Забайкалья. — В кн.: Археологические открытия 1977 г. М., 1978.

⁶³ Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

⁶⁴ Там же, с. 43—44.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника, с. 44.

⁶⁷ Там же, с. 45—47.

спорной близости ее к культурам степного облика Южной Сибири и Центральной Азии, она все же больше тяготеет к последней. Но до сих пор окончательно не решен вопрос о том, существовала ли здесь самостоятельная культура в эпоху развитого бронзового века. В этом отношении более ясна ситуация для финальной бронзы и скифо-тагарского времени, когда на территории современного лесостепного и степного Забайкалья и Монголии были распространены памятники поселения культуры плиточных могил.

Если смотреть на состояние археологии бронзы Бурятии с точки зрения ее места в общей археологической проблематике края за последнее двадцатилетие, то этот период является одним из наименее изученных. В настоящее время представляется актуальным возобновить разработку проблем, связанных с бронзовым веком Западного Забайкалья. Это определяется, с одной стороны, расширением источниковедческой базы по бронзе с территории интересующего нас региона (что не нашло пока должного отражения в литературе), с другой — успехами в изучении археологии эпохи бронзы сопредельных областей Южной и Западной Сибири, Прибайкалья и Центральной Азии.

Из числа ранее поставленных задач по-прежнему остается задача классификации и типологии многочисленного подъемного материала карасукского времени из лесостепной и степной зоны Бурятии. Классификация, данная Н. Н. Диковым, не является достаточно полной, как, например, осуществленная В. В. Волковым по монгольским материалам, которая дала интересные результаты⁶⁸.

Еще Б. Э. Петри отметил связь культуры бронзового века Забайкалья с производящими формами хозяйства, имея в виду материалы из плиточных могил. Позже вопрос о происхождении скотоводства был поднят Г. П. Сосновским. Он пришел к выводу о возникновении скотоводства в эпоху раннего металла. Такое заключение нашло подтверждение в исследованиях М. М. Герасимова⁶⁹ и Л. Г. Ивашиной, обнаружившей кости домашних животных в культурном слое стоянки Харга I раннебронзового времени⁷⁰. Менее изучен период развитой бронзы. Таким

образом, встает задача поисков памятников этого времени и выяснения по их материалам характера становления скотоводческого хозяйства, изменения соотношения архаичного культурно-хозяйственного типа (охота и рыболовство) и нового (скотоводство).

В настоящее время принято считать, что степное и лесостепное Забайкалье входит в большую историко-культурную область, известную под названием Центральная Азия, являясь ее окраиной. Известно также и то, что с эпохи финальной бронзы она составной частью входит в большой центральноазиатский массив, населенный кочевым и полукочевым скотоводческим населением. Однако до сих пор неясно, к какому времени уходят истоки и какова динамика процесса разъединения в культурном развитии в среде некогда единого неолитического прибайкальско-зabayкальского населения, в течение какого времени наблюдалось сосуществование, возможно, разнокультурных групп населения (что предопределялось их экономической основой) и когда произошел переход к доминированию скотоводческих групп, которое очень четко вырисовывается для времени культуры плиточных могил.

В связи с такой постановкой вопроса было бы весьма интересно проследить, как соотносится с этим факт существования в эпоху бронзы двух самостоятельных металлургических центров, территориально располагавшихся в Прибайкалье и Забайкалье, деятельность которых базировалась на местном рудном сырье в каждом из районов. Тем самым можно будет проследить, являлось ли это отражением существования разных культурных массивов, различающихся экономической основой, а следовательно, и культурно-бытовыми особенностями.

Рассмотрение перечисленных выше аспектов проблемы бронзового века Забайкалья позволит более определенно вести речь о ранних этапах этнической истории населения Забайкалья и Прибайкалья (монголов, бурят, тюрков и эвенков).

Разумеется, имеющихся материалов пока недостаточно. Нужны новые исследования с широким хронологическим и территориальным охватом. Назрела необходимость в полевых и кабинетных исследованиях по бронзовому веку Бурятии. Это способствовало бы разработке многих вопросов, связанных с хозяйственной, культурной и этнической историей древнего населения не только Центральной Азии, но и Восточной, Южной и Западной Сибири.

⁶⁸ Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 12—34.

⁶⁹ Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника, с. 44.

⁷⁰ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит, с. 21—22.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КИБАЛИНО (Западное Забайкалье)

Местность за дер. Кибалино, расположенной на левом берегу р. Селенги в 70—75 км выше г. Улан-Удэ, представляет собой живописное взгорье, начинающееся высоким скалистым утесом у берега реки. На скалах утеса, еще в 1947—1958 гг., А. П. Окладниковым были открыты петроглифы позднего бронзового и раннего железного века. В 1973 г. в ходе паспортизации памятников истории и культуры Бурятской АССР сотрудниками Института общественных наук БФ СО АН СССР Е. А. Хамзиной, Л. Г. Ивашиной, А. Д. Жалсараевым и А. В. Тиваненко обнаружен древний могильник. К западу от утеса, на склонах и седловинах холмов виднеются так называемые херексуры раннетюркского времени. У подножья лесистой горы, находящейся за холмами, расположились плиточные ограды

эпохи поздней бронзы и раннего железа. Выше по склону находятся небольшие курганы монгольского времени. В целом это типичный для Забайкалья, особенно для западного, смешанный могильник. По обе стороны утеса, на берегу реки, группой паспортизации собран материал в виде обработанного камня и керамики. Позднее в местах сборов Л. Г. Ивашиной были произведены раскопки и обнаружены неолитические стоянки.

В 1976—1977 гг. специальным отрядом института, снаряженным для спасения разрушающихся памятников, произведены раскопки на Кибалинском могильнике. Всего обнаружено 50 различных могил, которые по внешнему виду распределены следующим образом: 26 монгольских, 16 плиточных и 8 херексуров (рис. 1). При раскопках выяснилось, что некоторые могилы по своему содержанию не соответствуют внешнему виду. Для раскопок выбраны объекты, определяемые нами как курганы монгольского времени, а также несколько плиточных могил. В целом обследовано 15 могил, в том числе 8 монгольских, 4 плиточных и 3 не были определены (последние копались как монгольские, но оказались по материалу ближе к плиточным). Херексуры не раскапывались ввиду чрезвычайной трудоемкости вскрытия этих сложных, занимающих обычно большие площади, сооружений.

В настоящей работе использован материал монгольских погребений.

Погребение № 3. Внешне оно представляет курган, сложенный из камней, в плане напоминающий квадрат без четких форм (рис. 2). По краям сооружения камни наклонены к центру, создавая своеобразную обкладку кургана. В середине — мелкие камни, прикрытые сверху более крупными, горизонтально лежащими. Десятью сантиметрами ниже уровня современной поверхности камни кончаются, и на глубине 20 см в северо-западной части могилы появляются пятна бурого цвета. При дальнейшей послойной зачистке на глубине 35—40 см выявилось могильное пятно, ориентированное на северо-восток и имеющее форму прямоугольника. На глубине 45 см залегали череп и скелет, обращенный на северо-восток, по всей вероятности женский.

Сохранность скелета хорошая. В северо-восточном углу ямы, в изголовье, обнаружена берцовая кость бараньей ноги в наклонном положении. Иных находок не было.

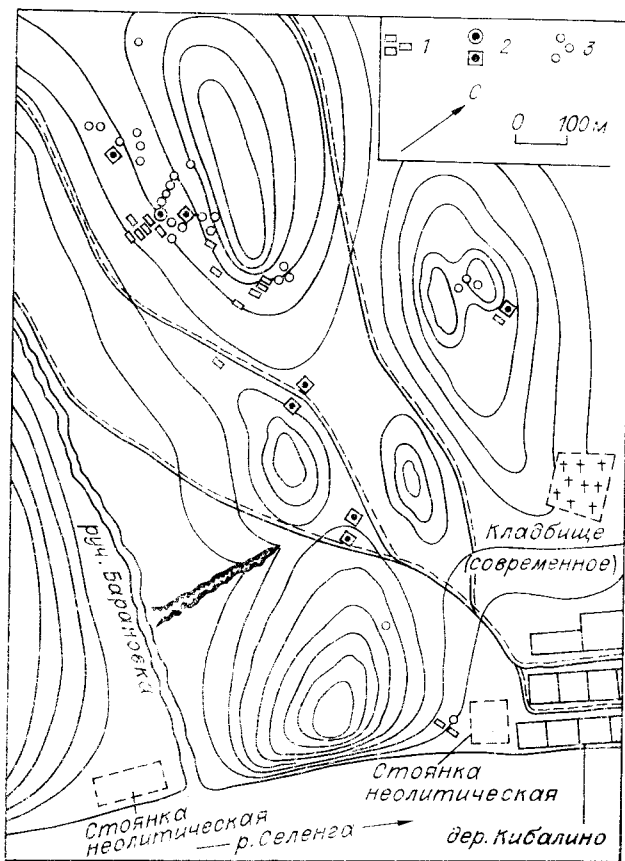

Рис. 1. План могильника в Кибалино.

1 — плиточные могилы I тыс. до н. э., 2 — курганы-херексуры I тыс. до н. э.; 3 — средневековые курганы II тыс. до н. э.

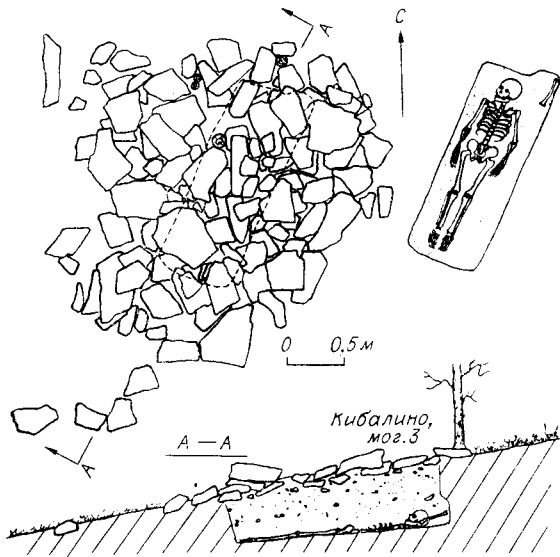

Рис. 2. План и разрез погребения № 3.

Погребение № 4. Состоит снаружи из камней в виде вытянутого кольца. В середине камни отсутствуют, но при раскопке здесь обнаружены следы костра. Внешние камни более крупные и составляют обкладку кургана, северо-западная сторона которого нарушена. Кладки из 1—2 ряда камней, посередине она, очевидно, была выше. На глубине 25—30 см расположены кости человека и границы могильного пятна. Последнее ориентировано по своей длине с северо-северо-востока на юго-юго-запад. При дальнейшей зачистке и углублении обнаружены лежащие в беспорядке кости человека и череп, лицевая часть черепа отделена от свода. Судя по вытянутым вдоль ямы костям ног, скелет ориентирован головой на северо-восток. В центральной части могилы, ближе к юго-восточной стороне, найдена бронзовая плоская подвеска грушевидной формы (рис. 10, 1). На глубине 30 см в северной части ямы встретились обгоревшие куски дерева и обожженная почва, возможно, остатки грабительского костра. Внутри могилы, еще глубже, обнаружены мелкие кусочки древесного угля, не связанного с остатками костра.

Погребение № 8. Представляет каменный курган размером 3×2 м, высотой до 40 см, с четко выделяющейся обкладкой из крупных камней. Ориентирован своей длинной осью на северо-северо-восток. При разборе кладки выяснилось, что общая ее мощность достигает 50 см. Пятнистая почва под ней затрудняла определение границ могильного пятна.

На глубине 40—45 см в изголовье слева обнаружили вертикально стоящую кость ноги барана. При дальнейшем послойном углублении

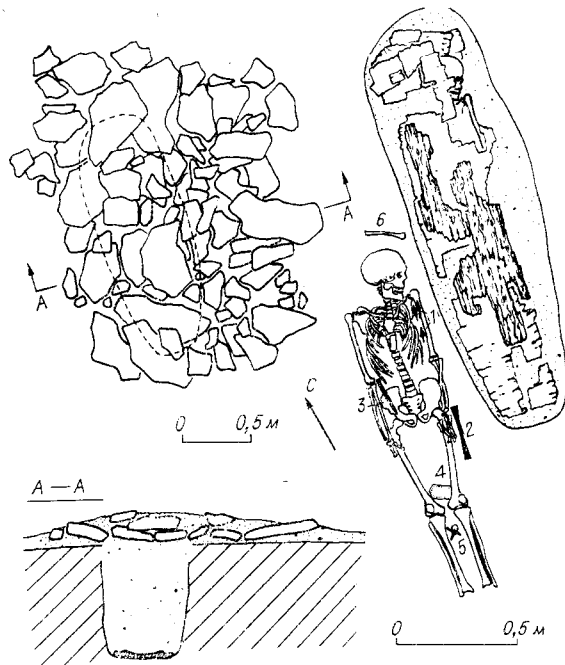

Рис. 3. План и разрез погребения № 11.

1 — наконечники стрел; 2 — накладка лука; 3 — нож; 4 — берестяная пластина с прошитыми краями; 5 — бараний позвонок; 6 — баранья кость (стегно).

на глубине 60—65 см найдены кости человека. Сохранность костей хорошая. Скелет принадлежит, вероятно, юноше лет 14—15. Внутри грудной клетки скелета обнаружены мелкие кусочки древесного угля. Могила не ограблена. Предметов утвари не оказалось.

Погребение № 11. Это — каменный курган овальной формы размером 3×2,5 м, ориентированный длинной осью на северо-северо-восток. По краям кургана — крупные камни, лежащие наклонно к середине, внутри — наброска из мелких камней. Наибольшая мощность кладки — 30—40 см в средней части (рис. 3). Под кладкой — могильное пятно, ориентированное как и курган. Заполнение пятна серо-зеленого цвета, в южной части пятна — обожженная почва и кусочки древесного угля. Параллельно пятну под кладкой — остатки досок.

На глубине 90 см обнаружены части берестяного футляра. В северной части за гробом найдена вертикально стоящая кость бараньей ноги. Под берестой находились кости рук и ног, позвоночник и череп, как бы обклеенные прочно приставшей к нему берестой. Рядом с нижней челюстью лежали два костяных наконечника стрелы (рис. 9, 3, 4).

Поверх берестяного футляра в деревянном перекрытии встречены кусочки железа. После снятия деревянного перекрытия на левой плечевой кости, также на бересте, обнаружен железный наконечник стрелы с остатками древка

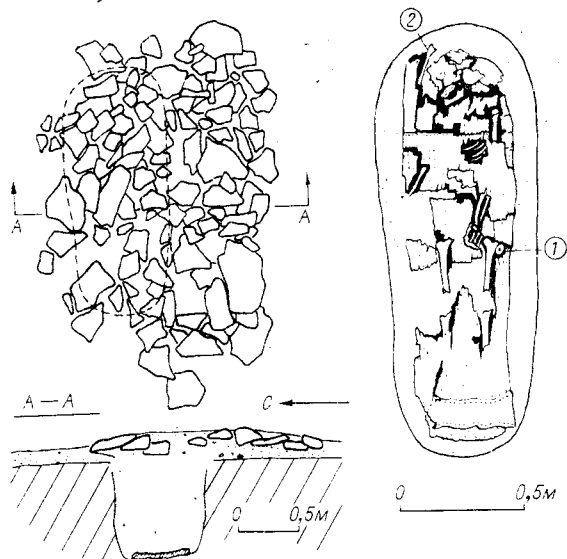

Рис. 4. План и разрез погребения № 12.
1 — керамический кружочек; 2 — баранья кость (стегно).

(рис. 9, 5), острием к голове под наконечником — фрагменты железа. С левого бока на бересте лежала костяная накладка лука длиной 22—23 см с расширенными концами и узкой серединой: верхний конец — на уровне головки бедра, нижний — выше колена (рис. 13, 2). С левой стороны скелета между грудной клеткой и плечевой костью — мелкие кусочки железа. На правой стороне грудной клетки на верхнем ребре — то же самое. Между ног, выше колен, на дне — берестяная выкройка продолговатой формы с прямыми боками и закругленными концами со строчкой шитья по всем краям (рис. 10, 11). Сам берестяной футляр кажется сшитым из продольных пластин бересты и сверху обтянутым поперечной берестой. При разборке выяснилось, что береста не везде идет в два слоя, а только в местах сшивания. Большой же частью продольные куски сшивались с поперечными. В области головы и ног пришиты выкроенные пластины, представляющие собой торцовые части футляра.

Дно берестяного гроба состоит из продольных пластин бересты разной величины, в ногах идут поперечные пластины. В области черепа на дне — пластина бересты подквадратной формы со следами прошивки. Прямоугольная пластина обнаружена в области таза, на дне местами найдены более мелкие пластинки разных форм.

Погребение № 12. Кладка кургана подпрямоугольной формы размером $2,5 \times 2$ м, ориентированная длинной осью с запада на восток. Основу кладки составляют камни крупных размеров, внутри — засыпка из мелких и средних

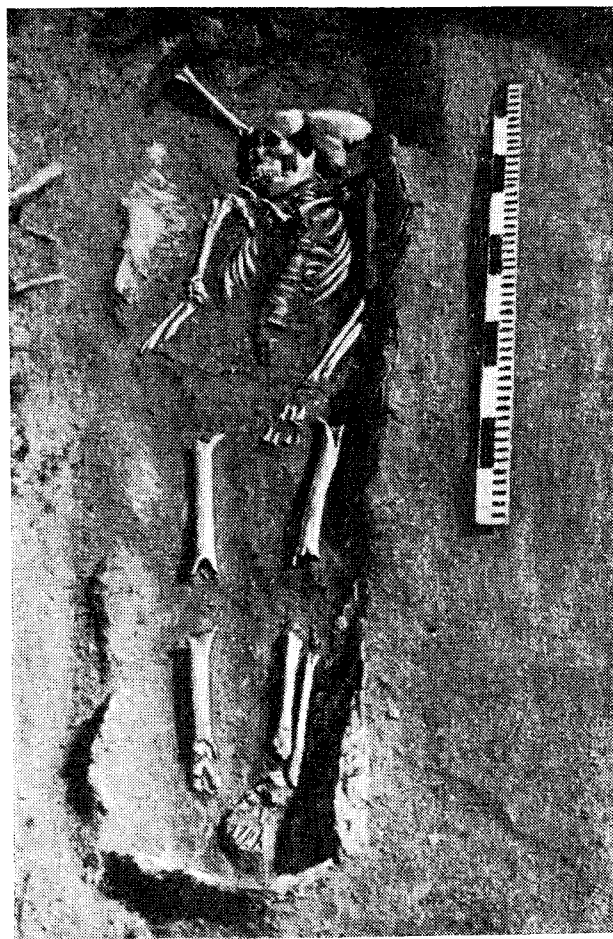

Рис. 5. Погребение № 12 в бересте.

камней (рис. 4). Под кладкой — остатки сгнившего дерева, очевидно, досок, вытянутых вдоль длинной оси. Четкого могильного пятна не обнаружено. На глубине 60 см — череп со следами бересты на нем. Дальнейшее вскрытие показало, что скелет лежит в берестяном футляре головой на восток (рис. 5). Череп сильно деформирован лежащим на нем сверху камнем. Верхняя крышка футляра продавлена, из-под нее проступают кости скелета. Последний лежит на спине, голова повернута вправо, левая рука на тазе, правая немного в стороне от тазовища, ноги вытянуты. Около головы слева — кусочек древесного кругляка, прогоревшего изнутри.

Рядом с левым бедром обнаружено изделие типа «пряслица», точнее диск от него, сделанный из фрагмента гладкостенного горшка с орнаментом «отступающей лопаточкой». Диаметр кружка $5,2 \times 4,9$ см, посередине — отверстие диаметром 7—8 мм (рис. 10, 8).

Справа от черепа оказалась баранья кость (стегно) в наклонном положении от молодой

овцы (или барана), о чем свидетельствует не сросшийся нижний эпифиз. Иных находок, кроме керамического изделия и бараньего стерна, нет.

Футляр шит из продольных пластин бересты и усилен поперечными — от пояса и выше, а также узкой (11—12 см) полосой ниже колен. В головах и ногах пришиты куски бересты в виде крышки и дна.

Сохранность костей скелета плохая: тазовые кости, правая кисть, правая стопа, эпифизы длинных костей и т. п. сгнили. Длина скелета 130 см (ребенок 10—12 лет). Глубина могилы 80 см.

Погребение № 13. Представляет собой курган размером $3,4 \times 4$ м из набросанных камней, не имеющий четкой формы. Просматривается овальное кольцо из более крупных камней, которое составляет основу кургана. Видны следы недавно выбранных крупных камней. Сделанный с востока на запад разрез показал, что толщина кладки по краям в 1—2 слоя камней, в середине 3—4 слоя, причем камни в середине частично уходят вниз в яму. Мощность кладки достигает 50—55 см. В разрезе видны крупные камни, стоящие по краям, в середине — камни помельче. Под кладкой — могильное пятно зеленовато-серого цвета. Вокруг пятна идет красноватая щебенка. В северной части ямы в заполнении были камни. На глубине 80—120 см встречены мелкие кусочки древесного угля и обожженные камни.

На глубине 110 см в верхнем правом углу ямы обнаружена баранья нога, верхним эпифизом стоящая вверх в наклонном положении. Ниже — человеческий череп, полувернутый направо, далее расчищен скелет, лежащий на спине с вытянутыми руками и ногами. Длина скелета 145—148 см. Сохранность хорошая.

В области шеи обнаружена полупрозрачная сердцевидная бусина коричневого цвета цилиндрической формы диаметром 6 мм (рис. 10, 2). Между берцовыми костями обнаружены **мелкие** обломки железа со следами приставшего дерева и железное изделие (обломок?) — плоская овальная пластина с закругленным краем. Между бедрами ближе к правому колену — спинной позвонок барана. Между левым плечом и ребрами погребенного найдено железное изделие, напоминающее нож. Под черепом обнаружена спиральная, в три витка, серьга, с подвесным крючком, сделанная из беловатого сплава. Вторая такая же серьга найдена в области пояса под костяком (рис. 10, 3). Дно — могилы на глубине 125—130 см.

Погребение № 14. Снаружи это — полузадернованная камешная насыпь неопределенной формы размером 4×5 м (рис. 6). В северной половине насыпи — яма, похожая на грабитель-

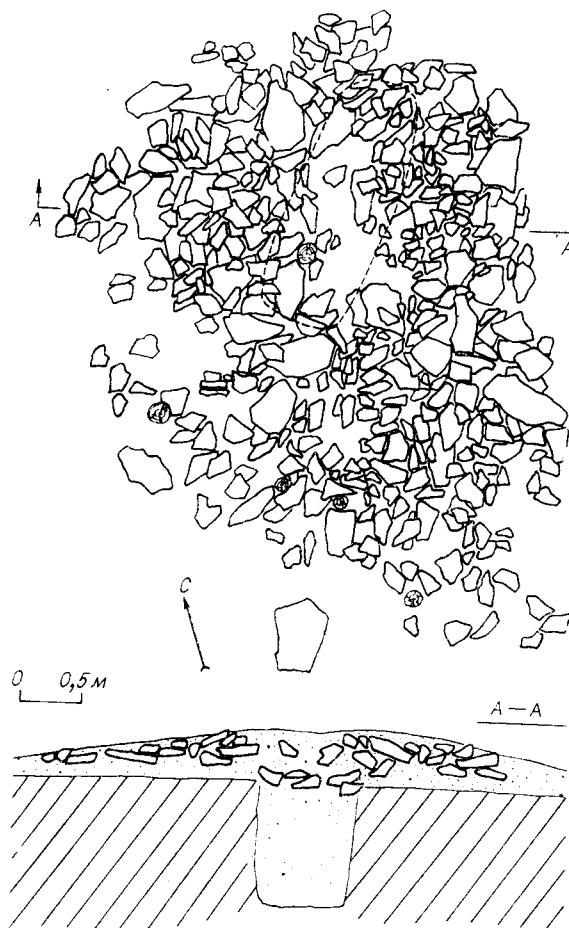

Рис. 6. План и разрез погребения № 14.

ский лаз. В насыпи после расчистки сквозь мелкие верхние камни проступили более крупные, которые образовывали как бы подквадратную ($2,3 \times 2,3$ м) основу кладки. Общая высота насыпи 40—45 см над современной поверхностью. В выбросе из западины наблюдались мелкие законченные и паленые камни. Под насыпью оказалась кладка перекрытия ямы из мелких камней, которая, как выяснилось в дальнейшем, занимала северную половину могильного пятна, ориентированного на северо-северо-восток — юго-юго-запад. Только на глубине 75 см выявилось продолговатое неправильной формы могильное пятно. На глубине 90 см в северном конце ямы над головой обнаружены фаланги от человеческой стопы, очевидно, занесенные туда грызунами. Ниже в том же месте найден череп, далее обнажился скелет. Все кости, за исключением фаланг ног, оказались на своем месте. Погребенный был положен на спину, головой на северо-северо-восток (40°), с вытянутыми руками и ногами, правая кисть немного отставлена от тела, лицо полувернуто направо (рис. 7, 8). Большая и малая берцовые кости правой

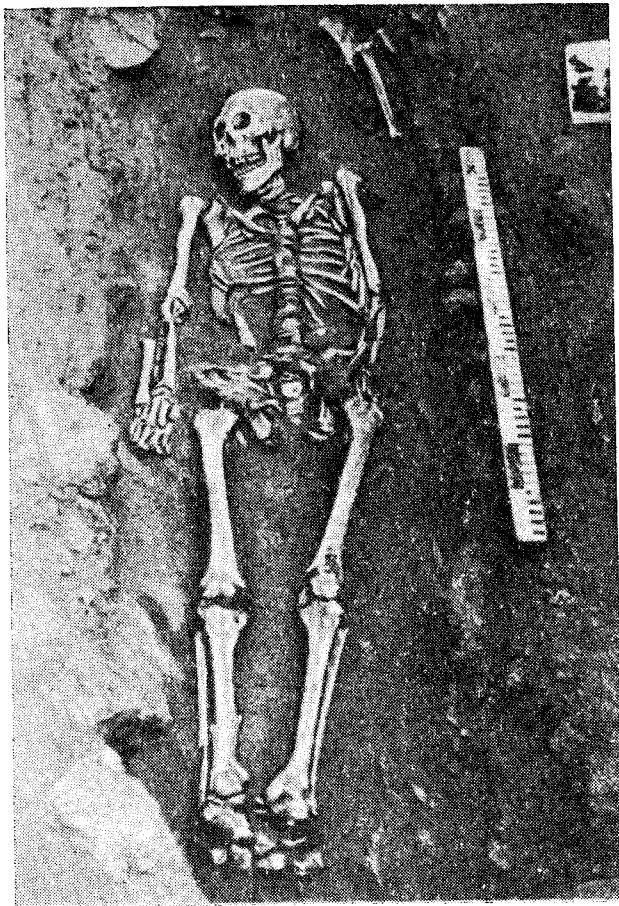

Рис. 7. Погребение № 14.

ноги — со следами перелома и неправильного сращения.

Погребение оказалось нетронутым. Слева от черепа, напротив ушного отверстия найдена кость ноги барана верхним эпифизом кверху. У левого плеча на дне ямы лежали железные удила из двух звеньев с небольшими колечками, довольно короткие. У правого плеча обнаружено 5 или 6 железных наконечников стрел, как бы спекшихся в одну кучу. Наконечники разных форм (рис. 9, 6, 7), в основном типа срезней.

На скелете выше пояса повсюду встречены пластинки-нашивки — деревянные, прямоугольные, размером 3×1 см, толщиной до 3 мм, покрытые светлой серебристой пластинкой тила фольги. Таких нашивок найдено около 20, первоначальное количество установить трудно. Некоторые из них встретились около бараньей ноги, в изголовье. На правой локтевой кости лежал железный нож лезвием кверху, с ободком из такой же серебристой металлической пластинки, с деревянной ручкой, в деревянном чехле. Рядом найдена костяная накладка лука

длиной 16 см, с узкой серединой и расширенными до 2,5 см концами (рис. 9, 1). На левой тазовой кости — обломок еще одного небольшого ножа лезвием книзу, выше его на локтевых костях левой руки — отставший, вероятно, от этого ножа конец кожаного (?) чехла с приставшей к нему тканью от одежды. След ткани замечен и под обломком на тазе. На дне, выше тазовых костей, т. е. по линии пояса, идут остатки ткани, пропитанные разложившейся металлической фольгой в виде пластинок.

Под черепом, со стороны правого уха — проволочная медная серьга; вторая такая же серьга лежала под подбородком, сбоку от шейных позвонков (рис. 10, 4). Под скелетом, в области левой лопатки, — полоска металлической фольги, но не такая, как от деревянных нашивок-пластинок; под правой грудью — пластинка-нашивка с фольгой; возле правой лопатки — железное изделие; под правым тазом — небольшая железная пластина типа ремennого наконечника или накладки с полукруглыми концами.

Погребение № 15. Имеет вид небольшого кургана из мелких камней высотой до 25 см, вытянутого по склону с севера на юг, размера-

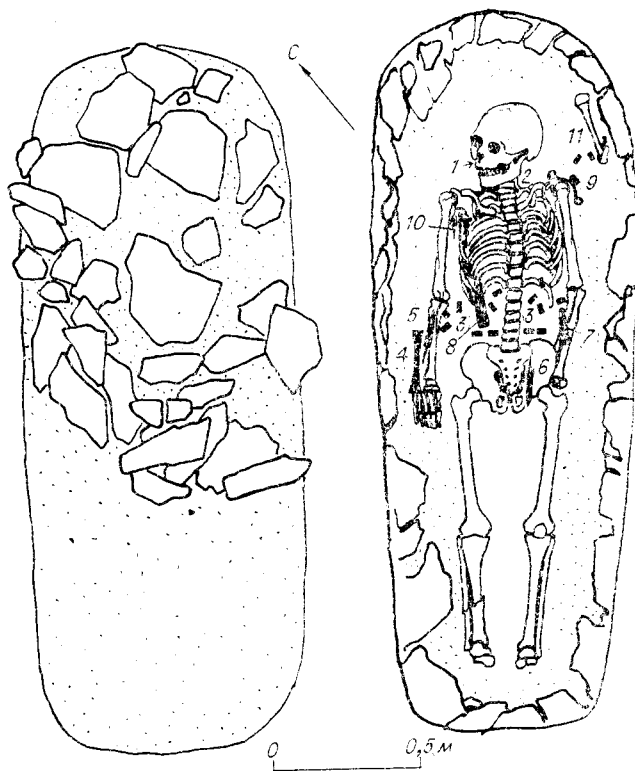

Рис. 8. План могильной ямы и погребения № 14.
1, 2 — серьги; 3 — поясные нашивки; 4 — накладка лука; 5, 6 — ножи; 7, 8 — чехлы от ножей; 9 — удила; 10 — наконечники стрел; 11 — баранья кость (стегно).

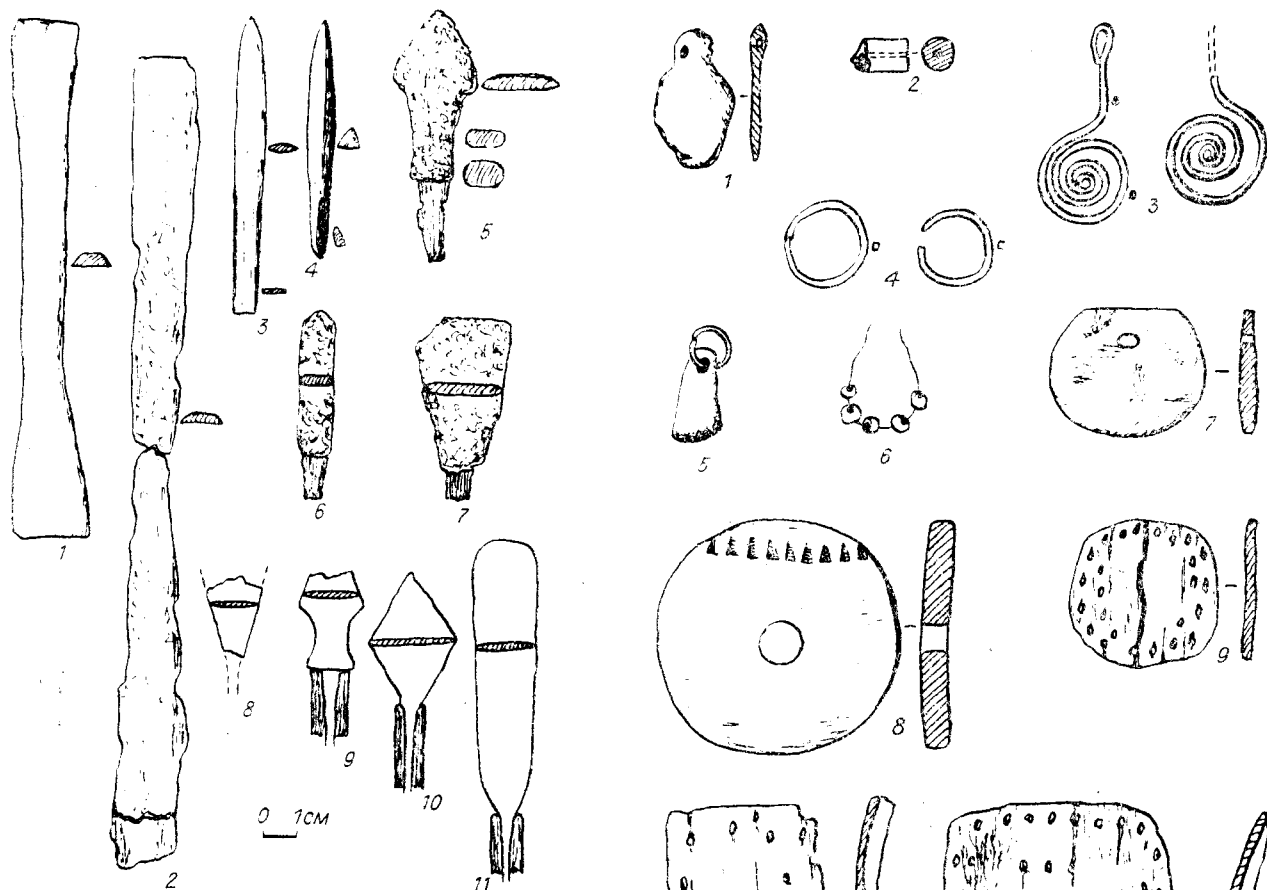

Рис. 9. Предметы вооружения из погребений.
1, 2 — роговые накладки лука; 3, 4 — костяные наконечники стрел; 5—11 — железные наконечники стрел.

ми 3 × 2 м. После расчистки выявилась приблизительно таких же размеров кладка-насыпь, в которой просматриваются крупные камни-плиты, лежащие в основании кладки, сверху — наброс из мелких камней (рис. 11). По очертанию северной половины видно, что первоначально вся кладка была прямоугольной формы. Южная половина ее частично растащена. На западной стороне кладки обнаружено красное пятно горелости и черные угли, такая же картина — на северо-восточном краю насыпи.

На глубине 20—25 см появилось маленькое узкое продолговатое пятно длиной 150, шириной 30—35 см, ориентированное на северо-северо-восток — юго-юго-запад, ниже оно расширилось до 40—50 см. На глубине 60—65 см в изголовье найден кончик торчащей бараньей ноги и береста. Захоронение детское, в берестяном футляре длиной 130, шириной 36 см. Футляр предположительно из продольной бересты, но основная его часть, от шеи до щиколоток, обтянута сверху еще поперечной.

В бересте оказался детский скелет длиной

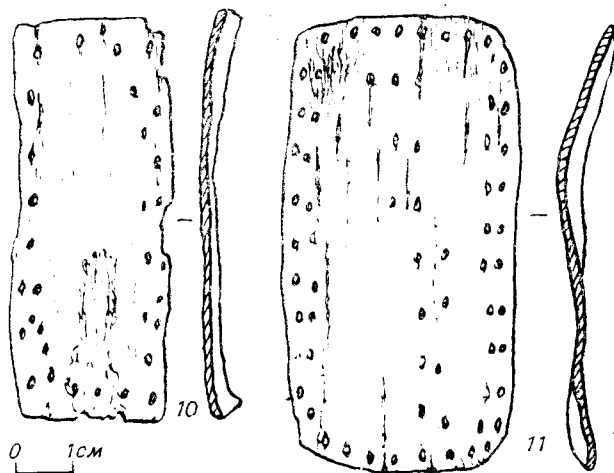

Рис. 10. Украшения и прочие предметы из погребений в Кибалино.

1 — бронзовая подвеска, 2 — каменная бусина, 3, 4 — бронзовые серьги, 5 — подвеска из зуба животного, 6 — бусины стеклянные, 7 — подвеска из камня, 8 — глиняный кружочек, 9—11 — берестяные изделия.

117—118 см. С левой стороны выше плеча найдены железные наконечники стрел, спекшиеся между собой. Три наконечника различных форм — ромбовидные плоские, веслообразный плоский, фигурный плоский; четвертый обломок определить затруднительно (рис. 9, 8—11).

Поперек плечевых костей, возле локтей, были наложены пластинки бересты подпрямо-

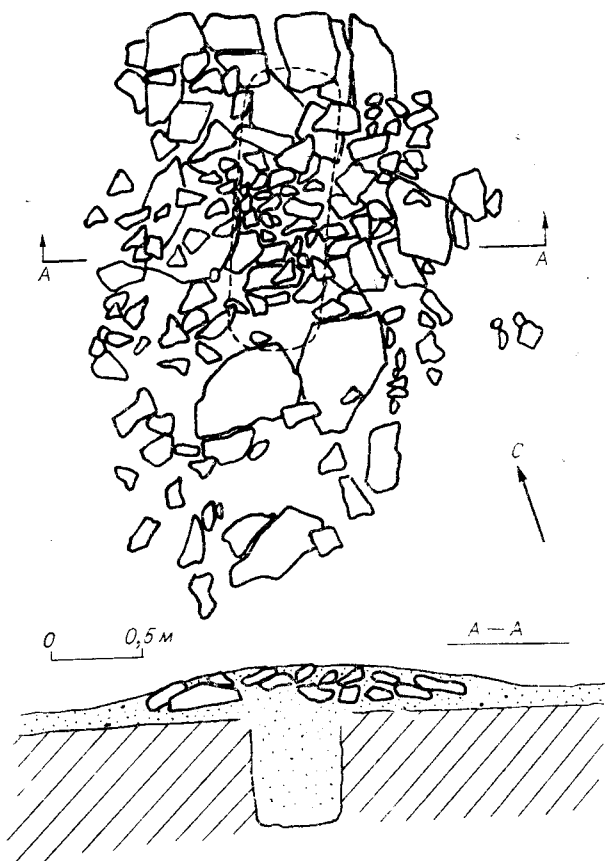

Рис. 11. План и разрез погребения № 15.

угольной формы с обрезанными краями и следами прошивки по краям. На левой бедренной кости параллельно ей лежал железный нож с деревянной ручкой (рис. 12, 2). Между бедренными костями — какое-то изделие в виде свернутой в трубочку бересты, возможно деталь от колчана. За пределами гроба в изголовье были обнаружены кусочки древесного угля. В левом верхнем углу на линии черепного свода торчала баранья нога. В области пояса лежал бараний позвонок.

Сохранность костей скелета плохая. Свод черепа раздавлен, но лицевая часть уцелела. Скелет лежит на спине с вытянутыми ногами. Руки чуть согнуты в локтях и покоятся на тазе. Левая бедренная кость погребенного была сломана посередине, фрагменты ее лежали заходя концами друг за друга.

Обследованная группа захоронений в Кибалино составляет довольно однообразный погребальный комплекс. Надмогильные сооружения — курганного типа, состоят из каменных насыпей или набросок, полузадернованных или задернованных иногда настолько мало, что кладка не нуждается в расчистке. Высота курганов над современной поверхностью в среднем

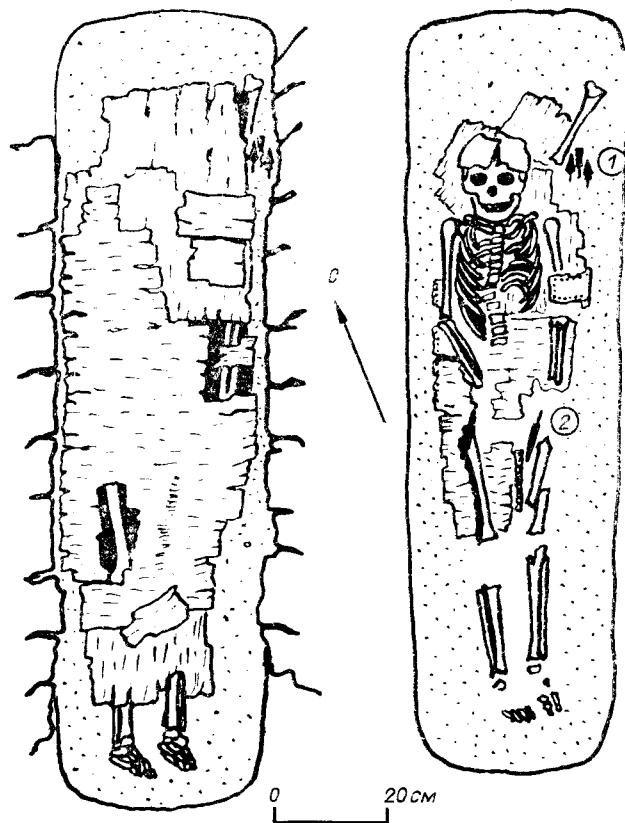

Рис. 12. Погребальная камера и остатки захоронения в могиле № 15.
1 — железные наконечники стрел; 2 — железный нож.

20—30 см от древней поверхности — 40—50 см. Форма кладки, как правило, круглая или овальная, но нечетко выраженная, размерами от 2 до 5 м в диаметре; иногда попадаются подпрямоугольные кладки. Уплотненность или даже впадины у некоторых кладок — за счет последующей разборки или грабительского вмешательства. У некоторых курганов замечено, что полы их обкладывались камнями покрупнее внакладку в сторону вершины. Иногда под насыпью кургана есть небольшие кладки перекрытия ямы, т. е. камни, закрывающие устье могилы и западающие в нее (рис. 6, 8).

Могильные ямы продолговатые подпрямоугольные или с закруглениями коротких сторон, глубиной от 45 до 120 см, размеры соответствуют величине погребенного, но иногда несколько расширенные и вытянутые, особенно в изголовье. Дно, как правило, горизонтальное, даже если яма вырыта на склоне горы. В заполнении ям почти во всех могилах встречаются следы огня в виде пятен горелости с палеными камешками либо в виде мелких, рассеянных по яме, угольков и головешек.

Внутри могил зафиксированы два варианта захоронения: 1) в берестяном футляре, иногда

с дощатым перекрытием сверху; 2) без приспособлений (просто в яме). В применении этих способов различий по полу и возрасту не наблюдается. Футляр шивался из разной величины кусков бересты в сочетании продольных и поперечных выкроек.

Труположение во всех погребениях вытянутое на спине, головой ориентированы преимущественно на северо-северо-восток и северо-восток, но встречается и восточная ориентация. Голова часто полуповёрнута вправо, та или иная рука иногда положена на бедро.

Сопровождающий инвентарь неравномерен по количеству, но относительно однороден по содержанию. У мужчин — остатки лука в виде костяной накладки, железные и костяные наконечники стрел, железные ножи, удила от узды (не всегда), у мальчиков и юношей — то же. У женщин вооружения и конского снаряжения не обнаружено, хотя ножи имеются. Украшения в виде бусин и серег зафиксированы не только у женщин, но в одном случае и у мужчины: найдены кольцевые проволоочные серьги.

Наконец, общим для всех элементов погребального обряда является обычай класть в изголовье покойного баранье стегно, причем его обычно ставили вертикально или чуть наклонно, нижним эпифизом вниз. У некоторых кроме стегна находятся отдельные бараньи позвонки — либо в ногах, либо в области пояса.

Чтобы установить культурно-хронологическое место описанного погребального комплекса, рассмотрим известные нам сравнительные материалы из Западного Забайкалья.

Первые сведения о подобном типе захоронений мы находим у Ю. Д. Талько-Грынцева, раскопавшего в нескольких местах по две-три могилы, в которых покойники были «в деревянных гробах, обернутые в бересту» или «в выдолбленной колоде»¹. Интересно, что уже тогда этот первооткрыватель многих западно-забайкальских древностей верно предугадал, правда, больше по антропологическим признакам, этническую принадлежность этих захоронений. «Мы видим, — писал он, — все признаки монгольской расы, выступающие только сильнее, чем в черепах современных бурятских и халхасских. Можно поэтому предполагать, что это было одно из племен монгольских, удержавших в более чистом виде свои особенности, вроде крайней короткоголовости, и жило здесь вероятно до пришествия бурят»².

В 1925 г. Г. Ф. Дебец раскопал 7 погребений у с. Зарубино на р. Селенге, которые он

сравнивал с только что упомянутыми и относил к наиболее поздним из известных к тому времени могил железного века, связывая с «одним из кочевых монгольских племен, населявших край в начале II тыс. н. э.»³

Позднее Г. П. Сосновский, классифицируя памятники I и II тыс. н. э. причислил зарубинский могильник выделенной им Саянтуйской стадии (XIII—XIV вв.), куда он включает раскопанные им «могилы воинов-кочевников» около дер. Саянтуй на р. Селенге, в Ильмовой долине близ г. Кяхты, на сопке Тапхар и у с. Сотниково близ г. Улан-Удэ, в местности Енынской в окрестностях с. Селендумы, у горы Кумын в долине р. Чикоя и некоторые другие⁴.

Суммарную характеристику этой группы могил приводит в своей работе Е. А. Хамзина: «Для могил этой группы характерна плоская надмогильная кладка округлой, овальной или подквадратной формы, диаметр которой колеблется от 2,5 × 1,5 м до 4,0 × 5,0 м. Костяк залегает в могилах разной глубины — от 0,3—0,5 м до 1,95 м — обычно в вытянутом положении на спине, в колоде, берестяном гробу или просто в яме, иногда он покрыт кусками бересты. Ориентировка костяков также различна, но преобладает северная, северо-восточная и восточная, встречается и западная. Инвентарь представлен: предметами вооружения (костяные накладки на лук, берестяной колчан, железные и костяные наконечники стрел, железный нож, остатки копья и сабли); конскими снаряжениями (стремена, удила, остатки седла); одеждой и ее принадлежностями (остатки ткани, пояс, иногда с серебряными украшениями и пряжки); украшениями (бусы, подвески, пуговицы, серьги, зеркало, бляшки); утварью (остатки берестяных туесов, деревянные чашечки, глиняные горшки); пищей (зерна проса и кости животных)»⁵.

Нетрудно заметить, насколько совпадают основные черты этого погребального комплекса с той характеристикой, которую мы дали выше кибалинским средневековым могилам. Культурная принадлежность их, таким образом, вполне определена. Но каким временем датировать их: XI—XIII веками, как Г. Ф. Дебец, или XIII—XIV веками, как Г. П. Сосновский?

Обратимся вначале к Прибайкалью. Из Тункинской долины известны могилы, раско-

³ Дебец Г. Ф. Могильник железного периода у с. Зарубино. — Бурятведение, 1926, № 2, с. 15—16; Он же. Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье. — Жизнь Бурятии, 1926, № 7-9, с. 105—106.

⁴ Неопубликованные материалы из архива Г. П. Сосновского. — См.: Архив ЛОИА, ф. 42, д. 236, 237.

⁵ Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. (Поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970, с. 10—11.

¹ Талько-Грынец Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — Труды ТКОРГО, М., 1900, т. I, вып. 3, с. 48—50; 1902, т. IV, вып. 2, с. 43—47.

² Талько-Грынец Ю. Д. Материалы..., — Труды ТКОРГО, т. I, вып. 3, с. 49—50.

панье в 20-х годах Б. Э. Петри. Они были обозначены снаружи площадками из булыжника, выложенными в виде круга. Погребенные находились в колодах. Инвентарь состоял из серебряных и золотых украшений, жемчуга, бронзовых зеркал, шелковой ткани, конской сбруи, стремян и удиц, сложного монгольского лука, наконечников стрел со свистунками. В могиле найдены бараньи кости⁶. А. П. Окладников датировал Тункинский могильник XII—XIV вв. н. э. и связывал его с монголами времен империи Чингиса.

Другой открытый им в верховьях р. Лены в 1929 г. Сэгэнутский могильник он датирует XI—XII вв. и приписывает его, подобно тому как Г. Ф. Дебеч — Зарубинский могильник, первым монгольским переселенцам, проникшим из Забайкалья в ленские и кудинские степи и «являющимся прямыми предками бурятских племен на Лене и Ангаре»⁷. Отметим, что могилы из улуса Сэгэнут, в отличие от Забайкальских, имели свои особенности — специальное захоронение коня возле одной из могил и присутствие глиняных горшков своеобразной выделки, напоминающей технологию мохэской керамики Амурского и Приморья⁸.

Теперь о Забайкалье. Г. П. Сосновский причислял тункинские могилы к Саянтуйскому этапу своей периодизации — XIII—XIV вв., не очень расходясь в этом с А. П. Окладниковым. Но он включал туда же и зарубинские погребения, что намного расходится с датировкой Г. Ф. Дебеча. Кроме того, в периодизации Г. П. Сосновского существовал пробел между памятниками Саянтуйской стадии XIII—XIV вв., которые он связывал с монголами, и памятниками так называемого Хойцегорского типа (VII—X вв.), приписываемого тюркам-уйгурам. Плодотворная попытка восполнить этот пробел принадлежит Е. А. Хамзиной.

Е. А. Хамзина на основе исследованных ею Тапхарского могильника в Иволгинской долине и Телятниковского могильника в Баргузинской долине выделила промежуточную стадию развития позднекочевнических культур — Тапхарский этап (X—XIII вв.). Последний, по ее мнению, представлен кроме названных могильников также отдельными погребениями, раскопанными Ю. Д. Талько-Грынцевичем и Г. П. Сосновским на юге Бурятии, а также Тункинским могильником. В связи с этим заметим следующее: возможно, не без основания удревнив дату тункинских погребений на одно-два

столетия, она без каких-либо комментариев соглашается с омоложением Г. П. Сосновским даты Зарубинского могильника.

Об обрядах похорон на Тапхарских могильниках I, IV и VI, датируемых X—XIII вв., Е. А. Хамзина пишет: «Во всех могильниках усопший погребался в сравнительно неглубоких ямах, над которыми сооружалась невысокая каменная кладка округлой формы. Покойник клался в гробовище, чаще всего в колоду из толстого ствола лиственницы, реже — в гроб из досок и совсем редко (три могилы) зашивался в бересту. Берестой иногда выстилалась изнутри колода. Во всех погребениях находились косточки ног барана, положенные рядом с погребенным»⁹. Ориентировка погребенных преобладает северо-восточная и северная.

На Телятниковском могильнике «все костяки лежали на спине в вытянутом положении с некоторыми вариациями в положении рук и ног, почти все ориентированы головой на север, северо-восток, только три из них — на северо-запад. Обязательным элементом ритуала во всех могилах, за исключением детских, является кость ноги барана, поставленная вертикально. Погребальные сооружения можно разделить на следующие группы: 1) без гроба на подстилке из войлока или досок — 10 могил; 2) в колодах — 8 могил; 3) в дощатых гробах — 4 могилы; 4) «за забором» — 4 могилы. В последнем случае костяки лежали на подстилке и в неглубоком колоде из толстой плахи»¹⁰.

В целом датировка Е. А. Хамзиной погребальных и поминальных комплексов Тапхара и Баргузина, сделанная по найденным вещам на основе привлечения широких аналогий из Южной и Восточной Сибири, не вызывает возражений. Выдвинутое ею положение о смешении в тапхарских могильниках тюркских и монгольских погребальных обрядов, а следовательно, о постепенном вытеснении первых последними, заслуживает внимания. Дело в том, что по настоящее время еще не разработаны твердые критерии классификации погребальных комплексов I тыс. н. э. вообще и по разграничению тюркских и монгольских захоронений — в частности.

Что касается обследованного нами погребального комплекса в Кибалино, то после сравнительного обзора материалов удалось установить следующее: 1) погребения принадлежат монголоязычным племенам, точнее — одной из таких групп; 2) можно говорить с определенной долей уверенности лишь о нижней дате могильника — об XI в. н. э., времени начала

⁶ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, с. 283—284.

⁷ Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье. — В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 206.

⁸ Там же, с. 207.

⁹ См.: Хамзина Е. А. Археологические памятники. с. 117—118.

¹⁰ Там же, с. 122.

массового расселения монголоязычных племен по территории Забайкалья и Прибайкалья. Верхняя дата остается открытой, ибо, ссылаясь на данные Г. П. Сосновского, с равным основанием можно говорить и о XIII—XIV веках. Кроме того, у нас пока нет оснований отрицать более поздние даты.

Е. В. КОВЫЧЕВ

МОНГОЛЬСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Археологическим отрядом Читинского пединститута, проводившим в последние годы стационарные исследования в бассейнах рек Ингода и Онон, было обнаружено и раскопано несколько погребений монгольского времени (XI—XIV вв.), дающих наглядное представление о погребальном обряде той эпохи.

В 1968—1969 гг. четыре таких погребения были вскрыты в ходе исследования бурхотуйского могильника в окрестностях с. Ононск, Оловянинского района¹. Погребения выражены на поверхности небольшими каменными выкладками и относились к типу курганных.

Погребение № 3. Расположено в 50 м выше устья распадка, в котором находится могильник, к северу от современного кладбища. Выкладка овальной формы, размерами 250 × 200 см, сложена из небольших камней. Мощность кладки 25—30 см. Ниже было выявлено могильное пятно, ориентированное по линии север-юг. Границы его расплывчаты.

У северной стенки могильной ямы, на глубине 60 см, торчала задняя кость ноги барана, а ниже, на глубине 100 см был обнаружен костяк человека, лежавшего на спине в вытянутом положении, головой на север, с уклоном в 5° к востоку. Кости хорошей сохранности, но некоторые из них отсутствовали. С правой стороны, у черепа, сохранились остатки берестяной «подушки». На груди погребенного была найдена баранья лопатка и 6 раковин каури. При вскрытии могилы повсеместно встречались древесные угольки (рис. 1, А).

Погребение № 15. Расположено в 60 м северо-западнее погребения № 3. Выкладка округлой формы, размерами 150 × 170 см, сложена довольно плотно из средних по размерам камней. Могильное пятно выявлено ниже. Разме-

Таким образом, состояние источников по периоду средневековой истории Западного Забайкалья позволяют в данное время датировать вновь открытый погребальный комплекс довольно широким диапазоном времени¹¹.

¹¹ См. также статью Е. В. Ковычева в настоящем сборнике

ры его 170 × 45 см. Мощность кладки 20—25 см. Костяк лежит на глубине 40 см, на спине, в вытянутом положении, головой на север. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и направлена кистью в сторону таза. Кости плохой сохранности, некоторые из них отсутствуют. В районе черепа, с обеих его сторон — проволочные серьги в виде вопросительного знака, с бусинками из белого и синего стекла. С левой стороны, у таза найдены две медные китайские монеты с квадратным отверстием по центру (рис. 1, Б, 2). Монеты плотно прижаты друг к другу и связаны волосаной веревочкой, между ними была пропущена ткань.

Здесь же найдены продолговатый точильный камень, изготовленный из глинистого сланца, часть какой-то поделки, состоящая из двух железных проволочек, обмотанных тканью или волосом, а также два маленьких серебряных гвоздика со шляпками в виде пятилепесткового цветка. На костяке повсеместно зафиксированы остатки тонкой шелковистой ткани со сложным узором (рис. 1, Б).

Погребение № 17. Расположено в 120 м севернее погребения № 15. Выкладка овальной формы, размерами 220 × 150 см, сложена из средних по размерам камней в 1—2 слоя, довольно плотно. Мощность кладки 25 см. Могильная яма в погребении почти не прослеживается. Костяк человека выявлен на глубине 50 см. Сверху его перекрывают несколько мелких плит, уложенных плашмя. Трупоположение на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Ноги костяка согнуты в коленях под прямым углом, позвоночник круто изогнут. Правая рука также согнута в локте под прямым углом, левая согнута сильнее и направлена к подбородку. Кости плохой сохранности, фаланги рук и ног отсутствуют. Поза костяка объясняется, по-видимому, тем, что правая нога его срослась в коленном суставе под прямым углом, причем так, что даже не

¹ Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Новый могильник Бурхотуйской культуры у с. Ононск.— Изв. СО АН СССР, 1975, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 104. Нумерация погребений дается по рабочему дневнику.

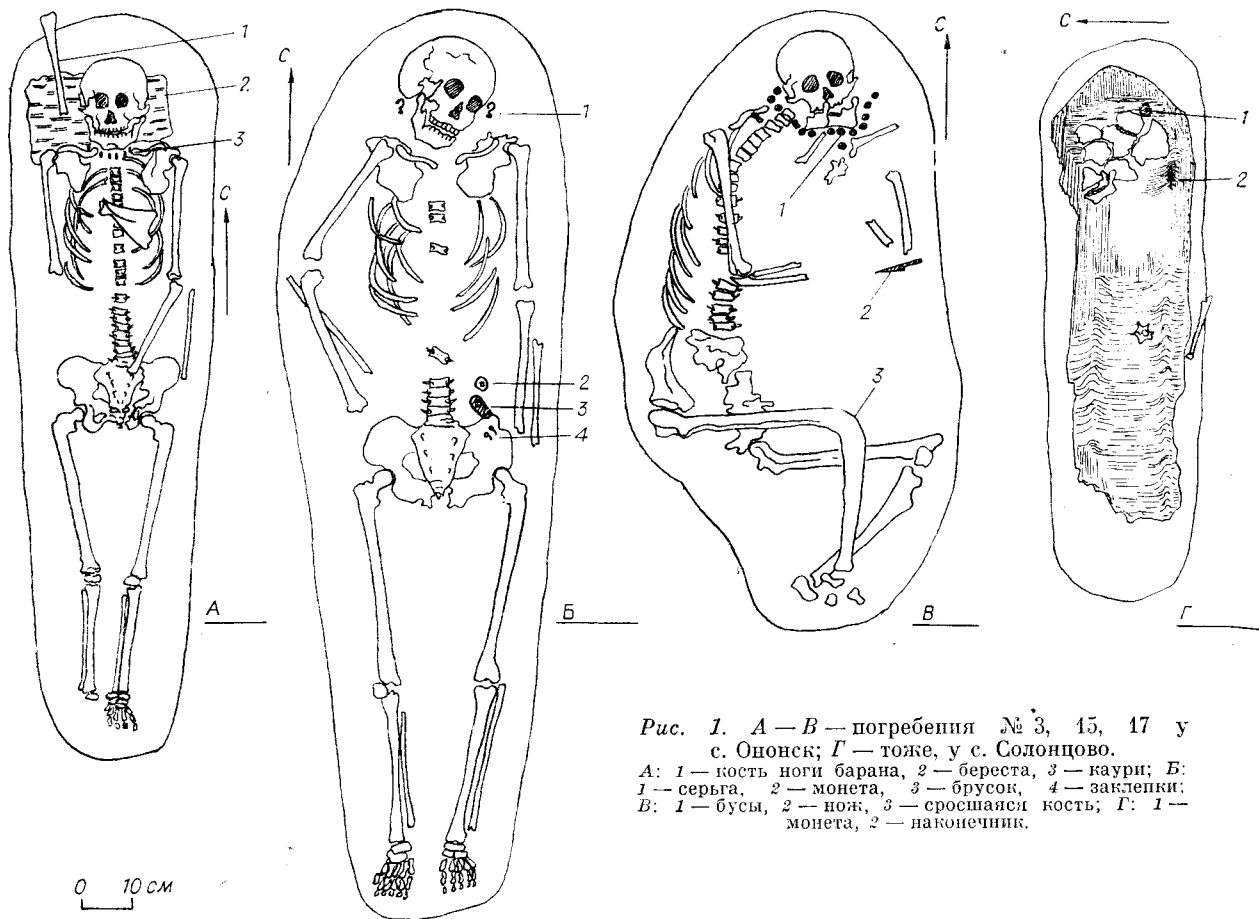

Рис. 1. А—В — погребения № 3, 15, 17 у с. Ононск; Г — тоже, у с. Солонцово.
 А: 1 — кость ноги барана, 2 — береста, 3 — каури; Б: 1 — серьга, 2 — монета, 3 — брусок, 4 — заклепки;
 В: 1 — бусы, 2 — нож, 3 — сросшаяся кость; Г: 1 — монета, 2 — наконечник.

видно коленной чашечки. Вокруг черепа по кругу располагаются 11 круглых и одна цилиндрическая сердоликовых бус, одна бусина из кости и одна — из белой пасты. Здесь же — железное колечко, а у локтя левой руки сохранился железный ножичек с остатками костяной ручки. В заполнении могилы встречены фрагменты керамики, украшенной вафельными оттисками (рис. 1, В).

Погребение № 20. Расположено в 15 м южнее погребения № 3. Выкладка овальной формы, размерами 210 × 160 см, из одного ряда камней. Могильное пятно выявлено на глубине 55—60 см, ориентировано по линии север-юг. Размеры его 180 × 45 см. Костяк — на глубине 95 см от поверхности, лежит на спине, в вытянутом положении, головой на север. Сверху, до таза, он перекрыт слоем плохо сохранившейся сшитой бересты. Жертвенной кости и инвентаря при костяке не обнаружено. Сам костяк цел, но кости сильно перегнили.

Два монгольских погребения были обследованы нами также в 1974 г. на левом берегу р. Онон, напротив с. Чиндант Ононского райо-

на. Могильник уже подвергался раскопкам в 1966 г., когда было вскрыто 15 монгольских погребений². Он расположен в полукилометре на восток от неолитического поселения Чиндант, на краю высокой скалистой террасы, резко обрывающейся в р. Онон.

Погребение № 1. Находится на краю небольшого овражка, который более чем на две трети разрушил его верхнее каменное перекрытие. Сохранившаяся часть имеет форму полуовала, размерами 245 × 85 см. Камни мелкие и средние, уложены в один ряд. На глубине 40 см от поверхности выявлена узкая могильная яма, врубленная в скалу до 50 см. Ориентирована длинными сторонами на северо-восток — юго-запад. Размеры 195 × 55 см. На глубине 100 см, в узкой плохо сохранившейся колоде, расположен костяк человека в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, руки слегка согнуты в локтях и уложены кистями на

² Асеев И. В. Памятники железного века в бассейне р. Онон. — Изв. СО АН СССР, 1975, № 11. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 106—107.

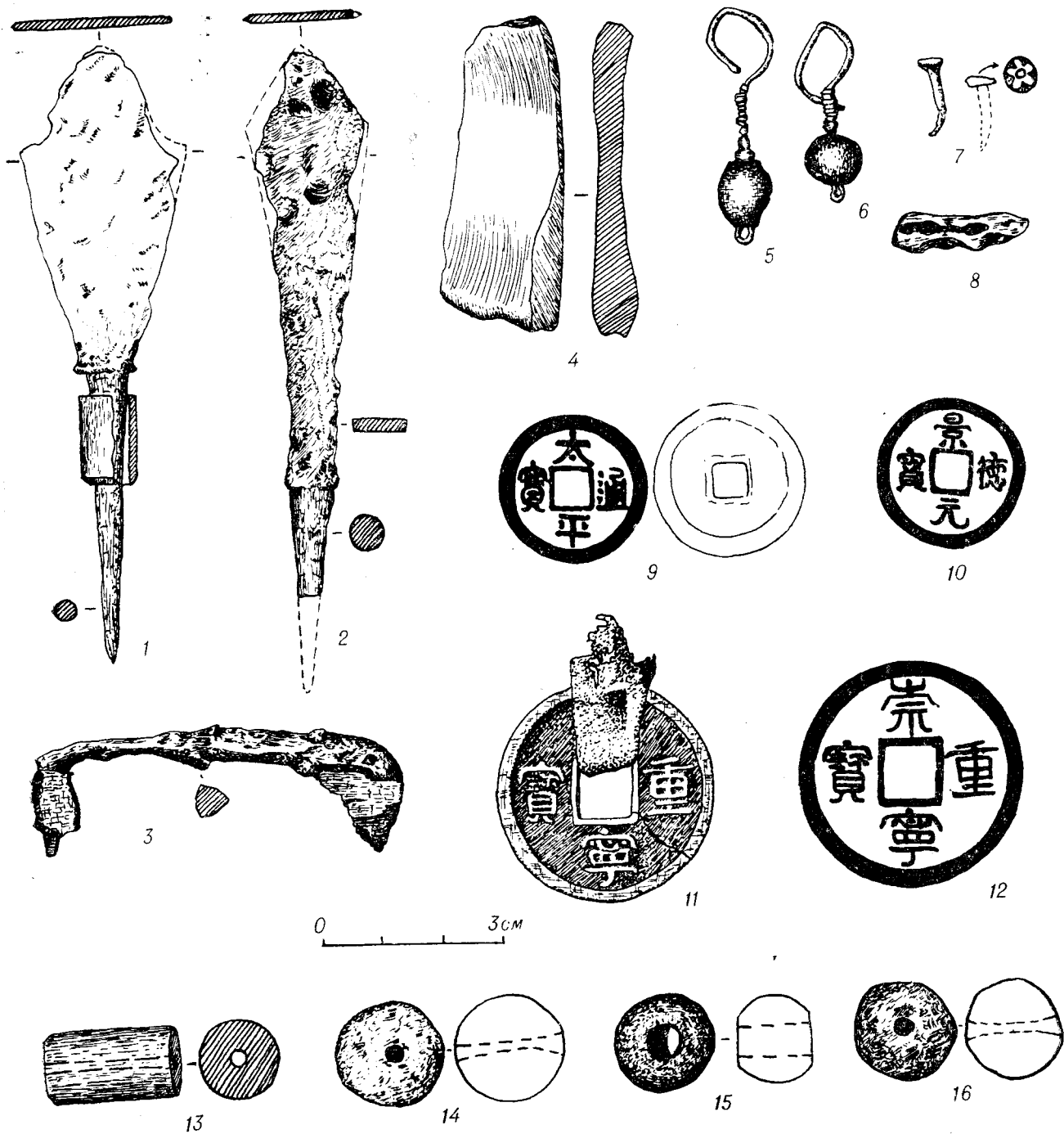

Рис. 2. Находки из монгольских погребений Восточного Забайкалья.

таз. Кости хорошей сохранности. При зачистке нижней части погребения, возможно, на сгнившей крышке обнаружены жертвенные кости животного: череп козла с рогами, под ним — разрозненные суставы ног. Здесь же найдены остатки железного ножа с деревянной ручкой. Еще один фрагмент железа, в форме стерженька, был найден в районе таза. В заполнении могильной ямы встречались мелкие кусочки

древесного угля. Погребальная камера представляла собой, по-видимому, деревянную колоду, размерами 185×55 см, высота ее не установлена (рис. 3, Б).

Погребение № 2. Располагалось в 35 м к СВ от погребения № 1. Погребение курганного типа, имеет сверху неплотную кольцевую каменную выкладку размерами 215×206 см, сложенную из мелких и средних обломков сла-

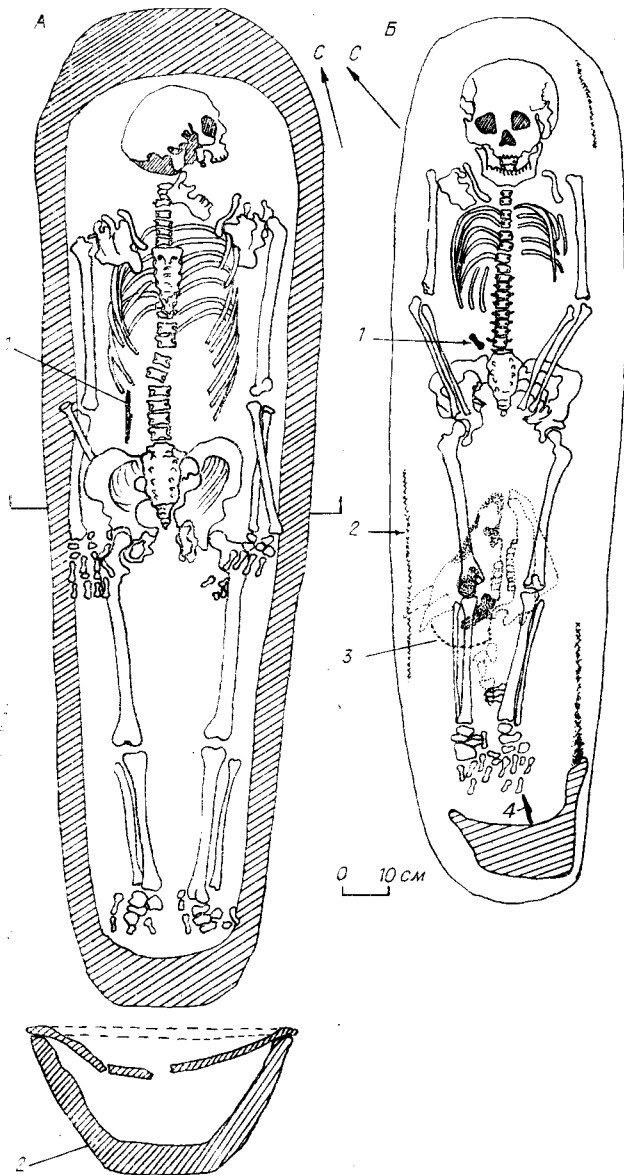

Рис. 3. Погребения А и Б вблизи с. Чиндап на р. Онон.
 А: 1 — нож, 2 — разрез колоды; Б: 1 — железный стержень, 2 — гниль от колоды, 3 — череп козла, 4 — нож.

да. Камни уложены в один ряд, причем в центральной части их нет.

На глубине 85 см от поверхности, в узкой могильной яме, выдолбленной в скале, обнаружены остатки деревянной колоды. Яма копана точно по размерам колоды, которая буквально втиснута в нее. Колода узкая, вырублена из половинки бревна и перекрыта сверху широкой доской-плахой. Края колоды закруглены, длина ее 190 см, ширина в головной части 55 см, в ногах — 35, высота колоды 25—30 см (рис. 3).

Костяк человека находится в колоде, лежит на спине в вытянутом положении, головой на

север, с уклоном в 15° к востоку. Кости хорошей сохранности, часть из них вросла в стенки колоды, которая явно узка для погребенного. Череп продавлен, повернут лицом к востоку. В районе таза обнаружены фрагменты узкого железного ножа с остатками деревянной ручки.

Наконец, в 1976 г. были вскрыты еще два погребения монгольского времени; одно на р. Туре, в 3 км северо-восточнее с. Солонцово Карымского района; другое — также в бассейне р. Онон, в местечке Амаголон, у с. Чиндалей Дульдургинского района. Погребения относились к типу курганных и были выражены на поверхности камнями выкладками.

Погребение у с. Солонцово имело однослойную каменную выкладку подквадратной формы размерами 150×130 см. Камни — мелкие и средние плиты гнейса, уложенные плашмя, с налеганием друг на друга.

Сразу же под камнями перекрытия, на глубине 25—30 см от поверхности, выявлены контуры могильной ямы размерами 110×30 см, ориентированной по оси запад-восток. На глубине 65 см обнаружено захоронение ребенка 2—3 лет, помещенного в берестяной мешок. Мешок был сшит из широких полос бересты, расположенных сверху в поперечном направлении, а снизу — в продольном. Поперечные полосы были подогнуты под продольные и прошиты по краям нитками. Мешок получался сплюснутым к концам, прошитым под острым углом. В восточной части мешка сохранились остатки раздавленного черепа ребенка, а в западной — фрагменты бедренных костей. Длина костяка, судя по этим остаткам, не превышала 90 см.

Под черепом ребенка была обнаружена большая медная монета с квадратным отверстием по центру. Через отверстие монеты был пропущен широкий кожаный ремешок, крепившийся первоначально или к волосам ребенка, или к его кожаной, с тканевой прокладкой, шапочке. Кожа и ткань (последняя довольно грубого плетения), а также остатки черных смоляных волос ребенка сохранились под черепом, благодаря консервирующему действию меди.

С левой стороны от черепа найдены фрагменты плоского железного наконечника стрелы типа срезни, а в районе таза, поверх берестяного покрытия и за пределами его с левой стороны, — позвонок и задняя кость ноги барана с суставом, воткнутая вертикально (рис. 1, Г).

Погребение из пади Амаголон располагалось на склоне высокой скалистой террасы, обрывающейся к р. Онон, на 25 м севернее раскопов, заложенных на месте палеолитического поселения.

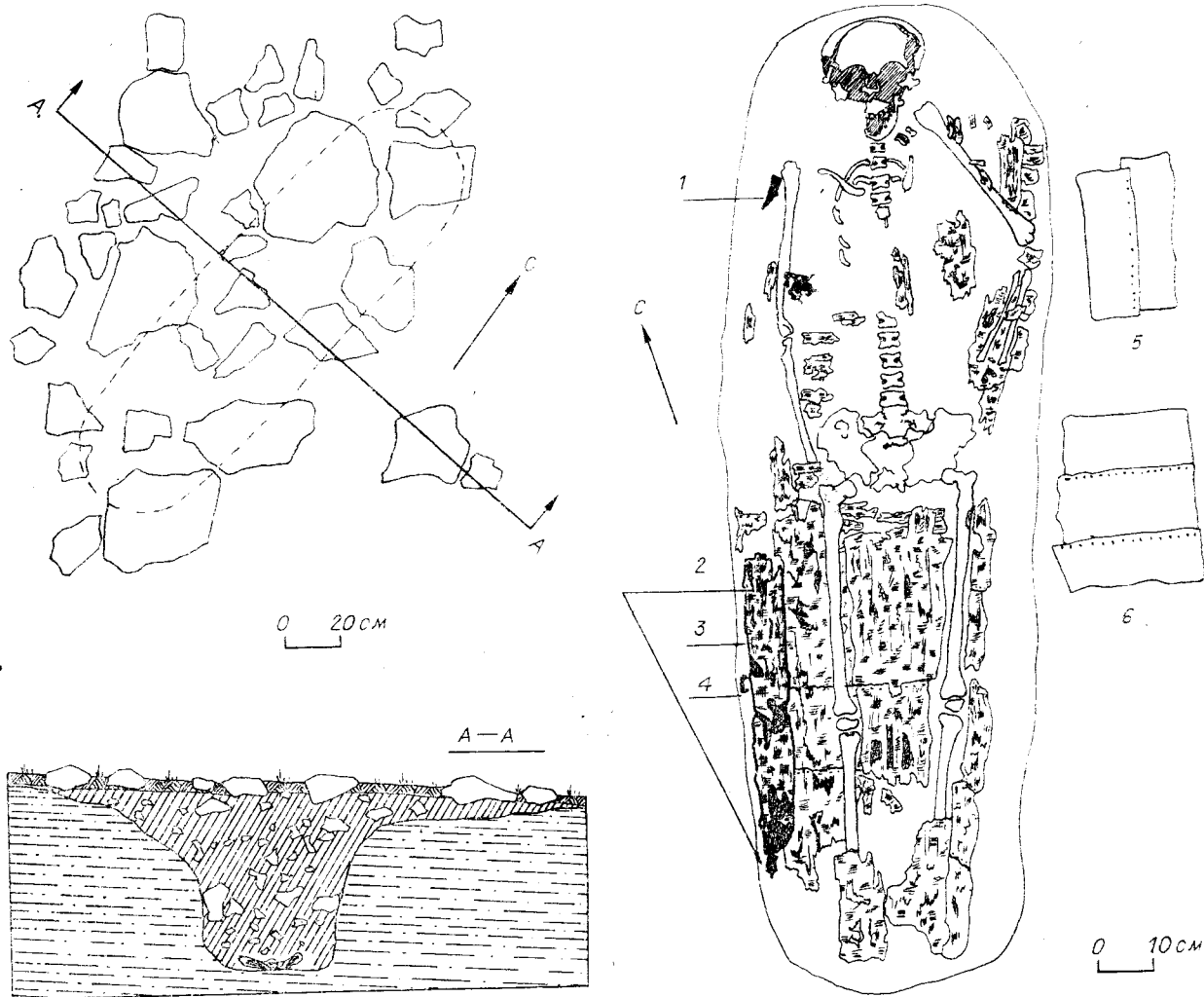

Рис. 4. Погребение в пещере Амагалон.

1 — фрагмент железного предмета, 2 — наконечники стрел, 3 — колчан, 4 — скоба, 5 — способ шивания покрывала, 6 — способ шивания подстилки.

На поверхности земли оно представлено каменной выкладкой подовальной формы, размерами 245×210 см, сложенной из мелких и средних обломков сланца. Камни уложены в один ряд, с большими разрывами в центре. Сразу же под камнями перекрытия выявлены контуры могильной ямы размерами 180×60 см. Костяк лежит на спине в вытянутом положении, на глубине 70 см от поверхности, головой на северо-северо-восток. Правая рука его вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и кистью направлена к тазу. Кости плохой сохранности, череп раздавлен.

С внешней стороны, у правой плечевой кости погребенного, сохранились фрагменты плоского железного предмета (нож?). У правого бедра расположен берестяной колчан для стрел, свернутый в форме узкой трубы. В нижней части его — железный наконечник стрелы с

цилиндрической костяной втулкой, без отверстий, кувутовидной формы. Лезвие наконечника направлено в сторону ног. Второй наконечник располагался в верхней части колчана, лезвием вверх. Под колчаном найдена железная П-образная скоба с приостренными кончиками, на которых сохранилась древесная гниль. Назначение ее не ясно.

Дно могильной ямы было выстлано кусками бересты, уложенными в поперечном направлении и сшитыми между собой нитями. Края подстилки загнуты вверх в виде бортиков. Сверху этот берестяной короб перекрывался берестяным покрывалом, сшитым из более тонких полос бересты, уложенных в продольном направлении. Остатки его сохранились на костях ног и в районе черепа. Короб и покрывало не сшивались, о чем свидетельствуют ровные, обранные ножом, края бересты (рис. 4).

В погребальном обряде рассмотренных памятников можно отметить немало и общих, и отличительных черт. Подобно другим восточно-забайкальским памятникам, относящимся к монгольскому времени, погребения имеют относительно слабые надмогильные выкладки, северную или северо-восточную ориентацию погребенных в них людей (за исключением детского погребения из окрестности с. Солонцово), а также одинаковую для всех умерших форму положения: на спине, с вытянутыми вдоль тела или положенными на таз руками. Исключение в последнем случае составляет погребение № 15 из Ононского могильника, в котором умерший захоронен на левом боку, в полусогнутом состоянии. Поза эта, однако, как отмечено выше, вынужденная, связанная с физическим недостатком погребенного.

Следует отметить и такую деталь, как расположение погребений в стороне от памятников более раннего времени, даже в случае прямого соседства с ними. Обычно они составляют периферию ранних могильников и чаще всего занимают свободные, открытые взгляду участки. Иногда такие погребения концентрируются вокруг курганов бурхотуйской культуры, как, например, в могильниках Чиндант и Ононск или же составляют отдельное кладбище.

И в том и в другом случае в расположении их не наблюдается сколько-нибудь определенной системы, характерной для погребений культуры плиточных могил.

Рассмотренные памятники дают достаточно четкое представление о сложном характере погребального обряда в монгольскую эпоху. Умерших хоронили не только в простых грунтовых ямах, без каких-либо подстилок и покрытий, но довольно часто использовали подручные материалы: бересту, дерево, камень. Из бересты изготавливались подстилки и покрывала, специальные мешки, в которые зашивались тела умерших, как, например, в погребениях Ононск (№ 20), Амаголон (№ 1), Солонцово (№ 1); или же использовались берестяные подушки (Ононск, № 3). Дерево использовалось для приготовления погребальных камер-колод и гробов. Колоды делались или из цельного бревна, разрубленного пополам, или из его половины, в этом случае они перекрывались сверху доской-плахой. Дощатые гробы сбивались по углам Г-образными гвоздями или соединялись деревянными шипами. Изнутри колоды и гробы нередко выстилались берестой или кожей. В монгольских погребениях, исследованных в 1968 г. на горе Тапхар, в районе палеолитической стоянки Сапный Мыс (Бурятская АССР), внутри колод встречены берестяные подушки, уложенные под головы умерших.

Зачастую, такими «подушками» служили плоские плитки камня.

Любопытно также, что в погребениях могильника Малая Кулинда, исследованных в 1968 г. Р. Н. Ступниковым, под доски гроба были подведены специальные катки-чурки³, а в погребении № 2 могильника Ононск III костяк ребенка был обставлен с боков и в головной части плитками камня, стоявшими на ребре. Сверху его перекрывали, кроме того, две широкие полосы бересты⁴.

Еще одна черта поздних кочевнических погребений Восточного Забайкалья — наличие в могилах жертвенных костей животных. Обычно это кость ноги барана (овцы), часто с суставом, воткнутая вертикально в изголовье умершего с правой или с левой стороны. В погребениях могильника Чиндант⁵ кости ног баранов располагались и в изголовье, и в ногах умерших. Две бараньи косточки были встречены также А. И. Махаловым при раскопках погребения конца I — начала II тыс. н. э. в окрестностях Читы, в Сухой пади. Обе они находились в изголовье умершего с левой стороны⁶. В некоторых погребениях, наряду с костями ног или отдельно от них, встречаются позвоночники и лопатки баранов, реже кости других животных. Редки в погребениях находки черепа животных, в том числе козлов, как в погребении № 1 Чиндантского могильника. Интересно, что череп козла в Чиндантском погребении сопровождался костями ног — это проявление обычая, уходящего своими корнями в весьма отдаленную эпоху. Он зафиксирован при раскопках хуннских погребений Западного Забайкалья⁷ и погребений I тыс. н. э. из Читинской области⁸. И. Б. Коновалов предполагает, что в ряде случаев могло иметь место захоронение остатков животного вместе со шкурой, символизировавших целое животное⁹.

Погребальный обряд — устойчивый и трудноизменяемый этнический признак. Исходя из отмеченных выше особенностей этого обряда у восточно-забайкальского населения начала II-го тысячелетия н. э. можно предполагать его слож-

³ Ступников Р. Н. Отчет об археологических разведках по р. Онон Читинской области в 1968 г., с. 6—7. Автор благодарит Р. Н. Ступникова за разрешение использовать материалы его раскопок.

⁴ Ковычев Е. В. Новые памятники Бурхотуйской культуры в долине р. Онон. — В кн.: Вопросы краеведения Забайкалья, вып. 2. Чита, 1973, с. 95—97.

⁵ Асеев И. В. Памятники железного века..., с. 107.

⁶ Махалов А. И. Древнее погребение из долины реки Читы, Чита, 1930, с. 7.

⁷ Коновалов И. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976, с. 163.

⁸ Ступников Р. Н. Археологические исследования в нижнем течении Онона в 1964—1967 гг. — В кн.: Проблемы краеведения, вып. 3. Чита, 1968, с. 91.

⁹ Коновалов И. Б. Хунну в Забайкалье, с. 163.

ную этническую структуру. Такое предположение подтверждается данными письменных источников, указывающих на расселение здесь в начале II-го тысячелетия большого числа монгольских племен¹⁰. Однако определить, какой из этих групп племен принадлежат известные в настоящее время памятники, пока невозможно. Дело осложняется еще и тем, что многие из них, ввиду малочисленности погребального инвентаря, имеют лишь самую приблизительную датировку. Тем больший интерес представляют погребения, которые, благодаря обнаруженным в них монетам, могут быть датированы более точно.

Монеты, найденные в погребении № 15 Ононского могильника, небольшие по размерам, изготовлены из меди с незначительными примесями (рис. 2, 9, 10). Диаметр монет 24 мм, диаметр отверстий — 6 мм; обратная сторона их гладкая, без иероглифов. На лицевой стороне монет расположено четыре иероглифа, которые читаются в одном случае крестообразно: «Тайпин тунбао», что означает «Ходячая монета годов правления Тайпин (синго)»; годы правления — 976—983 гг. (рис. 2, 9); в другом случае — по часовой стрелке: «Цзиньдэ юаньбао» («Основная монета годов правления Цзиньдэ») (1004—1007 гг. н. э.)¹¹ (рис. 2, 10). Обе монеты выпущены в период правления китайской династии Северная Сун (960—1127 гг. н. э.), но качество отливки и даже состав сплава у них разные: вторая монета намного уступает в этом отношении первой.

Монета из погребения у с. Солонцово более массивна, также отлита из меди. Диаметр монеты 36 мм, диаметр отверстия 8 мм. Обратная сторона монеты гладкая, с ободками по краю и вокруг отверстия. На лицевой стороне расположены четыре иероглифа, читающиеся крестообразно: «Чуннин тунбао» («Тяжелая монета годов правления Чуннин»). Монета выпущена в 1105—1106 гг. н. э. в период правления династии Северная Сун, в конце годов Чуннин (1102—1106 гг. н. э.) (см. рис. 2, 11, 12)¹².

К северным племенам китайские монеты попадали, чаще всего, в качестве прямой военной добычи, однако использовались они, как видно по погребениям, не по своему прямому назначению. В детском погребении у с. Солонцово монета украшала шапочку ребенка (воз-

можно, была вплетена в его волосы), а в погребении Ононского могильника — одежду умершей женщины.

Помимо монет к украшениям относятся 6 раковин-каури, сердоликовые, костяные и пастовые бусы (рис. 2, 13—16), две проволочные серьги в форме вопросительных знаков, с панированными на стерженек бусинами (рис. 2, 5, 6), а также серебряные гвоздики со шляпками в виде пятилепесткового цветка (рис. 2, 7, 8). Датированным материалом среди них являются, безусловно, проволочные серьги в форме вопросительного знака. У кочевников Евразии такие серьги получили особенно широкое распространение в XIII—XIV вв.¹³ Н. Н. Вактурская считает их даже этническим признаком половцев¹⁴. Однако на Востоке серьги в виде этого знака известны и среди находок в Каракоруме¹⁵, и в могилах поздних кочевников на территории Восточного и Западного Забайкалья¹⁶. Более того, благодаря находкам их в погребении Ононск № 15 вместе с монетами, мы можем утверждать, что они были известны монголам задолго до их походов на запад. Поэтому права была, очевидно, О. В. Милорадович, считавшая, что эти несложные предметы возникали в каждой области конвергентно, а их производством занимались на местах¹⁷.

Среди других находок необходимо отметить узкие железные ножи, точильный брусок и три наконечника стрел из погребений у с. Солонцово и из пади Амаголон. Один из них — кунжутolistный, с костяной втулкой на черешке, два других — обычные монгольские срезни, вытянутые в форме лопаточки и приостренные к лезвию (рис. 2, 1, 2). И та, и другая форма наконечника находят себе аналогию в материалах памятников монгольского времени¹⁸.

В целом инвентарь погребений не противоречит датировке их первыми веками II-го тысячелетия н. э. Более ранними среди них являются, безусловно, погребения Ононского могильника и детское погребение из окрестностей с. Солонцово, которые датируются монетами XI—XII вв. Остальные погребения относятся, видимо, к концу XII—XIII вв., о чем свидетельствуют наконечники стрел из погребений в пади Амаголон, а также материал, полученный в 1966 г. из Чиндантского могильника¹⁹.

¹³ Вактурская Н. Н. О серьгах со средневекового городища Шехрлик. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 250—251.

¹⁴ Там же, с. 251.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. (Поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970, табл. IX, 5; Ступников Р. Н. Отчет... с. 8—9.

¹⁷ Вактурская Н. Н. О серьгах... с. 251.

¹⁸ Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. — СА, 1966, № 2, рис. 1, 2.

¹⁹ Асеев И. В. Памятники железного века, с. 107.

¹⁰ Кызласов Л. Р. Ранние монголы. (К проблеме истоков средневековой культуры). — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск. Наука, 1975, с. 171—172.

¹¹ Момот Б. Н. Определение монет средневековых памятников. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века, с. 150, рис. 2, 10; Воробьев М. В. Чжурженский клад монет из Приморья. — В кн.: Страны и народы Востока, вып. VI. М., 1968, с. 107, рис. 1, 3.

¹² Воробьев М. В. Указ. соч., с. 110, рис. II, 34.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Список сокращений	5
<i>М. В. Константинов, Д. Б. Базаров, А. Б. Иметханов, Л. Д. Базарова, Л. В. Семина, В. В. Савинова.</i> Древнее поселение Куналей	6
<i>В. М. Ветров.</i> Усть-Каренгский комплекс стоянок на Витиме	19
<i>Ю. С. Гришин.</i> Новые данные о древних памятниках из южных районов Забайкалья	26
<i>И. И. Кириллов.</i> Некоторые черты неолита Юго-Восточного Забайкалья (по материалам полевых исследований 1965--1975 гг.)	29
<i>Л. Г. Пиванина.</i> К вопросу о культурной принадлежности ранних погребений могильника Бухусаи	32
<i>Л. В. Семина.</i> Неолитическое поселение Черемушки на реке Хилук	37
<i>Е. А. Хамзина.</i> Клад бронзовых изделий из Закамны	41
<i>И. М. Шмыгуи, И. Ф. Сергеева, Ю. П. Лыгин.</i> Погребения с бронзовым инвентарем на Северном Байкале	46
<i>А. В. Тиваненко.</i> О датировке «селенгинских» петроглифов Забайкалья	50
<i>А. Д. Цыбиктаров.</i> Бронзовый век Западного Забайкалья (история исследований, итоги, перспективы)	57
<i>П. Б. Коновалов, С. В. Данилов.</i> Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье)	64
<i>Е. В. Ковычев.</i> Монгольские погребения из Восточного Забайкалья	73

